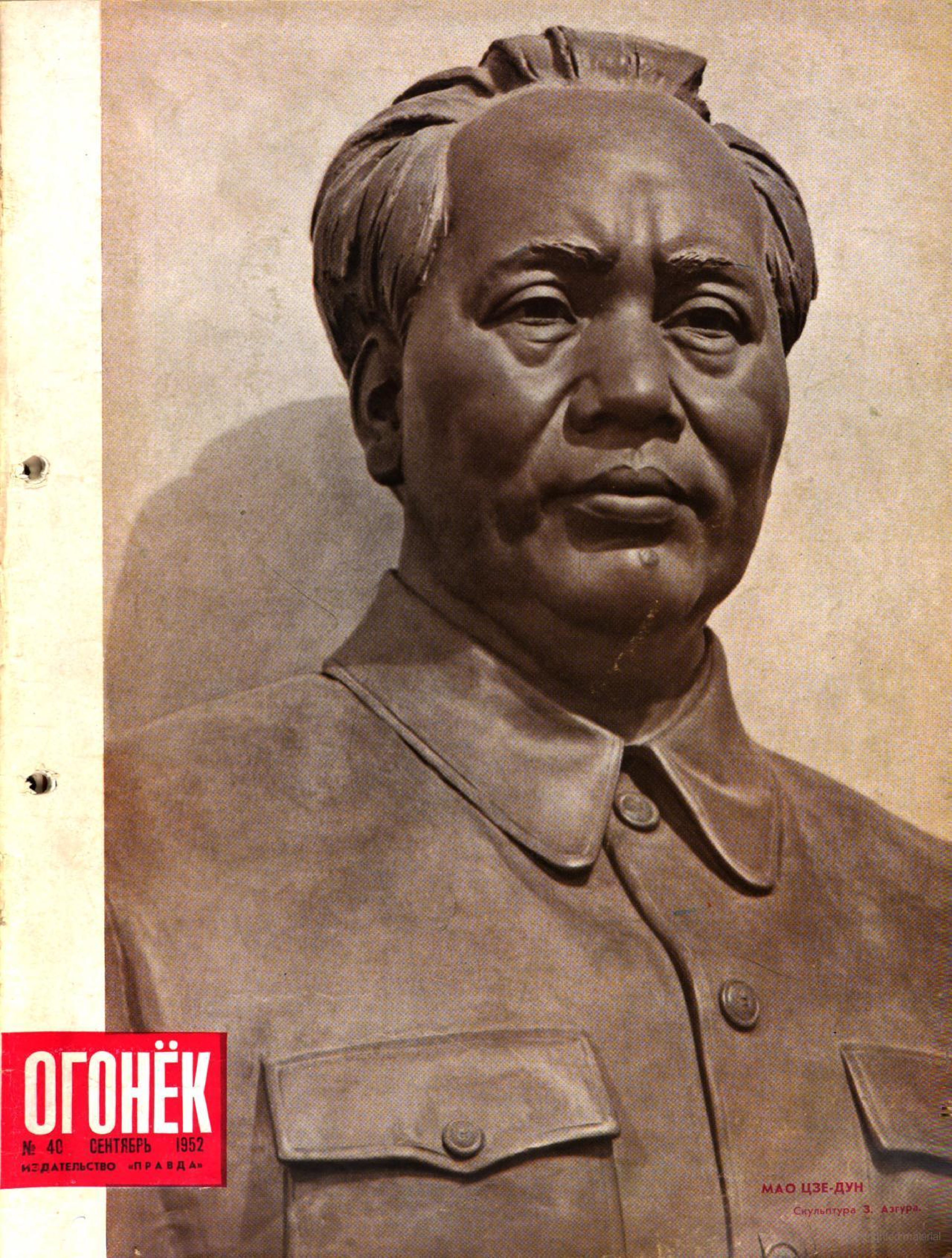

ОГОНЁК
№ 40 СЕНТЯБРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МАО ЦЗЕ-ДУН
Скульптура З. Азгура.

Строительство Мингечаурской гидроэлектростанции (Азербайджанская ССР).

Вверху: сборка арматуры в котловане здания ГЭС.

Фото С. Кулишова

Внизу: лучший экскаваторщик строительства Сорван Салманов беседует с работником нормативно-исследовательской станции треста «Гидромеханизация» Министерства электростанций И. Ф. Семеновой.

Фото Н. Максимова

Из снимков, поступивших на конкурс «Огонька»

На последней странице обложки: строительство Куйбышевской ГЭС. Мощные гидромониторы работают на сооружении котлована под здание гидростанции.

Фото С. Фридлянда

ОГОНЁК № 40 (1321) 28 СЕНТЯБРЯ 1952

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина. Шлюз № 10.

Фото Д. Бальтерманца

СЛАВА СОЗИДАТЕЛЯМ ВОЛГО-ДОНА!

На высоком, крутом берегу Цимлянского моря установлен белокаменный обелиск в честь славных строителей Волго-Дона и их героических трудовых подвигов. Мемориальные доски, укрепленные на обелиске, готовы принять имена тех, кто по предначертаниям вождя воздвигал плотины и шлюзы, насосные станции и дамбы, сажал в полупустыне леса, орошая мертвые, засушливые степи, кто сотворил чудо наших дней — соединил пять морей, переделал природу огромного края, осветил тихий Дон электрическими солнцами.

Президиумом Верховного Совета СССР названы первыми среди лучших имена двенадцати строителей Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, удостоенных высшего почетного звания — Героя Социалистического Труда. Двенадцать героев! Золотые звезды отмечают самоотверженный труд строителей во имя коммунизма, их смелое творческое решение сложнейших проблем, умелое освоение новейшей отечественной техники. Другим Указом Президиума Верховного Совета СССР отмечена наградами большая группа рабочих, колхозников, инженерно-технических работников и служащих, особо отличившихся на строительстве.

Весь советский народ с чувством большой радости и гордости приветствовал замечательных строителей Волго-Дона. В день объявления Указов Президиума Верховного Совета СССР в адрес строителей прибыли тысячи поздравительных телеграмм. Но их приходилось тотчас переотправлять в Жигули, Каховку, Тахиа-Таш и на другие стройки, куда уехали волгодонцы.

Редакция «Огонька» связалась по телефону с Героем Социалистического Труда начальником мощного шагающего экскаватора «ЭШ-14/65» Анатолием Павловичем Усковым.

— Два больших события произошли в моей жизни почти одновременно,— сказал А. П. Усков.— Меня избрали делегатом на XIX съезд партии, и в то же время пришло радостное сообщение о присвоении мне звания Героя Социалистического Труда. Великая партия Ленина — Сталина, родное советское правительство доверили нашему небольшому коллективу из семнадцати человек новейшую землеройную машину. Мы приложили все усилия, чтобы в кратчайший

А. П. АЛЕКСАНДРОВ, начальник Красноармейского строительного района Волго-Донского судоходного канала.

В. А. БАРАБАНОВ, начальник управления строительства Цимлянского гидроузла.

В. И. ЕЛИСЕЕВ, бульдозерист Водораздельного строительного района Волго-Донского судоходного канала.

И. В. ЕРМОЛЕНКО, мастер шагающего экскаватора Донского строительного района Волго-Донского судоходного канала.

срок освоить мощный шагающий экскаватор. Работая на гребне водораздела Волги и Дона, экскаватор проложил самый глубокий участок канала, вынул около трех миллионов кубометров земли. Лучшие мастера экскавации давали за смену шестьсот и семьсот ковшей, а каждый ковш — это четырнадцать кубометров грунта: целый вагон земли! Сейчас по каналу, созданному нашим коллективом, идут суда с нефтью, хлебом, металлом, лесом, машинами. Скоро наш экскаватор будет погружен на баржу, и мы поедем по каналу, а затем по Волге на строительство Сталинградской гидроэлектрической станции. Там нашему коллективу предстоит почетная работа — прокладывать самотечный канал от Волги к реке Уралу.

Затем к телефону подошел знатный экскаваторщик Волго-Дона Герой Социалистического Труда Евгений Петрович Симак. Он вынул первый ковш земли на строительной площадке Цимлянской ГЭС и завершил там земляные работы, окончив прокладку отводящего канала.

— Нет слов для выражения сердечной благодарности партии и правительству за большую заботу о строителях,— сказал Е. П. Симак.— Сейчас, в дни подготовки к историческому XIX съезду партии, мы стараемся работать еще лучше. Заканчивается демонтаж отличного экскаватора «Уралец», которым было вынуто полтора миллиона кубометров грунта. Мой сменщик Аношин уехал строить Сталинградскую ГЭС, а я с мастерами Кудрявцевым, Чернышевым и другими экскаваторщиками перехожу на сооружение оросительных каналов.

В проекте директив XIX съезда партии по пятилетнему плану записано, что одной из первоочередных задач является строительство оросительных и обводнительных систем. Мы приложим все усилия, чтобы досрочно выполнить задания пятой сталинской пятилетки. Наш коллектив спешит как можно скорее приступить к прокладке новых оросительных каналов в полупустыне.

Героя Социалистического Труда начальника управления строительства Цимлянского гидроузла Василия Арсеньевича Барабанова мы застали на новой работе: тов. В. А. Барабанову поручено руководство группой строек.

— Волго-Дон стал замечательной академией строительства для рабочих и инженерно-технических работников,—сказал тов. В. А. Барабанов.— Волгодонцы сумели в кратчайшие сроки освоить новейшую первоклассную отечественную технику, полностью механизировать все трудоемкие процессы, развить такие темпы, которых не знала ни одна предшествующая стройка. Эти успехи были достигнуты только потому, что партия вырастила строителей новой формации — людей идейных, смелых, широкообразованных, любящих и знающих технику, готовых отдать силы во имя строительства коммунизма. Если при сооружении Днепровской ГЭС был установлен мировой рекорд укладки бетона в 6 тысяч кубометров за день, то на строительстве Цимлянского гидроузла подобный объем укладки бетона считался обычным. Используя мощную советскую технику, прежде всего гидромеханизацию, нам удалось за год намыть земляную плотину длиной в 12,8 километра, потребовавшую без малого 30 миллионов кубических метров чистейшего донского песка.

Характерно, — продолжал В. А. Барабанов,— что, закончив огромную, напряженную работу, строители не чувствуют усталости. Желанный творческий труд — радость, счастье, он не может изнурять человека. Передавая трудовую эстафету, волгодонцы поехали на другие стройки, полные сил, энергии, готовые творить новые чудеса, с честью выполнять пятый сталинский пятилетний план. Уехал со строительства Цимлянского гидроузла замечательный электросварщик Герой Социалистического Труда Алексей Александрович Улесов,— он работает на сооружении Куйбышевской ГЭС. Нет сомнения, что он принесет в Жигули неукротимую энергию, опыт и знания, приобретенные на Волго-Доне. Уехал на другую стройку начальник строительного района Цимлянского гидроузла Герой Социалистического Труда Алексей Александрович Щербинин; можно заранее сказать, что он, как и все волгодонцы, еще не раз проявит свое мастерство. Награжденный орденом Ленина, главный инженер строительства Цимлянского гидроузла Николай Васильевич Разин уже приступил к работе главного инженера управления строительства оросительных и гидротехнических сооружений второй очереди Волго-Дона. Где бы ни пришлось трудиться волгодонцам, они везде и всегда будут высоко нести знамя первой великой стройки коммунизма, они ответят на заботу партии и правительства о строителях новыми большими делами, самоотверженно выполнят задания пятого сталинского пятилетнего плана.

Начальник политотдела управления строительства Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина Михаил Ильич Вязовиков сообщил редакции по телефону, что в день объявления Указов Президиума Верховного Совета СССР на трассе канала прошли митинги и собрания. Строители горячо благодарили партию и правительство за высокую оценку их труда.

— Бо́льшая часть строителей уже перебазировалась вместе со своими машинами в Сталинград, Жигули, в Каховку, Тахиа-Таш,— сказал тов. М. И. Вязовиков.— Известные на трассе экскаваторщики Герои Социалистического Труда Дмитрий Алексеевич Слепуха, Иван Васильевич Ермоленко работают на строительстве Сталинградской ГЭС. Туда же переехали партийные работники Н. А. Семенов, И. Е. Филимонов и многие другие. Строители, временно оставшиеся на трассе канала, занимаются сейчас благоустройством новых поселков, производят так называемые планировочные работы — разравнивают горы земли, вынутой машинами из ложа канала, озеленяют великую магистраль.

На Волго-Доне большой праздник. Это праздник всей страны, всего народа, приветствующего созидателей судоходного канала. Богатыри труда, соединившие Волгу с Доном, проложившие трассу пяти морей, напоившие живительной влагой мертвые земли полупустыни, идут в первых рядах строителей коммунизма.

Д. А. СЛЕПУХА, старший мастер экскаватора Водораздельного строительного района Волго-Донского судоходного канала.

А. А. УЛЕСОВ, электросварщик строительного района Цимлянского гидроузла.

А. П. УСКОВ, начальник 14-кубового шагающего экскаватора Водораздельного строительного района Волго-Донского судоходного канала.

Н. А. ФИЛИМОНОВ, заместитель главного инженера «Главгидроволгодонстроя».

С. Я. ЖУК, начальник «Гидропроекта» и главный инженер «Главгидроволгодонстроя».

Г. А. РУССО, заместитель начальника и главный инженер «Гидропроекта».

Е. П. СИМАК, машинист экскаватора строительства Цимлянского гидроузла.

А. А. ЩЕРБИНИН, начальник строительного района Цимлянского гидроузла.

ПУТЬ БОРЬБЫ И ПОБЕД

5 октября 1952 года...

К этой дате — дню открытия XIX съезда ВКП(б) — готовятся миллионы советских людей. Они стремятся отметить этот день новыми трудовыми успехами. Каждый гражданин Советской страны, думая о предстоящем съезде, восстанавливает в памяти события и факты, героические дела и ратные подвиги, совершенные под руководством партии советским народом за годы, истекшие со времени прошлого, XVIII съезда.

5 октября... В этот день ровно десять лет назад Иосиф Виссарионович Сталин отдал приказ командующему Сталинградским фронтом: «Требую, чтобы вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику».

Началось величайшее в истории войн сражение. Его победный исход повернул ход войны. Ослепительный свет военного подвига народа, борющегося за счастье человечества, озарил мир.

Сколько надо было труда, сколько творческой мысли, повседневной организаторской работы нашей партии, чтобы такая победа стала возможной! И так каждая наша победа, каждый успех, большой или малый, будь то во время войны или в обстановке мирного строительства. За каждым из наших достижений — мудрость, энергия, сила партии. А сколько таких успехов, одержанных нашим народом за эти годы, подсказывает нам память!

На Восемнадцатом своем съезде партия подвела итоги предыдущей работы: по технике производства и темпам роста нашей промышленности мы прочно заняли первое место в мире. На этой основе съездом была намечена грандиозная, рассчитанная на долгое время программа нового хозяйственного подъема — программа подготовки фундамента для постепенного перехода от социализма к коммунизму. «Только в том случае,— говорил товарищ Сталин,— если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе».

Советский народ горячо взялся за выполнение этой великой задачи. Для ее осуществления требовалось время. Приступать же к этому приходилось в крайне напряженной обстановке — в условиях развертывающейся второй мировой войны.

Крупнейшие победы сталинской внешней политики высоко подняли значение Советской державы как мощной силы, способной воздействовать на международную обстановку и изменять ее в интересах трудящихся. Советское правительство расстроило коварные планы империалистов, стремившихся разрешить свои противоречия путем организации крестового похода против страны социализма, и на ряд лет обеспечило мирный труд народов СССР.

За эти годы вступили в строй сотни новых предприятий. Начали действовать новые доменные печи, новые шахты, новые электростанции. Среди них Угличская гидростанция, первенец освоения энергетических ресурсов Волги, и многие другие сооружения, открывшие новую главу в истории социалистического строительства, главу, которая в наши дни имеет столь славное продолжение.

В эти годы наше сельское хозяйство добилось в основном решения зерновой проблемы — продукция зерновых культур превысила в 1940 году 7 миллиардов пудов. Народный доход возрос до 128 миллиардов рублей.

Темпы строительства в третьей пятилетке непрерывно нарастали. Стоящая перед народом светлая цель с каждым годом приобретала все более четкие очертания. Но в 1941 году мирный труд советских людей был прерван вероломным нападением гитлеровской Германии.

Благодаря успехам предвоенных пятилеток наша страна во всеоружии встретила нависшую над ней грозную опасность. Осуществленная партией политика индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства создала мощную экономическую базу, которую Советское государство успешно использовало для активной обороны. На основе полного утверждения социалистической системы в СССР развернулись такие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм. Коммунистическая партия соединила воедино и направила к общей цели героические усилия советских людей, подчинив все силы и средства делу разгрома врага. И когда под водительством партии советский народ победил, отстоял честь, свободу и независимость Родины, освободил порабощенные гитлеровцами народы и спас мировую цивилизацию от фашистских погромщиков, все прогрессивное человечество восприняло эту победу как триумф партии Ленина — Сталина.

То была полная победа: и военная, и экономическая, и морально-политическая. Победила советская идеология равноправия всех рас и наций, идеология дружбы народов нанесла поражение гитлеровской идеологии звериного национализма и расовой ненависти.

В огне величайшей из войн, какие знала история, блестяще выдержали испытание советский общественный строй и советский государственный строй. Советская Армия, руководимая полководческим гением великого Сталина, доказала, что она является первоклассной армией.

Вопреки расчетам империалистов на ослабление Советского Союза наша Родина вышла из войны еще более окрепшей. Неизмеримо возрос ее международный авторитет. Соотношение сил на международной арене резко изменилось в пользу социализма. В итоге победы антифашистской коалиции во второй мировой войне ряд стран установил у себя народно-демократический строй. Вскоре последовала великая победа китайского народа, изгнавшего из своей страны империалистических хищников. Образовалась Германская Демократическая Республика. Вокруг Советского государства сплотился могучий лагерь демократии и социализма. Все честные люди земного шара увидели в Советском Союзе знаменосца борьбы за мир, дружбу и независимость народов.

После победоносного окончания войны партия поставила перед советским народом новую задачу: закрепив завоеванные позиции, двинуться дальше вперед, к новому хозяйственному подъему. «Мы должны,— указывал товарищ Сталин,— в кратчайший срок залечить раны, нанесенные врагом нашей стране, и восстановить довоенный уровень развития народного хозяйства с тем, чтобы значительно превзойти в ближайшее время этот уровень, повысить материальное благосостояние народа и еще больше укрепить военно-экономическую мощь Советского государства».

Как известно, и эта задача была блестяще выполнена.

Еще в годы войны, по мере продвижения фронта на запад, началось массовое восстановление разрушенного. В те дни товарищ Сталин, поздравляя енакиевских металлургов, писал: «Своей образцовой работой вы положили начало восстановлению черной металлургии Донбасса и доказали, что трудная задача восстановления промышленности и ликвидации последствий варварского хозяйничания немцев может быть решена в короткий срок».

Предвидение вождя полностью оправдалось: уже в октябре 1947 года выпуск продукции нашей промышленности достиг довоенного уровня. В результате же осуществления послевоенного пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР объем продукции всей промышленности в 1950 году по сравнению с довоенным 1940 годом увеличился на 73 процента.

Страна с каждым годом расширяет масштабы капитального строительства. В следующем, 1951 году объем капитальных вложений более чем в два с половиной раза превысил объем капитальных вложений 1940 года. Гигантские гидротехнические сооружения, возводимые на Волге, Днепре и Аму-Дарье, не имеют себе равных в мире как по размерам, так и по темпам строительства. Не знают себе равных и осуществляемые советскими людьми планы изменения климата, насаждения лесов, орошения пустынь.

Только нашей советской социалистической Родине, только нашему народу, ведомому партией Ленина — Сталина, по плечу осуществление таких грандиозных созидательных планов. Советский строй развязал великие силы народа. Партия вызвала к жизни неиссякаемую творческую активность и инициативу трудящихся. Именно эта активность и инициатива народных масс стали важнейшим источником непобедимых сил коммунизма.

Предстоящий XIX съезд партии утвердит директивы по пятому пятилетнему плану, который будет крупным шагом по пути развития от социализма к коммунизму.

На основе достижений прошлых лет партией намечен новый могучий подъем промышленности, сельского хозяйства, культуры, науки, искусства и рост благосостояния советского народа. Вновь перед взорами трудящихся всего мира предстают коренные преимущества социалистического строя перед строем капиталистическим.

Успешное осуществление наших планов блестяще подтверждает учение товарища Сталина о том, что существенными чертами основного экономического закона социализма является обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.

В то же время движимая погоней за максимальной прибылью капиталистическая система демонстрирует свое бессилие и неспособность не только развиваться дальше, но и сохранить свое существование без войны.

Официально признано, что прямые и косвенные военные расходы США в 1952—53 финансовом году составят более 89 процентов всех их бюджетных расходов.

Гонка вооружений ведет к небывалому росту налогов, повышению цен, сокращению гражданского производства, увеличению числа безработных. По данным Всемирной федерации профсоюзов, общее число полностью и частично безработных в США, Западной Европе и Японии уже превысило 45 миллионов. Надо ли удивляться, что в этих условиях стремительное развитие нашего общества с каждым годом вызывает все большее восхищение трудящихся во всем мире! Надо ли удивляться тому, что наши величайшие победы вызывают бешеную злобу и истерические угрозы со стороны империалистической буржуазии!

«Главное,— указывал товарищ Сталин на XVIII съезде ВКП(б),— чего особенно добиваются буржуазия всех стран и ее реформистские прихвостни,— это то, чтобы искоренить в рабочем классе веру в свои силы, веру в возможность и неизбежность его победы и тем самым увековечить капиталистическое рабство... Если успехи рабочего класса нашей страны, если его борьба и победа послужат к тому, чтобы поднять дух рабочего класса капиталистических стран и укрепить в нем веру в свои силы, веру в свою победу, то наша партия может сказать, что она работает недаром».

Сегодня, идя навстречу XIX съезду ВКП(б), отмечая огромные сдвиги в пользу социализма, происшедшие за минувшие годы в соотношении мировых сил, советский народ, а с ним и все прогрессивные люди мира с полным правом могут сказать:

Да, партия Ленина — Сталина работает недаром!

ПОЕЗД ИДЕТ НА ПО

Вл. СОЛОУХИН

Фото Б. Кузьмина

Наступал вечер. В депо Рязань-Первая, как и всегда, независимо от времени суток и года, независимо от того, дождь или пурга на земле, наготове стоят паровозы. Каждый из них разогрет и время от времени отфыркивается струями молочного плотного пара. Паровозы ждут своей очереди, чтобы не спеша, разминаясь, выйти из стойла, вырваться из лабиринта станционных путей и потом, почуяв путь, прямой и дальний, рвануться в мокрую ночную темь. Пусть тогда ветер рвет и треплет косматую полукилометровую гриву дыма! Широка Родина, есть где разгуляться железным коням!

Грузовой паровоз «Л-0210» тоже ждал своей очереди. Безусый мужчина лет двадцати четырех, в железнодорожном кителе, застегнутом на все пуговицы, подошел к этой машине. Паровоз, стоящий в помещении, кажется огромным. Как-то даже не верится, что вот сейчас эта темная громада станет послушной человеку. А человек обошел вокруг паровоза, окинул его хозяйским глазом и только что не похлопал по лоснящейся обшивке. И видно было, что машина покорна и послушна ему.

К машинисту — а человек в кителе был машинистом Василием Ларкиным — подошел дежурный по депо:

«Папа приехал!»
На снимке: Машинист Василий Ларкин с дочкой Надей.

— Ну, можешь отправляться. В порядке твой ломовик. Погода сырая. Не забывай песочку сыпать под колеса... Состав поведешь тяжелый...

— Не впервой...

И верно, не впервой. Уже третий год водит Василий Ларкин грузовые составы. Но и теперь, как и в первые дни, дежурный по депо Александр Павлович Лаврентьев не забывает что-нибудь по-отцовски посоветовать ему перед выездом. Вот и сегодня: «Песочку под колеса не забудь»,— хотя и знает, что Ларкин этого не забывает.

— Спасибо, Александр Павлович, обязательно песочку подсыплю.

— Ну, в добрый путь!

По сторонам паровозной будки со свистом и хлопаньем проносится сырая беззвездная темнота. Время от времени Василий Ларкин тянет за ручку, и тогда паровоз кричит, дескать, иду-у-у!

В будке, кроме машиниста, его помощник и кочегар — комсомольская бригада. Лобанову и Зайцеву лестно, что ходят они с Ларкиным, секретарем комсомольской организации депо, авторитетным человеком. С машинистом поговорить бывает интересно о всякой всячине.

— А что, Василий Дмитриевич, на пассажирский не думаете переходить? — заводит разговор кочегар, твердо зная, что пассажирский паровоз — мечта Ларкина.

— Здесь неплохо,— бросает Ларкин, не переставая смотреть в окно.

— Оно так. А вот представьте себе: в вагонах люди. Одни мечтают, как бы скорее свидеться с родными, с матерью, женой, невестой. Другие — по разным срочным делам... А мы их везем. Радостно! А тут...— кочегар с кислой миной кивнул назад,— бесчувственные грузы.

— Ты лучше уголек спрысни — искрит... А насчет бесчувственных грузов это ты оставь. Их, может, люди сильнее, чем встречи с невестой, ждут, эти грузы-то.

И снова кричит паровоз: везу-у-у-у!

На станции Лесок Василий Ларкин принял жезл на перегон до Турлатова — и снова в путь.

Машинист о чем-то напряженно думал, и его спутники заметили это.

— Не знаешь, о чем это он? — толкнул локтем кочегар помощника.— Может, с женой что или с дочкой?

— Да нет, все будто в порядке,— ответил помощник.— Что-нибудь другое...

Ларкин заговорил сам, и его друзьям сразу стало ясно, почему машинист сегодня такой неразговорчивый.

— В партию хочу вступать... Как вы думаете?

— Думаем просто: здорово! Мы с Николаем и то уже говорим: человек вы подходящий, комсомольский секретарь. Одним словом, экипаж «Л-0210» одобряет.

— Думаю, у кого рекомендации попросить.

— Любой коммунист из депо поручится — и думать нечего!

— За сигналом смотри!

— А вы вот что. Сейчас я вам присоветую. Представьте, будто бы вы нарушение сделали. Ну, там график нарушили или, к примеру, паровоз неисправным привели...

— Накаркаешь еще,— перебил кочегара помощник.

— Да нет, вы слушайте. Сделали вы нарушение, а теперь и подумайте, перед кем вам всех стыднее будет. Тот и поручитель.

— Так ведь перед всеми.

— Ну, а всех стыднее?

Развевающаяся по ветру грива дыма хлестнула по окну будки. Стало дымно... Василий Ларкин протер глаза платком и снова стал смотреть вперед.

Встало перед ним добродушное, ласковое лицо дежурного по депо Александра Павловича Лаврентьева. «Песочку-то не забудь под колеса, сыро сегодня». Но вот лицо это делается строгим: «Я тебя на каком красавце из депо выпустил? Я тебе как машину подготовил? А ты на ней в срок придти не сумел? А ты ее неисправной приводишь?» «Да ведь я, Александр Павлович...» «Молчи! Я тридцать пять лет на железной дороге. Учеником слесаря был, слесарем был, помощником машиниста был и машинистом тоже работал. Знаю, что к чему... А ты мне оправдываться. Эх, Василий, Василий!»

Да, стыдно было бы показаться на глаза Александру Павловичу Лаврентьеву.

А тут другое лицо в памяти встает, еще не старое, белобровое, с ямочкой на подбородке. Улыбается машинист Зотов.

«Так. Значит, на курсы от меня помощник уходит? В добрый путь!»

Но вот и это лицо построжело:

«Чему я тебя два года учил? График нарушать, паровозы калечить?»

...А паровоз шел ровно. Поршни работали, как сердце хорошо оттренированного спортсмена.

— Продуй-ка стекло, Николай, как там с водой?

А сам подумал: «Вот они, мои поручители!»

Между тем Турлатово осталось позади. И машинист получил жезл до Зеленева. Поезд шел точно по графику. Последнее время Василий Ларкин особенно старался, придирался к себе в самых мелочах. Но ведь надо же было случиться!

Откидывая свое сиденье, Ларкин услышал, как что-то звякнуло о железный пол. Нагнулся — жезл! Посмотрел на стенку, и там жезл.

— У меня,— рассказывал потом Ларкин,— даже волосы зашевелились!

Он, Ларкин, «провез жезл»!

Откуда-то, из какого-то неведомого уголка сознания юрко выползла мыслишка: бросить за окно, и дело с концом. Тогда пятнадцать рублей из заработной платы, и все. Никаких разговоров, никакого стыда. И как бы в ответ на эти мысли голос помощника:

— Василий Дмитриевич, а ведь старый-то жезл мы, пожалуй, потеряли. Готовьте пятнадцать рублей.

Дежурный по станции был немало удивлен, когда Василий Ларкин вручил ему этот злосчастный жезл:

— Нашелся?! Вот ведь дела-то.

— Он и не терялся.

— Неужели провез? Ай-ай-ай! А мне позвонили из Турлатова: «Л-0210» «жезло» потерял». А он его провез! Ну что же, ступай к начальнику. Ай-ай-ай!

На другой день после объяснения у начальника Василий Ларкин пришел в райком комсомола. Как секретарю комсомольцев депо ему у товарища Николаевой приходилось бывать часто. Она хорошо знала этого всегда подтянутого, исполнительного комсомольца.

— Ну, что нового? Как твои комсомольцы?

Ларкин виновато улыбнулся:

— Комсомольцы хорошо, сам провалился.

— Куда же?

Рассказал ей все. А потом добавил:

— Я ведь в партию собирался. Рекомендацию хотел у комсомольцев просить.

— Почему «собирался»? Разве раздумал?

— Такой я себе самому не нужен, не только что партии,— сокрушенно выговорил Ларкин.

— Эк разошелся! А я, товарищ Ларкин, считаю, что вы неплохо поступили. Не то, конечно, что жезл провезли, это нарушение явное. Но вот что нашли в себе мужество открыто признать ошибку,— это искупает многое. Отчаиваетесь вы напрасно. Кто вас еще рекомендует?

— Думаю Лаврентьева и Зотова просить.

ДЪЕМ

— Ну, так и ступайте к ним.

— Легко сказать: «ступайте». Товарищ Николаева, уж я погожу немного, искуплю сначала... свой промах.

— Ну что ж, недельку можно и повременить.

Когда Ларкин вышел, секретарь улыбнулась.

...Дмитрий Михайлович Зотов никогда не сомневался, что его бывший помощник, а теперь самостоятельный машинист Василий Ларкин достоин быть членом Всесоюзной Коммунистической партии. Поэтому он сразу ответил:

— Правильно делаешь. Рекомендацию я тебе дам. Только помни, Василий, это на всю жизнь. Разъедемся мы с тобой, на разных дорогах работать будем, и тогда помни, что есть такой машинист Зотов, что он и издалека смотрит, как ты живешь, потому что рекомендовал тебя не куда-нибудь, а в партию. В случае чего не прощу.

Он прошелся по комнате.

— Да, Василий, теперь мы с тобой крепко-накрепко связаны, и помни это всю жизнь. Я думаю, что никто из нас раскаиваться не будет.

Василий Ларкин торопился в рейс. Оставшись один, Дмитрий Михайлович задумался. Впервые в жизни ему приходилось рекомендовать человека в партию. Он вдруг очень ясно представил великую ответственность этого дела. Одна за другой встали в памяти картины.

Вот Вася Ларкин, восемнадцатилетний юноша, только что окончивший железнодорожное училище, пришел к нему помощником. Помнится, как жадно присматривался он к его, Зотова, работе, каким восторгом загорались его глаза, когда паровоз, набирая скорость километров в шестьдесят, легко выскакивал на подъем или когда Зотов в виде исключения приказывал ему: «Василий, ну-ка посигналь!» «Любит наше дело, по-настоящему любит»,— думалось тогда Зотову.

А вот его помощник уезжает на курсы в Москву. Вот он уже самостоятельный машинист. Все о нем отзываются хорошо, он в числе лучших машинистов депо. Потом Ларкин — секретарь комсомольской организации. И теперь он вступает в партию. Как свободно, как правильно растет человек! И, казалось бы, как легко! Но за этим стоит напряженный труд, бессонные ночи над учебниками и книгами, ежедневная кропотливая учеба, освещенная любовью к делу, когда каждый сегодняшний день — шажок вперед по сравнению со вчерашним.

Да, с чистой совестью поручится машинист Зотов за машиниста Ларкина.

«Пар держи настоящий. На большом клапане поезд веди».
В. Ларкин и рекомендовавший его в партию дежурный по депо А. П. Лаврентьев.

«Храните в чистоте!»
Секретарь райкома ВКП(б) Е. К. Соколов вручает В. Д. Ларкину кандидатскую карточку.

Вспомнилось также Дмитрию Михайловичу, как он гулял на свадьбе у своего помощника. Веселая была свадьба. «А как сейчас у них?» — мелькнула мысль. Четыре года прошло с тех пор.

Живя невдалеке от Ларкина, Дмитрий Михайлович захаживал к нему не так чтобы очень часто, но и нередко. Замечал, что живет Василий со своей женой ладно. Но может, это внешне? Ведь не будут сор из избы выносить.

«Так прямо и спрошу,— думал Зотов, подходя к дому Ларкина.— Ты понимаешь, спрошу ее, что я твоего мужа в партию рекомендую. Понимаешь ты, что такое партия? А раз понимаешь, отвечай: как у вас?.. Ну и... так далее».

Но когда сама Люся, молодая, веселая, открыла ему дверь, приготовленные слова оказались какими-то уж очень неуместными.

— Проходи, Дмитрий Михайлович. А Вася в рейс уехал. Минут тридцать, как ушел. Я думала, он к тебе зайдет.

Из другой комнаты выбежала трехлетняя кудрявая девочка — такая полненькая, такая здоровая, что не хочешь, да улыбнешься.

— Дядя Митя,— пролепетала она,— яблоко принес?

— Эх, грех какой, ведь яблоко-то я тебе и забыл. Считай за мной, в другой раз два принесу.

— А папа мне паровозик купит!

Нет. И не пахнет в этой крепкой молодой семье разладом. Зотову даже стыдно стало за себя: «Мало я его знаю, что ли? Проверять пришел!»

— Ну, покуда, Люся. Приедет — зайду.

— Счастливо, Дмитрий Михайлович. С Надей-то попрощаться забыл.

Девочка протягивала ему маленькую пухлую ручонку...

...А в это время Василий Ларкин входил в депо. Его красавец «Л-0210» стоял под парами. Бригада уже ожидала своего машиниста. Поздоровались. Из-за соседнего паровоза, вытирая руки ветошью, вышел всегда спокойный Александр Павлович Лаврентьев.

— Ну, в порядке твой ломовик,— сказал он, как всегда. — А что касается просьбы, так вот.— Он вынул из кармана кителя вчетверо сложенный лист бумаги в клеточку и серьезней, чем всегда, как бы придавая словам другой, более широкий смысл, проговорил: — Смотри, пар держи настоящий, на большом клапане поезд веди. Но и песочку под колеса во-время не забывай подсыпать, а то забуксуешь.

Немного усталые глаза старого железнодорожника стали еще теплее.

— Счастливого пути!..

...Поезд подходил к 246-му километру, к большому подъему. Только на высоком давлении, только развив скорость свыше шестидесяти километров, легко и плавно выскочишь на подъем. И Василий Ларкин развивал эту скорость. Мимо окон со свистом проносился воздух. На летящих в просторы рельсах дрожало солнце. «...Любит Родину. Предан делу партии Ленина — Сталина. Считаю достойным...» — вспомнились Ларкину слова рекомендации. Какие слова! И это про него! Как оправдать такое доверие?

Подъем впереди? Возьмем подъем! Еще как возьмем! И такая большая радость жила в машинисте, что захотелось ему крикнуть громко, чтобы услышали пролетающие мимо леса и деревни. Он потянул за ручку. Могучий, торжествующий крик широкогрудого, звездой разрывающего воздух паровоза взмыл кверху и, расходясь все дальше и дальше, потонул в просторах Родины.

СЧАСТЛИВАЯ ПЕРЕМЕНА

М. КАПИЦА

Звонко смеются дети в парке Летнего дворца в Пекине, беззаботно бегают они вокруг покрытых ароматным ковром розовых кустов. Здоровые, загорелые юноши плывут взапуски в прохладной голубой воде огромного спортивного бассейна в центре столицы. Стремительно атакуют друг друга баскетбольные команды молодых крестьян в отдаленной деревне Цзецзунь в провинции Хунань. По-хозяйски распоряжается около мартеновской печи молодой сталевар со значком образцового рабочего на ватнике. Когда видишь все это, ныне ставшее повседневным для 500-миллионного китайского народа, невольно приходят на память те мрачные картины, которые случалось наблюдать совсем недавно в старом, гоминдановском Китае.

* * *

В 1945 году мне довелось побывать на угольной шахте недалеко от Чунцина. Шахта принадлежала гоминдановскому министру продовольствия Сюй Кану, разбогатевшему на спекуляции рисом и другими продуктами.

Десятник, освещавший путь электрическим фонарем, вел нас по длинному коридору, горизонтально врезавшемуся в гору. Затем мы свернули в один из штреков и, согнувшись, почти на четвереньках начали спускаться вниз. Навстречу из темноты ползли какие-то черные комки. При тусклом свете фонаря мы разглядели, что это дети. Упираясь ногами и хватаясь руками за перекладины деревянной узкоколейки, напоминающей лестницу, они на четвереньках тащили за собой корзинки с углем. Пропуская их, мы вплотную прижимались к стене.

Чем дальше мы продвигались вперед, тем ниже и уже становился проход. Наконец впереди послышались удары, блеснул огонек, и мы увидели шахтера. Он стоял на коленях и киркой отбивал уголь. Он был в лохмотьях, по лицу его текли ручьи пота. Дышал он тяжело, широко открыв рот: не хватало воздуха. Воспаленные глаза блестели лихорадочным огнем.

Я заметил, что здесь совсем нет крепления, и спросил у десятника:

— Обвала не может быть?

Десятник рассказал, что обвалы на шахте бывают настолько часто, что к ним уже привыкли. Лес дорогой, и администрация не хочет тратить деньги на крепление. Оно имеется только в основных ходах. Накануне в одном из штреков засыпало четырех рабочих.

— Откопали?

— Откапываем.

— Они, бедняги, уже, наверное, задохнулись,— горько заметил шахтер и опустил голову.

Я попросил десятника разрешить шахтеру отдохнуть и заговорил с ним. Оказалось, что около четырехсот человек, работавших на шахте,— крестьяне окрестных сычуаньских деревень. Нужда, произвол помещиков заставили их бросить деревню. Когда они пришли на шахту, администрация предложила заключить контракт на три года. Выхода не было, они согласились. Вскоре быстрый рост цен привел к тому, что заработка перестало хватать даже на пропитание. Одежонка оборвалась. Шахтеры залезли в долги. Контракт продлевался, и они еще более опутывались долговой паутиной. Боясь, что рабочие убегут, администрация держала их в бараках, огражденных колючей проволокой. С работы и на работу водили под охраной. Люди умирали от истощения, гибли от обвалов, но на их место тут же набирали сколько угодно других...

* * *

Рабочие Китая всегда будут помнить день 1 марта 1951 года. В этот день вошел в силу закон Центрального народного правительства о рабочем страховании.

В старом Китае фабриканты нанимали только молодых людей. Когда рабочий старел, его выбрасывали на улицу. Никто и не слышал в те времена о пенсии для потерявших трудоспособность стариков.

По новому закону рабочие, получившие травму на производстве, пользуются бесплатным лечением и им продолжают выплачивать заработную плату. В случае увечья закон гарантирует пенсию. За выслугу лет рабочим и служащим устанавливается надбавка. Роженицам выдается пособие и предоставляется декретный отпуск с сохранением заработка. Все расходы по рабочему страхованию принимает на себя администрация предприятий.

В борьбе за эти права китайские рабочие пролили немало крови. Еще в 1922 году шахтеры Кайланских копей забастовали и потребовали, чтобы «администрация копей оплачивала медицинские расходы рабочих, которые заболевают и не могут работать». Это требование было отклонено. Во время забастовки полицией было убито и ранено более пятидесяти рабочих. После этого при многих забастовках выдвигались такие же требования, но они неизменно отклонялись, и бастующих постигала та же участь, что и их кайланских товарищей.

Теперь закон о рабочем страховании введен по всей стране.

Настала новая жизнь и для шахтеров Китая. Ушел в прошлое изнурительный «рабочий день», продолжавшийся подчас две трети суток. Теперь китайский горняк работает восемь часов. В несколько раз возросли против прежнего заработки. Шахтер и его семья могут не только есть досыта, но и покупать все необходимое в личном обиходе — это большое изменение к лучшему в быту. Из жалких хижин, часто состоявших из нескольких бамбуковых палок и цыновок, шахтеры переселяются в новые, благоустроенные рабочие поселки. Народное правительство заботливо оберегает их здоровье. В Хэганских шахтах, например, построена четырехэтажная больница с госпитальным отделением на 120 коек, создан санаторий для рабочих.

Шахтер получил электрическую лампу. Большие средства затрачиваются на улучшение вентиляции. Строго проверяется качество крепления в штреках. Число несчастных случаев резко сократилось: на шахте в Пэнци, например, по сравнению с временем японской оккупации аварий стало меньше на 78 процентов.

Сто тысяч шахтеров учатся сегодня в созданных при шахтах школах по ликвидации неграмотности и на курсах повышения квалификации. На Сианьских шахтах 70 процентов рабочих уже стали грамотными. Многие посланы учиться в техникумы и в Народный университет.

Клубы становятся привычным излюбленным местом отдыха шахтеров. На Хэганских шахтах есть театр на 700 мест и клуб, вмещающий не менее тысячи человек. Правда, они уступают Дворцу культуры в Нанкине. Там в распоряжении рабочих красивое трехэтажное здание с библиотекой, концертным залом, театром, столовой, гостиницей, спортплощадками и бассейном для плавания. Еще большим великолепием отличается столичный Дворец культуры для рабочих, под который отдана большая часть императорского дворца с парком вековых деревьев. Но

шахтеры очень довольны и своими более скромными клубами. В них демонстрируются кинокартины, читаются лекции, устраиваются фотовыставки о жизни в СССР и странах народной демократии. Шахтерские драматические кружки выступают с постановками из старого классического репертуара или ставят короткие пьесы на современные темы.

* * *

Мне не представилась возможность после освобождения побывать на шахте под Чунцином, о которой рассказано выше. Но я вспомнил о ней, когда разговаривал с рабочими Хуайнаньской и Фынфынской шахт, где до освобождения положение было не лучше, чем на шахтах гоминдановского министра — спекулянта Сюй Кана.

...Чэнь Юй-хуа — сын шахтера. Еще подростком он стал работать на шахте. После освобождения на Хуайнаньской шахте началась механизация добычи угля. Вместо кирок стали применяться пневматические отбойные молотки.

Чэнь Юй-хуа попросился в бригаду, которой было поручено освоить эту новую горняцкую технику. Но он был еще очень молод, и его поставили грузить уголь в бункера. Однако Чэнь не оставлял своей мечты овладеть замечательным механизмом, который так мощно вгрызается в пласты угля. Нагружая уголь в вагонетку, он внимательно присматривался к работе нового инструмента. Во время отдыха шахтеров он брал отбойный молоток и пытался работать. Инструмент был тяжелым и поначалу не слушался Чэня. Руки и весь корпус трясло так, что парень быстро выбивался из сил. Но он не отступал и снова начинал борьбу с непослушным инструментом.

Квалифицированные рабочие помогли Чэнь Юй-хуа; после двух месяцев практики исполнилось его заветное желание — его зачислили в бригаду отбойщиком.

Чэнь внимательно следил за успехами молодого шахтера Гао Гуан-яня, который дал рекордную добычу угля — свыше 61 тонны за смену. Оба, Чэнь и Гао, были членами Новодемократического союза молодежи. Вскоре Чэнь Юй-хуа дал на-гора 98,21 тонны. Это был толчок к развитию общего патриотического соревнования среди шахтеров за увеличение добычи угля.

Героическая борьба китайских добровольцев на корейском фронте вдохновляла шахтерскую молодежь.

— Мы должны быть достойными наших славных добровольцев,— говорил на собрании членов Новодемократического союза молодежи сверстник Чэня, Чжан Юй-тан. И после собрания он перекрыл рекорд Чэнь Юй-хуа, выдав за смену 162 тонны.

Впрочем, этот рекорд жил недолго. Он был превзойден рядом молодых шахтеров. Вскоре Ли Тао-бин добыл за смену 203,1 тонны угля.

— Мы тоже не будем плестись в хвосте,— сказал Чэнь Юй-хуа, когда мы встретились с ним в забое.

На его покрытом угольной пылью лице было написано беспокойство и в то же время решимость. Он ловко и споро орудовал отбойным молотком, вонзая острие в жирный пласт угля. Большие куски отваливались от пласта. Вот загрузчики крикнули, что они отгрузили уже 200 тонн. Но Чэнь Юй-хуа только усиливает атаку на пласт.

— Еще немного, и будет всекитайский рекорд! — говорили вокруг.

В этот день за смену молодой шахтер дал стране 215 тонн угля. Это была самая высокая добыча за смену во всем Китае. При выходе из шахты Чэнь Юй-хуа встретили товарищи, жали ему руки, поздравляли.

Патриотическое соревнование охватило другие шахты. Рекорд Чэнь Юй-хуа был перекрыт на копях Фынфын.

* * *

Фынфынские копи. Группа рабочих ожидает спуска в шахту. В центре — Чжао Вэнь-синь, коренастый молодой шахтер. Румянец на его щеках проглядывает даже сквозь угольную пыль. Он присел на корточки и рассуждает с товарищами:

— Шахтеры, которые работают пневматическими отбойными молотками, ставят все новые рекорды. Коммунистическая партия хочет, чтобы мы, члены партии, возглавили это движение... Я должен что-то сделать.

Внезапно шахтеры услышали слова подошедшего к ним заместителя директора шахты Лу Цзе-чжу:

— Слушайте новость: забойщик в Хуайнаньских копях поставил на отбойном молотке рекорд в 215 тонн за восьмичасовую смену.

Чжао Вэнь-синь, как и другие, поражен. Он вскочил на ноги.

— Стахановские советские рекорды — это понятно,— заговорил Чжао.— Это происходит там, в Советском Союзе. Но Хуайнаньские копи находятся здесь, в Китае! Почему же то, что они сделали в Хуайнани, мы не сделали у себя в Фынфыне?

И стенгазета шахты стала выпускать экстренные выпуски.

«Бригада Чжао Вэнь-синя выработала 75 тонн! Следующая задача,— призывает профсоюз,— превысить первый советский стахановский рекорд в 102 тонны!»

Но в ту же самую ночь другая бригада, Чжан Гуан-гуя, выработала 104 тонны. «Новая цель,— писала стенгазета,— превзойти китайский рекорд в 215 тонн!»

Бригада Юй Хай-аня (Сианьские шахты) в соревновании шахтеров Северо-Восточного Китая завоевала Красное знамя.

За предыдущую рекордную выработку Чжао Вэнь-синь получил от профсоюза премию. Он пригласил всех рабочих бригады к себе и угостил их легким вином хуанцзю и земляными орехами. Сидя на спортивной площадке у общежития — спокойное место в дневное время, когда дети уходят в школу,— шахтеры повели беседу о том, что больше всего их волновало: о новых рекордах добычи.

— Удастся нам поставить новый рекорд сегодня на ночной работе, как вы думаете? — спросил бригадир.

Ян, крепильщик, самый старый рабочий бригады, сказал:

— Если мы уважаем себя, если действительно хотим сопротивляться Соединенным Штатам Америки и помогать Корее, как призывает нас председатель Мао, мы это сделаем!

— Ян прав,— поддержал Чжао старика.— Вот среди нас есть молодые ребята, они работают только несколько лет. Пусть спросят старших, как жилось здесь при японской власти! Каждую смену умирало от утомления четыре или пять рабочих. Японцы бросали их тела в ямы — вон там, неподалеку от шахт. Вы и теперь можете увидеть их кости в этих ямах. Кто мог тогда стать на их защиту? А теперь наши добровольцы отдают свои жизни в Корее, защищая нас, рабочих. Неужели же мы не приложим все усилия?..

К десяти часам вечера, когда бригада приступила к работе, воздухопровод, цепной транспортер, крепление лавы, подпорки — все было тщательно осмотрено. У Чжао мелькнула мысль:

— Одного молотка недостаточно. Если с ним что-нибудь случится, работа остановится, пока будут ремонтировать.

Он попросил, чтобы в лаву доставили несколько отбойных молотков и положили их на равном расстоянии друг от друга. Затем он приступил к работе.

Четверть часа Чжао отбивал уголь первым молотком, затем взялся за второй, передав первый ремонтникам для осмотра. Таким образом, он все время чередовал отбойные молотки.

Было раннее утро, когда грузчики стали кричать:

— Старина Чжао! Мы уже нагрузили 150 бункеров!

Чжао приостановился на минутку, отер пот с лица.

— Это почти 200 тонн! — воскликнул он.

Пик отбойного молотка с силой вонзился в трещину. Целая тонна угля обвалилась. Еще раз — еще огромная глыба...

В шесть часов утра бригада подсчитала: 243,6 тонны. Самый высокий рекорд в Китае!

Стойко сражаются на трудовом фронте все 450 тысяч китайских горняков. Пробившись из мрака к свету, они крепко стоят за новую жизнь, они создают ее собственными руками.

Забойщик Чжао Вэнь-синь (Фынфынские копи).

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Сентябрь 1917 года, Баку...

В тесной связи с революционной борьбой российского пролетариата развертывается революционное движение в крупнейшем промышленном центре Закавказья. Вооруженные решениями VI съезда партии, боевыми директивами Ленина и Сталина, бакинские большевики сплачивают рабочий класс. Разоблачая антинародную политику Временного правительства и поддерживавших его меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов — муссаватистов и дашнаков, — они готовят массы к вооруженному восстанию. В этой борьбе важное место принадлежит большевистской печати.

При Бакинском комитете большевиков активно действует организация «Гуммет» («Энергия»), ведущая агитационно-пропагандистскую работу среди азербайджанских трудящихся. Большую работу по воспитанию азербайджанских кадров рабочих-революционеров, по расширению большевистской революционной агитации проводят в «Гуммете» воспитанные товарищем Сталиным большевики Мешади Азизбеков, Алеша Джапаридзе, Буниат Сардаров, Бала Ами Сардаров и другие.

Со страниц «Бакинского рабочего» и начавшей выходить 3 июля 1917 года азербайджанской газеты «Гуммет» звучат боевые призывы к сплочению масс, к борьбе с контрреволюционной буржуазией и ее прислужниками. 3 сентября «Бакинский рабочий» публикует решение конференции бакинских большевиков. В решении подчеркивается: «Только полный разрыв с буржуазией и переход власти в руки революционной демократии дает возможность активной борьбы с контрреволюцией».

В сентябре 1917 года с новой силой вспыхивает забастовочное движение бакинского пролетариата. Трудящиеся требуют установления 8-часового рабочего дня, рабочего контроля за производством и распределением продукции, заключения коллективного договора.

1 октября (18 сентября) конференция промыслово-заводских комиссий решительно требует от нефтепромышленников заключения коллективного договора. Нефтепромышленники отвергают требование. По предложению большевиков конференция решает объявить всеобщую забастовку. Стачечный комитет возглавляют выдающиеся большевики: кандидат в члены ЦК партии Алеша Джапаридзе, Иван Фиолетов, Мешади Азизбеков. «Война объявлена, бакинские рабочие перед всей Россией доказали свою выдержку, теперь должны доказать свою организованность и дисциплину», — писал в газете «Бакинский рабочий» А. Джапаридзе.

10 октября (27 сентября) замерла жизнь на всех промыслах — от Баилова до Сураханов, перестали дымить нефтеперегонные заводы Черного города, остановились заводы и фабрики. Весь трудовой Баку поддержал нефтяников. Забастовало около 30 тысяч рабочих. Стачечный комитет призывал их к организованности и стойкости. Распоряжения комитета выполнялись неукоснительно.

«Товарищи! Ваша революционная дисциплина и выдержка восхищает всех. Мы счастливы передать вам привет, пожелания победы и обещания поддержки, которые мы беспрерывно получаем от разных частей армии и флота, профессиональных союзов и разных лиц.

...Везде на нашем фронте царит воодушевление. Единая разноплеменная пролетарская семья железной рукой кует нам победу», — писал в обращении к участникам всеобщей забастовки стачечный комитет.

Меньшевики, эсеры, муссаватисты и дашнаки старались всеми силами сорвать забастовку. Из Тифлиса прибыл меньшевик Гегечкори; по просьбе нефтепромышленников Временное правительство направило в Баку министра труда меньшевика Гвоздева, чтобы он отвлек путем мелких уступок бакинский пролетариат от борьбы за коллективный договор. Плачевно окончились для гастролеров эти визиты. «Наш призыв остался гласом вопиющего в пустыне», — скорбел Гегечкори. Рабочие с издевкой встретили приезд представителя Временного правительства.

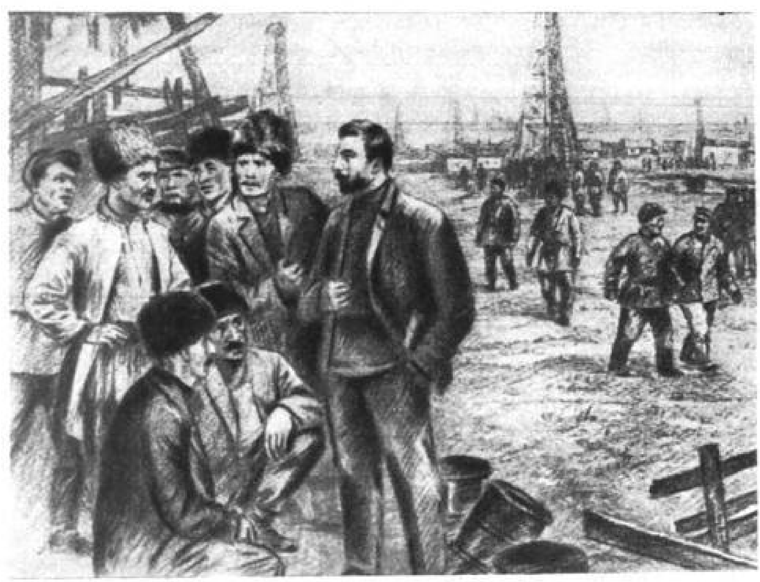
Стачка принесла блестящую победу пролетариям Баку.

Всеобщая забастовка, проведенная под руководством большевиков, продолжалась 6 дней — до 15 октября — и окончилась заключением коллективного договора с нефтепромышленниками.

Отмечая важное значение этой стачки, Ленин и Сталин горячо приветствовали бакинский пролетариат, одержавший блестящую победу.

...В памяти старых бакинских нефтяников живы далекие дни сентября — октября 1917 года. Они вспоминают об этих днях в беседах с молодежью. Одну из таких бесед провел недавно с молодыми рабочими Сталинского района знатный бакинский нефтяник Герой Социалистического Труда Гюль Бала оглы Алиев.

— Многое изменилось с тех пор в нашем городе, не узнать тех промыслов и заводов, на которых бастовали тридцать пять лет назад рабочие, — сказал старейший нефтяник. — Хорошеет наш Баку, хорошеет и вся жизнь наша! За такую жизнь и боролся бакинский пролетариат, воспитанный великим Сталиным.

Алеша) Джапаридзе на нефтепромыслах в Баку во время сентябрьской стачки в 1917 году.

(Государственный музей Революции СССР).

МАССОВОЕ ИСКУССТВО

Еще в 1946 году в освобожденных районах Китая начался широкий выпуск лубочных картин-плакатов, рассказывающих о национально-освободительной войне китайского народа. В обсуждении первых плакатов такого рода принимали участие художники, крестьяне, солдаты. В следующем, 1947 году были выпущены большим тиражом лубки на тему «Изменения в быту народа».

Произведения эти отражали великие преобразования, происходящие в стране. Используя традиции старого лубка — яркую расцветку, выразительность и декоративность рисунка, многофигурную композицию, — художники изображают в своих лубках-плакатах, в иллюстрациях народную борьбу за свободу и независимость родины, трудовой энтузиазм, показывают новые явления быта и культуры. Если в старой китайской живописи и графике вообще запрещалось изображение женщины, то теперь труд и быт женщины, ставшей равноправной, получили достойное отражение в искусстве.

Ань Лин. «Под руководством Мао Цзе-дуна, вперед!». Плакат.

Ань Лин. «За патриотическое соревнование, за помощь Корее в борьбе с США!». Плакат.

В публикуемой на вкладке композиции художника Хуан Цзюна «Празднование годовщины провозглашения Китайской Народной Республики» среди торжествующей толпы мы видим наряду с мужчинами ликующих женщин. Радостны лица матерей, пришедших на праздник вместе со своими детьми. Группа девочек с лозунгами и транспарантами шагает в колонне демонстрантов. Со светлой улыбкой объясняет что-то пожилая женщина своей внучке-пионерке.

В другом публикуемом произведении, художника Чжан Фаньфу, «Горячая любовь крестьян к председателю Мао Цзе-дуну», мы видим, с какой нежностью и благодарностью относятся к его изображению крестьяне. Селяне оставили работу и подошли посмотреть на привезенный плакат. Мать привела с собой маленькую дочь, и та, как завороженная, слушает волнующую историю, которую рассказывает старик-крестьянин, — должно быть, о своих встречах с любимым вождем.

Широко распространен в Китае и плакат. Раньше, до переворота, плакаты исполнялись на тканях в единственном экземпляре. Теперь плакат также стал массовым искусством, отличается реалистической формой, рисунок в нем тесно связан с сопроводительным лозунгом.

В плакате Ань Лина «Под руководством Мао Цзе-дуна, вперед!» изображен вождь, указывающий путь, по которому должен идти трудовой народ Китая. Другой плакат Ань Лина — «За патриотическое соревнование, за помощь Корее в борьбе с США!» — показывает передового рабочего, отмечающего растущие изо дня в день производственные успехи.

Широкое поле деятельности открыто перед китайскими художниками — графиками, плакатистами, мастерами лубка. Только с 1947 по 1949 год было выпущено 2 миллиона экземпляров иллюстрированных журналов. За 5 лет, истекших с 1947 года, вышло 400 названий народных лубков общим тиражом в 3 400 тысяч экземпляров. За эти же годы было напечатано массовым тиражом 100 циклов гравюр.

Используя популярные формы искусства, передовые китайские художники помогают делу преобразования жизни своего народа.

國慶之夜 一九五一年九月 黃均
中華人民共和國萬歲
世界人民大團結萬歲
慶節提燈大會
國慶
毛主席萬歲!
世界和平

Китайский художник **Чжан Фань-фу.** ГОРЯЧАЯ ЛЮБОВЬ КРЕСТЬЯН К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МАО ЦЗЕ-ДУНУ.

На марше в Корее.

Самые любимые

ВЭЙ ВЭЙ,
китайский писатель

Зарисовки с корейского фронта китайского художника Шао Ю.

«Самые любимые» — так миллионы трудящихся китайцев называют китайских добровольцев, сражающихся в Корее.

Известный китайский писатель Вэй Вэй побывал на фронтах в Корее и на основании виденного написал серию коротких очерков, проникнутых патриотизмом, жгучей ненавистью к американским агрессорам и высоким чувством интернационализма.

Очерки оказали огромное воздействие на китайскую молодежь. Нередко молодые китайские рабочие перед тем, как брать на себя патриотические обязательства на производстве, читали на собраниях очерки Вэй Вэя.

Китайский критик Чжоу Ян следующим образом высказался об этих произведениях:

«Почему же несколько очерков, написанных Вэй Вэем в Корее, как, например, «Кто нам дороже всех», «Молодежь, пусть ваша юность будет еще прекраснее!», «Солдат и родина», получили такой восторженный прием среди широкой читательской массы, вызвали у нее такое воодушевление? Писатель поистине разведал глубины души своих героев, в этом почерпнул вдохновение и со всей животворной силой вдохновения воспел своих героев. Товарищ Вэй Вэй близко познакомился с бойцами, «самыми любимыми», и сам полюбил их. В этом секрет того, почему его произведения так трогают всех читателей».

Ниже печатаются отрывки из очерков Вэй Вэя.

1. Солдат и родина

Однажды вечером, в первые дни после прибытия в Корею, я зашел к начальнику политотдела добровольческой части. В честь встречи он налил мне котелок кипятку и специально приказал ординарцу принести пачку сахару. Я видел, как он взял со стола ложку и наполнил ее до краев сахаром. При свете фонаря он пристально поглядел на меня и сказал:

— Товарищ, это прислано с родины.

Эти слова начальник политотдела произнес медленно и раздельно, особенно слово «р о д и н а», словно, если бы оно было произнесено быстрее, смысл его не был бы уяснен. Потом он опустил сахар в котелок.

Я задумался на мгновение. Да, слово «р о д и н а», которое так часто встречается в газетах и в учебниках, не стало и никогда не станет для нас обычным, обветшалым словом. С какой волнующей силой прозвучало это здесь, на фронте в Корее!

...Часть расположилась на северном берегу реки Ханган. Одежда бойцов запылилась от времени, у многих обгорели гимнастерки — это были следы вражеских зажигательных бомб. Бойцы скромно глядели на меня, вежливо ожидая вопросов. А я думал: вот они, известные всему миру победители империализма! И невольно с уважением проговорил:

— Да, товарищи! Вам пришлось потрудиться.

Не успел я сказать это, как тотчас посыпались ответы:

— Для родины нечего считаться с трудностями.

— Да, для родины!

— Мы все делаем для родины!

Один высокий, широкоплечий боец вытянул передо мной покрытые кровавыми мозолями руки. Он весело усмехнулся и сказал:

— Эти руки поработали для родины!

Потом все взглянули на меня. Один спросил:

— Товарищ, вы приехали из Пекина?

— Да.

— Тогда,— он внимательно посмотрел на меня,— не знаете ли вы, как там наш председатель Мао, здоров ли он?

Я еще не успел открыть рта, как вмешались в разговор другие:

— Он так занят, что, наверно, исхудал сильно.

— Конечно, ведь столько важных дел!

Я ответил им:

— Конечно, председатель Мао очень занят. Но здоровье председателя Мао в полном порядке.

Молодые воины оживились и буквально забросали меня вопросами. Спрашивали о площади Тяньаньмынь в Пекине, о заводах Северо-Востока, об аграрной реформе, о том, вступают ли студенты в добровольческие отряды. Спрашивали об урожае зерновых, интересовались, до какого места довели двухколейную линию Н-ской железной дороги.

Их интересовало и волновало все, что происходит на территории нашей великой родины. Спрашивали, как спрашивают о самых близких и любимых людях.

Я, улыбаясь, заметил:

— Вот как любите вы говорить о родине!

— Еще бы! Наш политрук даже сочинил об этом стихи!

И боец начал читать наизусть:

Сыновья и дочери нового Китая,
Мы с винтовкой пришли в этот
братский край,
Мы бьем американцев, Корее
помогая,
Мы родину здесь от врага
защищаем
И это за честь для себя
почитаем,
Прославляем себя и родную
страну.

...Однажды в сумерки я пошел на передовую и увидел, что на краю деревни собралось несколько солдат. Слышно было, как кто-то говорил высоким голосом:

— Земляки! Я не хотел уходить, но они настояли, чтобы я ушел.

Солдаты из Дунбейского санитарного отряда сидели на земле, окружив лежавшего на носилках раненого. Раненому было не более двадцати — двадцати одного года, на вид это был заурядный солдат, ничем не приметный. Его голова была забинтована. Увидев меня, земляки встали, а один из них воскликнул:

— Вот настоящий парень!

— Костью поистине крепкий, настоящий китаец! — сказал другой.

Мне рассказали, что этот солдат уничтожил в бою несколько американских бандитов. Около него упал снаряд, его ранило в голову и контузило так, что он потерял сознание. Но когда санитар после перевязки хотел его унести на плечах, парень очнулся и сказал:

— Куда вы несете меня? Я не уйду.

И, схватив пулемет, он снова открыл огонь. Скоро пулей ему оторвало палец. Политрук потребовал, чтобы он ушел в тыл, а он опять говорит:

— Великое дело, если у такого рослого человека стало меньше кусочком мяса! Я не могу стрелять, но я могу заряжать!

Бой был очень напряженный, ему разрешили остаться. Но когда он метал гранату, его ранило в другую руку — уже в третий раз. Он сам явился к политруку и сказал:

— Политрук, прошу оставить меня здесь. Командир нашего отделения погиб, я не могу уйти. Не работают руки — может говорить рот, я хочу стать связным!

Политрук сказал ему:

— Уходи, приказываю именем партии.

Парню пришлось уйти, и вот он лежал передо мной и что-то ворчал себе под нос.

Он даже пытался жестикулировать, но его руки не двигались, только локти немного пошевелились.

— Я думаю,— сказал он,— мне не надо уходить, я вполне могу быть связным.

Его глаза словно вонзились в меня, как бы говоря: «Товарищ! Ведь ты тоже думаешь, что я прав».

Я опустился на колени и начал его успокаивать.

— Товарищ! Ты молодец, ты свое сделал, ты действительно дрался храбро!

Но мои слова привели его в смущение. Он застенчиво отвернулся, потом вновь взглянул на меня.

— Товарищ,—сказал он серьезно,— вы только подумайте о том, что я видел с первого дня после перехода реки Ялуцзян.

И он начал рассказывать, как шел по выжженной корейской земле меж дымящихся развалин, городов и деревень, ночуя среди трупов убитых американцами мирных корейцев.

— Как-то мы остановились в поселке. Народ заботился о нас, как о близких. Хозяйкой в доме, где мы стояли, была старая мать-кореянка; она была такая же, как моя мать, только одежда на ней была белая. В тот день я сильно утомился и поэтому крепко заснул. Проснувшись, обнаружил, что кто-то аккуратно зашил все порванные места моей одежды. Это сделала старая кореянка точно так же, как когда-то делала моя мать. И вот когда я вернулся с задания, деревня была объята пожаром, постройки обрушились от взрывов. Невестка старой матери была убита, у матери оторвало ногу, но она ползла, обняв ребенка, опираясь на половину оторванной ноги. Увидев меня, она заплакала, я тоже не мог сдержать слез. Я быстро взял на руки малыша, потом я отнес мать в санитарную часть. Всю ночь я не спал, ворочаясь с боку на бок, и думал: что же вместо сердца у этих американских злодеев?

Он замолк, и в глазах его появилось выражение горечи и страдания.

— В тот вечер,— продолжал он, с трудом переведя дыхание,— стоило мне закрыть глаза, и я видел мою семью. Вы знаете, японские дьяволы убили моего отца, Чан Кай-ши угнал моего брата, осталась одна мать. Теперь у нас новый Китай. Председатель Мао дал нам землю, я сам получил землю, несколько му, женился, ращу сына. Так если позволить американским дьяволам придти в Китай, разве останутся в живых моя мать, жена и сын?

Я ехал через Север — я видел целый лес заводских труб. И у меня на душе расцветали цветы. Что же, разве мы позволим, чтобы все это стало кучами пепла?

Он был так возбужден, что не заметил, как вытащил наружу свои перевязанные руки.

— Я здесь, в Корее, защищаю мой Китай! — воскликнул он своим высоким голосом.— Если эти собачьи выродки задумают тронуть мою родину, мы заставим их захлебнуться в их собственной крови. Они поймут, что они тоже сделаны из мяса и костей!

Он откинулся на носилки и умолк. Потом сказал слабым голосом:

— Меня ранили три раза. Пусть ранят еще сто раз. Мы защищаем братьев-корейцев, и мы защищаем нашу мать-родину...

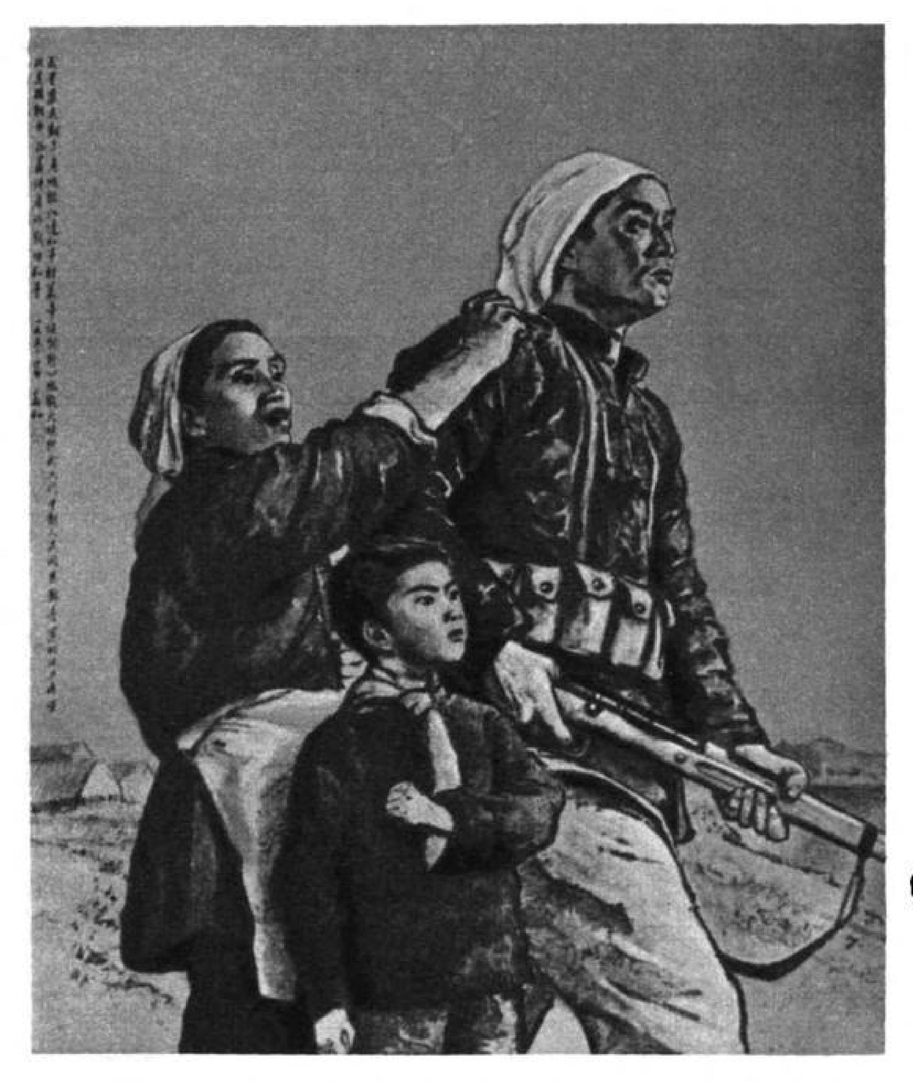
⋆ ⋆ ⋆

Друзья, я счел своим долгом рассказать вам все это. Эти мысли дорогих нам бойцов с корейского фронта выражают душу нашего непобедимого народа. Это и есть то, что приносит победу в любых тяжелых и жестоких сражениях.

2. На марше

Однажды вечером на марше я шагал рядом с девушкой. Она была невысокого роста, и с виду ей было лет шестнадцать — семнадцать. За плечами у нее был мешок, в руках — музыкальный инструмент эрху. Из-под форменной шапки свисали две маленькие косички. Девушка шагала легко и на ходу напевала какую-то песню.

— Вы из культбригады? — спросил я.

«Стража на Ялу». Плакат китайского художника Чан Шао-хо.

— Да.

И она стала рассказывать, что возвращается из батальона, где их бригада провела четыре дня.

— Что же вы делали эти четыре дня?

— Первый день мы собирали материалы о героях батальона. На второй день сочиняли. Третий день готовились к выступлению, а на четвертый день выступали. Сегодня как раз кончили представление и ушли. Посмотрите, я еще не смыла грим...

Сказав это, она рассмеялась, схватила комок снега и начала тереть лицо.

Я похвалил ее и ее товарищей за боевой стиль их работы. Она ответила:

— А откуда у бойцов свободное время? Если мы будем тянуть канитель, то ничего у нас не получится. Мы все делаем быстро и просто. Нет фонарей — при свете луны. Нет сцены — во дворе или в поле. На марше бойцы идут, а мы им поем или читаем... Бывает, что в густом лесу не размахнешься мечом,— нужно применяться к обстановке. Я еще работала поваром,— неожиданно закончила девушка.

— Поваром?

— Э, на фронте повара очень заняты: они то носят пищу, то воду, и еще должны подносить боеприпасы. Я видела, что они очень заняты, и попросила, чтобы меня сделали поваром! И кроме того я еще...

— Что еще?

— Я еще в течение двух месяцев была командиром взвода в лагере военнопленных.

Я подумал о ее хрупкой фигурке, о детской манере разговора и невольно улыбнулся.

— Чему вы смеетесь? — серьезно спросила она и продолжала: — Вы не смотрите, что эти американцы — такие жердины. Разве они могли не выполнять моих приказаний? Когда я им приказывала стоять, они не смели садиться!

Я уже не осмелился рассмеяться и только улыбнулся в душе. В это время внезапно послышался свисток, и часть расположилась на отдых. В мгновенье ока девушка исчезла, и вскоре я услышал, как вдали, на утесе, она крикнула молодым и отчетливым голосом:

— Товарищи, споем, что ли, песню?

Снизу хором ответили:

— Споем!

И песня началась. Ее рука спокойно отбивала такт при свете вражеских прожекторов, которые светили с противоположного берега Хангана.

Песня умолкла. Девушка вернулась, держа в руках два котелка со студеной водой. Один она подала мне, другой — выпила сама, глоток за глотком. Напившись, она уселась, скрестила руки за головой, косы ее свесились на снег.

В мыслях я невольно вернулся к прошлому. Каких-нибудь год — два тому назад она была для родителей нежным и кротким ребенком, прилежной ученицей. Она и ее сверстницы могли испугаться случайного пореза пальца ножиком, волновались, если грязное пятнышко попадало на новое платье. А теперь в нескольких ли от линии фронта вот такие, как она, просто и весело делают такую важную боевую работу среди ожесточенной битвы. И я с невольным удивлением проговорил:

— Как быстро вы все выросли, товарищи!

— Это партия нас научила. И потом я сама решила...

— Что же решила?

— Я? — Она смущенно улыбнулась, посмотрела на свои ноги в солдатских ботинках и не досказа-

Приказ выполнен! Взятие высоты 338.1.

ла. Помедлив немного, она тихо проговорила: — Мое решение такое же, как у всех.

И улыбнулась.

Прозвучал сигнал — и отряд двинулся вперед. Она стряхнула с волос снег, и мы пошли.

Я стал расспрашивать ее о том, что она думала, отправляясь сюда, на помощь корейскому народу. О, это было так необыкновенно, такой подъем у всех! Она взвалила на плечи слишком много вещей и почувствовала, что не может двигаться. Но увидев, что бойцы несут еще более тяжелый груз, да еще на ходу распевают песни, она вдруг почувствовала, что ноша легка. В пути самолеты противника стали сбрасывать осветительные бомбы, она сильно испугалась. Но один боец сказал: «Зажгли для нас фонарь на небе, светлее идти!» И тогда она перестала бояться...

Однажды она ухаживала за ранеными. Бойцы весело перешучивались. Только один раненый, участвовавший в сражении у тридцать восьмой параллели, тяжело вздыхал и охал. Она спросила, почему он не весел, и раненый ответил:

— Эх, товарищ, мне хотелось получить ранение южнее 38-й параллели, а не севернее...

Другой раз, вспоминает она, на фронте огонь противника стал прямо-таки остервенелым. А бойцы, как ни в чем не бывало, чинили обувь. Она с изумлением подумала: пушки врага не прекращают огонь сутками, а они занимаются таким будничным делом. Спросила, и бойцы с улыбкой ответили:

— Скоро разобьем противника. Не зашьешь обувь — как же будем преследовать?

Дойдя до этого места в своем рассказе, она заговорила с глубоким волнением:

— Подумайте, разве наши бойцы не герои?! Его ранило, а он только и думает о наступлении. Яростный огонь противника, а он рвется в бой! Разве вместе с ними мы сами не можем стать героями?!. Нет, мы тоже сможем...

— Сможете что? — спросил я.

— Тоже сможем стать героями,— ответила она, смущенно понизив голос.

Так, набравшись храбрости, высказала она прекрасную тайну своей души. И словно стала выше ростом. С силой, пинком выбросила из-под ноги камень и подняла голову. Даже в ночной тьме можно было видеть, как в ее глазах заблестели искорки молодости. Она серьезно сказала:

— Конечно, мы очень молоды и еще мало знаем. Но все мы любим Таню, Павла Корчагина и героев нашей родины. Мы много говорим о них и даже записывали их слова в дневники. И хотя мы росли в спокойной обстановке, и не было у нас серьезных испытаний, мы часто задавали себе вопрос: «Смогла бы я проявить такой героизм?» Поэтому-то мы должны побывать в огне, и тут будет видно, похожи ли мы на сталь...

«Вот они, молодые наши товарищи! — думал я. — Так проходит их юность и сменяется зрелостью! Это радостная юность. Это прекрасная юность, юность эпохи Мао Цзе-дуна. Кто же не захочет иметь такую молодость!»

Перевел с китайского
С. ВЛАДИМИРОВ

На командном пункте китайских добровольцев.

Река Хуанхэ

(Из кантаты)

ГУАН ВЕЙ-ЖЕНЬ

Я стою на горной скале,
глядя с нее на восток.
Мчится к морю во мгле
бурный желтый поток...

Вьется лентою Хуанхэ
между Куэньлуньских гор.
Берег в соснах и в ольхе,
широк речной простор...

Всюду гомон птичьих стай...
И, словно нож, Хуанхэ
с запада на восток
режет весь Китай.

О ты, Хуанхэ —
колыбель народов Китая!
Ты течешь десятки тысяч лет,
долины питая.
Сколько знала ты горя и бед,
была рекою слез, река святая!

О Хуанхэ, Хуанхэ!
Ты сестра народа,
как богатырь степной, сильна,
катишь ты к морю воды свои
через пространства и годы...
Словно душа Китая, твоя волна!

К желтым твоим волнам
и юг и север пришли.
О Хуанхэ-река,
пусть все края земли
слышат песнь про гордость
Китая!
Пусть народ наш могучим
станет,
бесстрашным и великим, как ты,
река Хуанхэ!

Край мой мирный, под солнцем
расцветай,
будь сильным, мой свободный
Китай!
Здесь героев рождает
вольная земля,
и растит их, как мать,
река Хуанхэ!

Перевела с китайского
Татьяна **СИКОРСКАЯ**

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ МАО ЦЗЕ-ДУНУ!*

Записал **КАН ЧЖО**

Рисунки **О. Верейского**

Я услышал этот рассказ, попав в одну из горных долин северо-западной части провинции Хэбэй. Здесь два года подряд была жестокая засуха. Давно не выпадало ни капли дождя. Демократическое правительство выдавало крестьянам ссуды и помогало зерном. Крестьяне повсюду копали колодцы.

Однажды у одного из таких еще не выкопанных колодцев я разговаривал с отдыхающими землекопами. Из деревни, расположенной неподалеку, вышел старик, опираясь на палку и непрестанно покашливая. Увидев его, крестьяне оживились: двое или трое побежали встретить его, привели и с почетом усадили рядом с собой.

— Ты, старина, работать сейчас уже не можешь, а вот пока мы отдыхаем, рассказал бы нам какую-нибудь историю,— предложил один из крестьян.

— Правильно, правильно!—поддержали остальные. — Начинай, старина! Хорошим рассказом ты поможешь нам работать! — И все приготовились слушать.

Я посмотрел на старика: голый, как сухое дерево, череп, белая спутанная борода. Он часто кашлял и тяжело дышал... Где ему было рассказывать истории! Я поспешно сказал:

— Не тревожьте его! Дайте старому человеку отдохнуть!

— Вы не смотрите, что он часто кашляет и еле дышит,— возразил мне кто-то.— Этот старик как заговорит, так откуда и силы найдутся!

Крестьяне, улыбаясь и согласно кивая головами, просили старика начинать свой рассказ. Тот наконец отдышался, покосился на меня, как бы не одобряя мою ненужную защиту, помолчал еще некоторое время, ожидая, пока люди успокоятся, и, закрыв глаза, начал:

— Вы ведь роете колодец? Тогда я расскажу вам о колодцах. Так вот: в далекие древние времена не было на свете ни одного колодца. То был золотой век: сильных ветров не было, дождь выпадал в меру. Об орошении полей никто и не заботился: где виднелся дымок жилища, туда и текла речная вода. Легко и весело было жить. Но вот, не знаю, за какие людские грехи, появился в Китае злой император. Он обижал народ и творил много несправедливостей.

Увидев это, рассердился всевышний на небе и не стал давать людям дождя и хорошего ветра.

И вот три года подряд на землю не упало ни капли дождя, и люди не собрали с полей ни единого зернышка!

Три года еще кое-как жили: люди имели запасы зерна и воды. Но прошел и четвертый год — и все так же не было дождя. Реки пересохли. Хлеб не родился. То была великая, никогда не виданная засуха! Что было делать людям?! Они стали поедать скот и вместо воды пить кровь животных. Но скоро не стало и скота. Люди лежали на канах и сухими губами молили божество: «Воды! Воды! Хлеба! Хлеба!»

— Да ведь некому было помочь! — воскликнуло несколько слушателей.

— Сколько в ту пору умерло людей, сказать страшно! А живым не оставалось ничего другого, как обратиться к Небесному Дракону[1] за дождем.

— Суеверие! — с оттенком превосходства перебили старика два крестьянина разом.

— Слушай дальше! — Старик сверкнул на них глазами и продолжал: — Сначала люди зажгли перед изображением Небесного Дракона курительные палочки. Все от мала до велика толпами шли в храм. Так тянулось полмесяца. Но все было напрасно. Дождя не было.

Люди принесли в жертву Небесному Дракону свиней и баранов и

* Вместо возгласа «Да здравствует Мао Цзе-дун!» китайцы говорят: «Десять тысяч лет Мао Цзе-дуну!»

[1] Божество, по верованиям китайцев, ниспосылавшее дождь.

сорок девять дней пели хвалебные песни, стараясь умилостивить его. Но не помогло и это! И на пятидесятый день все так же был раскален воздух, попрежнему земля молила о капле дождя.

Люди разгневались. Они вынесли статую Дракона и под громкие звуки барабанов и тарелок понесли ее по улице. Они несли статую Дракона и со злобой раскачивали ее вверх и вниз, вправо и влево. Сорок девять дней продолжалось шествие, но на пятидесятый день все так же небо было ясным и жгучим.

Люди обезумели. Они принесли Дракона на площадь и оставили там под палящим солнцем. Два дня народ, окружив глиняного идола, взывал к милости, плакал и стонал. Все было напрасно. Тогда люди в ярости повалили глиняное изображение и с ненавистью стали бить его чем попало. Однако и это не помогло: не только дождя, даже тени облачка не было видно на раскаленном небе.

не двигаясь, и лишь один, самый молодой, досадливо сказал:

— Ну, какие там еще глаза Небесного Дракона?! И почему император закопал их в землю? Зачем это?

Старик затряс бородой, он легонько ткнул молодого крестьянина концом своей палки:

— Ты слушай дальше, не перебивай!

Старик кашлянул, помолчал и продолжал:

— Люди посмотрели и увидели: вместо глаз у Небесного Дракона были две ямки. Люди стали укорять друг друга: один кричал, почему раньше никто не подумал об этом, другой кричал, почему никто до сих пор не посмотрел в глаза Небесному Дракону...

«Не ссорьтесь,— сказал высокий человек,— нам надо скорей найти глаза Небесного Дракона. Когда мы найдем их, он даст нам дождь».

«Правильно!!» — воскликнули все и дружно взялись за дело.

Мертвых становилось все больше и больше. Мир, казалось, рушился. Что еще могли сделать люди? Они вповалку лежали, где придется, и ожидали неминуемой смерти.

Но вот однажды откуда-то пришел человек, с большой головой, высокого роста, с умным лицом, с широким и прямым лбом. Он одного за другим поднимал людей с земли и говорил: «Вставайте, вставайте! Давайте вместе думать, как быть!»

«Что можно еще сделать? — отвечали ему люди.— С тех пор, как наш злой император стал творить несправедливости, разгневался бог на нас и не дает нам дождя. Даже Небесный Дракон, видя кругом смерть и запустение, не приходит к нам на помощь. Как мы можем жить дальше?» И они вновь один за другим валились на землю и безучастно ждали смерти.

Высокий человек подумал с минуту и пошел на площадь посмотреть на высохшую на солнце глиняную статую Небесного Дракона. Он взглянул и поспешно побежал обратно, крича: «Вставайте! Вставайте! Скорее! Есть выход!»

Все люди вскочили на ноги, спрашивая: «Что надо делать? Какой выход?»

Тогда высокий человек повел их на площадь и, указывая на статую Небесного Дракона, сказал:

«Смотрите! У Небесного Дракона нет глаз! Их тайно украл злой император и закопал в землю! Как же Дракону не сердиться, раз люди украли его глаза! Разве мы можем вымолить у него дождь?!»

Слушающие крестьяне сидели,

Принесли лопаты, мотыги и стали копать. А высокий человек мудро усмехнулся, расставил людей, сам взял лопату и, помогая другим, успевал еще всех подбадривать.

Вскоре нарыли немало земли. Налево высились груды, направо

чернели отвалы. Люди измучились, страдали от жажды и от голода. Бросив лопаты, они валились на землю и вновь поднимались, через силу сжимая в руках черенки лопат. Вскоре работать стало совсем невмочь. Тогда высокий человек велел более сильным поддерживать ослабевших, но копать и копать, не останавливаясь. У людей совсем уже не стало сил, они лишь молили о смерти. Но высокий человек, работая наравне со всеми, поддерживал их дух:

«Копать! Копать! Искать! Искать! Найдем глаза Дракона — будет и дождь, будет вода, будет и пища!»

Но нелегкое дело — найти глаза Дракона! Семьдесят — восемьдесят дней подряд работали люди, а глаз Дракона не было и в помине. Многие пали духом, отказались копать, другие просто валились от усталости и истощения на землю и обреченно ждали смерти.

Высокий человек вновь поднял с земли всех обессиленных, потерявших веру людей и сказал им:

«Мы, верно, не так копали! Мы копали вширь, а не вглубь! Возможно, что презренный император глубоко закопал глаза Дракона. Давайте копать вглубь!»

Люди опять обрели надежду, вновь из последних сил сжали в руках лопаты и стали копать вглубь. Они поняли, что если не будут работать, их ждет смерть; работая же, они имеют возможность найти глаза Дракона и спастись от смерти. И они перестали роптать. Каждый день с утра до ночи люди работали и работали. Когда яма стала слишком глубокой, они по веревке попеременно спускались в яму и продолжали все рыть и рыть.

Так работали семьдесят — восемьдесят дней, потом еще семьдесят — восемьдесят дней. И вот в один такой же, как сегодня, день люди наконец нашли то, что искали!..

— Нашли глаза Дракона?! — разом воскликнули слушатели.

— Ха! Ха! — Старик открыл глаза, и белая борода его заплясала от неудержимого смеха.—Нет, нашли они не глаза Дракона, а... воду, простую бесценную воду!

Крестьяне облегченно вздохнули и, радостно улыбаясь, захлопали в ладоши. Старик, вытянув шею и широко открыв глаза, протянув вперед руку, громко досказал:

— Ах, вы не видели радости людей в то время! Это потрясло всю вселенную! Мир снова ожил! Люди сияли как звезды! Бочками и ведрами черпали они холодную воду. И старый и малый сначала выпили по три глотка, чтобы утолить жажду, а вслед за тем повели воду к посевам, туда, где скоро зазеленели плоды труда рук человека. Люди давно уже забыли и думать о глазах Дракона! Разве все это не выдумки: злой император, бог и Небесный Дракон?! Люди своим трудом достали из земли воду, спасли свои жизни. Если человек трудится, ему не страшны трудности, никакие лишения не могут сломить его!

И вот с тех пор на земле появились колодцы.

Так закончил свой рассказ старый китаец.

Один из слушателей спросил:

— Когда же, отец, это было?

— Когда? Однако лет тысячу с лишним будет!

— А кто тот высокий большой человек?

— Кто он? — старик открыл глаза, обвел потеплевшим взглядом присутствующих и, медленно поглаживая бороду, с хорошей, доброй улыбкой ответил:—А то был председатель Мао, наш Мао Цзе-дун!

— Ну что ты говоришь?! — запротестовал один из молодых крестьян.— Ведь это было тысячу с лишним лет назад! Разве Мао Цзе-дун мог тогда жить?

Остальные стали подниматься с земли, усмехаясь, кивали головой на старика. Тот же молодой сказал за всех:

— Старик любит выдумки! Вот уж верно — сундук сказок!

— Ну, вы, молчите! — Старик неизвестно отчего вдруг рассердился.— Садитесь все! — Он долго надрывно кашлял, потом с сердцем ударил палкой о землю и укоризненно, словно поучая молодых, сказал:

— Нет, не выдумки это! Это при вас Мао-Джуси[1] живет сорок — пятьдесят лет! Говорю я вам: наш Мао тысячи лет прожил и еще много столетий жить будет! И прежде и сейчас, как только народ попадет в беду, приходит наш Мао и думает вместе с народом! Вот вы часто кричите: «Десять тысяч лет Мао Цзе-дуну! Десять тысяч лет Мао Цзе-дуну!»,— а ведь и невдомек вам, почему вы так говорите! Ха! И чему вы учились?

Закрыв глаза, старик снова закашлялся. Несколько человек осторожно постукивали ему по спине.

— Как вы думаете: правду ли рассказал старик? — подошло ко мне несколько человек.

— Чистую правду! — ответил я.

Крестьяне, улыбаясь друг другу, вставали и снова брались за лопаты, говоря:

— Ну, старина! Умеет рассказать!

А тот, закрыв глаза, беззвучно смеялся, тряся длинной белоснежной бородой, похожей на клок сухого сена.

Перевел с китайского **Л. ЛАНСКОЙ**

[1] Мао-Джуси — председатель Мао.

С мечтой о коммунизме

Борис ПОЛЕВОЙ

Нет в жизни человека минуты радостней той, когда он, завершив свой труд для общества, еще полный творческого пыла, с возбужденно бьющимся сердцем и горящими глазами любовно озирает дело своих рук. Работа завершена. Завершена хорошо, труды не пропали даром! В эту минуту человек с особой остротой переживает ни с чем не сравнимую радость созидания. Душа его широко раскрыта. Мыслью своей он смело устремлен в будущее. Поговори с ним в такую минуту, и ты узнаешь все его думы и чаяния, все, что лежит у него на сердце, все, о чем в обычное время люди не говорят.

Именно такие минуты выбрала для разговора с молодыми строителями Волго-Донского канала имени В. И. Ленина сталинградская комсомольская газета «Молодой ленинец». Строительство канала было завершено. Новый великий водный путь, проложенный через безлюдные степи, соединил внутренними линиями все пять морей Советского Союза. Новое, пока не нанесенное на географические карты море плещется в недавно еще пустынных донских степях. Скованный плотиной, Дон вертит мощные турбины Цимлянской ГЭС, поит засушливые солончаковые степи, на которых казаки собрали уже первый урожай поливных культур.

Свершилось то, о чем в осеннюю непогодь, в летнюю сухую жару под ударами обжигающих песчаных бурь, в зимние пронзительные степные стужи неустанно мечтали строители первой из строек коммунизма.

Волго-Донской канал живет и действует. Ему присвоено имя великого Ленина. Корабли регулярно плавают нынче там, где еще прошлой осенью в засушливую пору казаку негде было напоить изжаждавшегося коня.

Строители видят воочию великолепные плоды своего труда, вызвавшие восторг и одобрение всего прогрессивного человечества. И в эту радостную минуту комсомольская газета специальным письмом, разосланным в адреса молодых героев стройки, попросила их рассказать, о чем они мечтают сейчас.

Умная инициатива эта вызвала живейший отклик строителей. Редакция получила в ответ сотни писем, которые и сейчас продолжают поступать.

Эти письма нельзя читать без волнения: в них ощутительно бьется живой человеческий пульс. Читаешь их, и кажется, будто заглядываешь в душу нового, счастливого поколения молодых людей сталинской эпохи, когда осуществляются все лучшие человеческие мечты, как бы дерзки и смелы они ни казались.

Письма бесконечно разнообразны и по размеру, и по почеркам, и по самому образу мыслей корреспондентов. Но первой мыслью, которой все строители спешат поделиться в этих посланиях, написанных, по их определению, «в самый радостный период» их жизни, является мысль о большевистской партии, открывшей перед советскими людьми все дороги, все пути, мысль о великом зодчем коммунизма товарище Сталине, вдохновившем юные сердца на трудовой подвиг во славу Родины. Поэтому многие прислали в редакцию свои ответы в виде писем, адресованных товарищу Сталину.

Бригадир экипажа многоковшового экскаватора № 5 П. Смышникова пишет строки, полные искренней радости: «Светло у меня на душе... Радостно от сознания того, что в строительство канала внесена скромная частица и моего труда. Волго-Дон был для меня школой жизни. Впервые здесь я села за рычаги экскаватора. Многие говорили тогда: «Не выйдет, не девичье это дело». Но я не отставала от мужчин и с гордостью вспоминаю сейчас об этом... Всегда в самые трудные часы моей работы меня вдохновляли Ваши мудрые слова, дорогой Иосиф Виссарионович, слова о том, что люди, овладевшие техникой, могут и способны творить чудеса. Эти слова стали девизом всей моей жизни, и мы действительно творили чудеса во имя великой цели — построения коммунизма. Об этом так ярко говорит весь опыт строительства Волго-Дона». И дальше экскаваторщица Смышникова пишет: «Каждый день мы, строители, чувствовали на себе Ваше внимание, Вашу отеческую заботу. Вы всегда были рядом с нами. Вы вели нас на подвиг, с Вашим именем в сердце мы осуществили вековую мечту народа, соединили Волгу с Доном... Спасибо Вам, товарищ Сталин, за то, что Вы живете на земле!»

Помощник экскаваторного мастера Водораздельного стройрайона Яков Бессонов написал: «В дни, когда мы праздновали завершение работ на великой стройке, мне хотелось крикнуть так, чтобы было слышно во всем мире: «Любимая Родина, великий вождь и учитель товарищ Сталин! Мы готовы с честью выполнить любое Ваше задание!»

И сколько таких простых, гордых слов обращено в этих письмах молодых строителей к великой большевистской партии и ее мудрому вождю!

Канал сдан в эксплуатацию. День и ночь идут корабли по этой новой реке, созданной человеческими руками. Работы огромной исторической важности окончены, задание партии выполнено. А что же дальше? Куда устремились отсюда, из поволжских и донских степей, молодые строители? Куда влекло их с берегов новых озер и морей, созданных их руками, где впервые пришла к ним настоящая трудовая слава?

Герой Социалистического Труда Анатолий Усков, молодой инженер, прославленный начальник первого из больших шагающих экскаваторов, командир этого мирного трудолюбивого «степного дредноута», как в шутку называли строители большую машину, ответил на письмо скромно и лаконично:

«Закончив работы на Волго-Доне, наш экипаж вместе со своей машиной, с которой все мы сроднились за эти годы, мечтает работать на новой, более грандиозной стройке коммунизма, на Сталинградгидрострое. Объем работы там небывалый в истории, и нашему экскаватору-богатырю будет где развернуться, а нам, экипажу, будет где применить свой бесценный, полученный на Волго-Доне опыт и достичь еще более высоких показателей».

Лауреат Сталинской премии инженер А. В. Горьков написал: «Мечтаю увидеть грандиозные волжские гидроэлектростанции, цветущие поволжские степи как результат наших общих трудов. Работа на этих новых, небывалых в истории техники сооружениях представляется мне моим будущим».

«С окончанием строительства на Волго-Доне мечтаю поехать на Главный Туркменский канал, туда, где сейчас пустые и мертвые пески. Мечтаю сажать там леса и переделывать природу на благо человеку. Мечтаю также копить наблюдения, чтобы потом когда-нибудь написать книгу о замечательных делах, свидетелем и участником которых довелось мне стать», — ответил техник зеленого строительства Калачеаского района П. Бородихин.

«Хочу ехать на трассу Главного Туркменского. Это заветная мечта. Ради этой цели в свободное время овладеваю языками национальностей, населяющих Среднюю Азию», — сообщил старший прораб шлюза № 13 Алексей Решетняк.

Нет, не о покое, не о тихой работе, не о том, чтобы почить на лаврах, мечтают строители Волго-Дона сейчас, когда по великой трассе, созданной их руками, уже идут корабли, когда плещутся воды Цимлянского моря, когда в засушливых степях, куда они привели воду, уже растут хлопок и рис, когда партия и советское правительство так высоко оценили заслуги строителей, наградив их орденами и почетными званиями!

Советским людям при любых их достижениях и успехах чужды зазнайство и самоуспокоенность. Жажда подняться к высотам знаний, стремление к непрерывной учебе и совершенствованию властно двигают их вперед и вперед.

«Мечтаю стать инженером, — говорится в письме десятника Калачевского района Александры Вуколовой.— На строительстве канала я хорошо освоила профессию техника, но этого мало. Грандиозные стройки требуют людей образованных. Я поступаю в политехнический институт с тем, чтобы вернуться на новые стройки уже инженером».

«Я мечтаю о том дне, когда на пароходе поеду в Сталинград, чтобы там, в строительном техникуме, закрепить практический опыт, полученный мной на великой стройке мира, чтобы стать образованным строителем новых гигантов», — ответила на вопрос газеты геодезист Донского района Александра Тужилкина.

В редакцию пришли письма и от представителей старой гвардии.

Все строители, молодые и старые, полны мечтой о коммунизме.

«Мне семьдесят пять лет. На старость свою не обижаюсь, но молодежи все-таки завидую. Очень хочется пожить вместе с внуками при коммунизме. Думаю, что удастся», — отвечает ветеран гражданской войны А. Б. Травянов.

«Коммунизм — вот моя цель. Пока мы его не достигли, буду строить, строить и строить не покладая рук, не жалея времени. Под руководством большевистской партии и товарища Сталина мы достигнем этой цели», — говорит бригадир электросварщиков Петр Жуков.

С мыслями о партии, с именем Сталина в сердце, с мечтой о коммунизме разъехались строители Волго-Дона. Они мечтают о новых, еще более грандиозных мирных стройках, которых на их век хватит. Они мечтают о трудовых подвигах во славу Родины. Они хотят с наибольшей пользой для страны и народа отдать великому делу огромный опыт, накопленный ими на первой стройке коммунизма.

Кадр из китайского художественного фильма «Повесть о новых героях». Сяо-мэй (артистка Яо Сян-ли) и Да-шуй (артист Цзин Синь).

Правдивая повесть

Все чаще и чаще мастера молодого киноискусства свободного Китая радуют советских зрителей новыми произведениями, раскрывающими историю китайского народа, его жизнь и борьбу за свободу и независимость. Для того, чтобы как можно полнее и ярче донести содержание фильмов, китайские кинокартины озвучиваются на русский язык.

Дубляж фильма — дело творчески сложное и ответственное. По многу раз просматриваешь фильм, вдумываешься в него, вглядываешься в каждый кадр.

Дважды довелось мне участвовать в озвучивании китайских фильмов. Искренно полюбила я в картине «Стальной солдат» мальчика Лю, бесстрашного связиста партизанского отряда. Он напомнил о юных патриотах нашей Родины, чьи подвиги в годы войны запечатлены в советской литературе и искусстве. Верный клятве, Лю отдает свою жизнь во имя родины и свободы. Исполнитель роли Лю — китайский пионер — создал такой трогательный образ, что, дублируя роль, я переживала немало волнующих часов.

Полюбилась мне и Сяо-мэй, героиня фильма «Повесть о новых героях». Картина эта посвящена борьбе китайского народа против японских захватчиков и гоминдановских бандитов в период 1937—1945 годов.

В начале фильма Сяо-мэй, робкую крестьянскую девушку, которая не в силах противиться воле матери, выдают замуж за нелюбимого, но богатого Чжан Цзинь-луна. В семье мужа Сяо-мэй мучается от издевательств и побоев. Но еще сильнее страдает она от того, что муж ее — прислужник гоминдановцев и японцев. Все симпатии Сяо-мэй на стороне бедных крестьян, угнетенного народа. В коммунистах, бойцах Восьмой армии чувствует она подлинных защитников родины. С ними Сяо-мэй уходит от мужа и начинает новую жизнь. Ее посылают учиться, а по возвращении в родную деревню она передает свои знания подругам и односельчанам. Рискуя жизнью, предупреждает Сяо-мэй партизан о грозящей им опасности. Верная дочь своего народа, она вырастает в активного помощника партии в ее борьбе за освобождение Китая.

Образ Сяо-мэй сродни образам тех русских крестьянок, которых раскрепостила Великая Октябрьская революция, сделав их равноправными участницами строительства новой жизни. Актриса Яо Сян-ли талантливо исполняет роль Сяо-мэй. Ее игра отличается той правдивостью и реализмом, которыми отмечен и весь фильм. В этом заслуга режиссера Ши Дун-шана, операторов Гао Хун-тао и Фын Си-чжана, всего актерского ансамбля, увлеченно и убедительно рисующих образы новых героев Китая.

Янина ЖЕЙМО,
артистка.

Скульптор Козловский

Исполнилось сто пятьдесят лет со дня смерти русского скульптора XVIII века Михаила Ивановича Козловского.

Статуя Самсона в Петродворце.
Фото Б. Уткина

Выходец из семьи ремесленника, Козловский окончил Петербургскую академию художеств. Но подлинная слава его связана со скульптурным оформлением большого каскада фонтанов Петродворца — этого изумительного по красоте, высокохудожественного памятника. Знаменитая фигура Самсона, раздирающего льву пасть, является центром всей композиции. Самсон, раздирающий льву пасть, — аллегория победы России над Швецией в Полтавской битве. Эта группа, похищенная в 1942 году фашистами, ныне восстановлена на прежнем месте.

Памятник великому полководцу Суворову, воздвигнутый в 1801 году в Петербурге, — одно из последних произведений художника.

Д. МАШУРОВСКИЙ

НОВОЕ В СТАРЫХ АУДИТОРИЯХ

Стопятидесятилетие Тартуского университета

...Высокие клены глухо шумят на Домберге. Городок погрузился в ночную тишину. В темноте белеют колонны университета. На соседней улице тускло светится вывеска ночного бара. Вдруг резко распахивается дверь, на улицу вываливается пьяная толпа. Узкие улочки города наполняются шумом и криками, слышится звон разбитого стекла, лязг металла и снова крик, на этот раз полный боли.

— Опять студенты затеяли на улице дуэль,— в страхе перешептываются жители нижних этажей, захлопывая ставни.

Таков был Тарту еще осенью 1938 года. Несколько десятков студентов — детей кулаков и фабрикантов — бесчинствовало в ночных барах, месяцами не посещая лекций. И тогда же, в 1938 году, многие покинули университет: они не смогли своевременно внести плату за учение. Иные с трудом дотягивали до конца учебного года; летом им было не до практики и не до экскурсий: надо было зарабатывать деньги на жизнь, на уплату за учение, и приходилось идти на мощение дорог или на поденные работы в кулацкие хутора...

* * *

Давно уже пришла новая жизнь в старые аудитории Тартуского университета.

Раннее утро. Из общежитий группами выходят студенты, и улицы сразу на-

В фундаментальной библиотеке университета хранится 1 200 тысяч книг. Вечером ее залы заполнены студентами.

полняются смехом, разговорами, обрывками песен.

В университете учатся сейчас 2 200 человек. Трудящаяся молодежь, впервые в истории получившая право на высшее образование, жадно впитывает знания, готовится к большому строительству своей республики.

«Я все более убеждаюсь в том, что только в дружбе с русскими мы можем достигнуть тех целей, которых добиваются лучшие люди народа»,— писал К. Якобсон, известный эстонский прогрессивный деятель, 80 лет назад.

В старом университете, основанном здесь, на западном рубеже России, долгое время царил дух схоластики. Но родники прогрессивной мысли пробивали рутинную толщу. Здесь в свое время получали образование Языков, Абовян. Здесь учились и преподавали такие корифеи русской и мировой науки, как Пирогов, Струве, Бэр, Якоби и Бурденко. В стенах университета складывалось мировоззрение эстонских просветителей, посвятивших свою жизнь эстонскому народу и его искусству.

В фундаментальной университетской библиотеке бережно хранятся экземпляры ленинской «Искры» и сталинской «Брдзолы», которые распространялись в университете революционными русскими студентами.

Можно ли сравнить теперешнюю учебную работу с той, что была здесь пятнадцать лет назад!

Кафедра генетики и дарвинизма занята выведением новых масленичных и кормовых сортов подсолнуха. Их выращивают не из семян, а из подкожурной мякоти и добиваются невиданных в этих местах урожаев. Могут ли остаться студенты равнодушными к трудам своих преподавателей!

А переворот во всей работе, происшедший на кафедре угрофинских языков после выступлений И. В. Сталина по вопросам языкознания! Необычайно оживилась деятельность кафедры, студенты выезжали летом в зоны угрофинских языков — к закарпатским венграм, на Валдай. Кафедра становится центром угрофинского языковедения в СССР.

В студенческом общежитии. Слева направо: Эллинор Иван, Лехте Мяги, Сузанне Лепик.

Фото С. Розенфельда

* * *

Много усилий потратила буржуазия для того, чтобы привить эстонской молодежи шовинизм, ненависть к русскому народу.

Зайдите теперь в аудитории, в комнаты общежитий, в комитет комсомола! Здесь русские дружат с эстонцами, латыши с марийцами, и все они вместе связаны между собой хорошей комсомольской дружбой. В жизни этого двухтысячного коллектива отражается великая сталинская политика дружбы народов.

Как он светел и молод теперь, этот старый стопятидесятилетний университет! В нем учатся его настоящие хозяева — молодые строители коммунизма.

Феликс КОТТА

КАТЕР С ВОДОМЕТНЫМ ДВИЖИТЕЛЕМ

Новый катер с водометным движителем проходит испытания на реке Енисее.

Нынешним летом жители Красноярска и ближайших сел с интересом наблюдали за испытаниями нового судна весьма оригинальной конструкции.

Небольшое по габаритам, оно свободно проходило через плавающие бревна и тросы, не останавливаясь даже там, где глубина реки не превышала 45—50 сантиметров.

Это был катер с водометным движителем конструкции инженера М. Д. Хренникова, построенный на Красноярской судостроительной верфи.

Испытания показали замечательные эксплуатационные качества судна.

Его осадка — 35 сантиметров, скорость хода — 15—17 километров в час. Характерной особенностью такого судна является маневренность. Оно легко делает повороты там, где обыкновенному катеру, с винтовым движителем, развернуться невозможно.

У этого судна движитель размещен внутри корпуса, а рулевое устройство — над поверхностью воды. Движение судна осуществляется за счет мощной струи воды, выбрасываемой за кормой, которая может быть использована для размыва грунта при снятии других судов с мели.

Н. ЩЕРБАКОВ

Международный шахматный турнир в Стокгольме

Слово за молодыми

В Москве живет Михаил Ботвинник. Он инженер-электрик. Кроме своей основной работы, он любит шахматы, любит настолько, что стал чемпионом мира. Конечно, одной только любви и нежного отношения к шахматам недостаточно для того, чтобы стать чемпионом. В мире 26 гроссмейстеров (из них 12 в СССР), несколько сот мастеров и миллионы других людей, играющих в шахматы. Многие из них не прочь отнять звание чемпиона мира у москвича Ботвинника.

Как можно стать чемпионом мира? Когда-то организовать матч с чемпионом мира было исключительно трудно, потому что многое зависело от «настроения» самого чемпиона. Иногда ему не нравился климат в стране, где предполагалось организовать соревнование, иногда не нравилась валюта, в которой с ним хотели рассчитаться, иногда «не устраивал» срок. Вообще чемпионы часто капризничали, зачастую сами себе выбирали «подходящего» противника. Главные трудности организации матча на звание чемпиона мира заключались в том, что чемпион прикрывался «долларовым занавесом». Нелегко было собирать путем пожертвований тысячи долларов, которые уплачивались чемпиону за его участие в матче независимо от результата.

Теперь все по-другому. По инициативе советских шахматистов разработана такая справедливая система, при которой чемпион мира обязан каждые три года защищать свое звание в борьбе с претендентом, который выявляется путем отбора на специальных турнирах из лучших шахматистов всего земного шара.

Еще хорошо сохранилась в памяти любителей шахматной игры история того, как в 1948 году Ботвинник завоевал звание чемпиона мира.

Затем — отборочный турнир в Стокгольме, турнир претендентов в Будапеште, матч между победителями этого турнира Бронштейном и Болеславским. Бронштейн получил право сражаться с чемпионом мира. Ботвинник отразил натиск Бронштейна и остался чемпионом на новое трехлетие.

В 1954 году Ботвиннику снова придется защищать свое звание. Против кого?

В 1951 году шахматный мир был разделен на зоны. Зональные турниры были проведены в Западной и Восточной Европе, в США, в Южной и Центральной Америке, в Канаде, в Австралии. СССР приравнен к отдельной шахматной зоне. Победители этих зональных турниров — 22 шахматиста — сейчас играют в начавшемся 15 сентября Стокгольмском турнире. Пять победителей этого предварительного отборочного турнира получат право играть в 1953 году в турнире претендентов на первенство мира наряду с Бронштейном, Болеславским, Смысловым, Кересом, Найдорфом, Решевским и Эйве.

Победитель может вызвать Ботвинника на матч в 1954 году.

В Стокгольме выступают Сабо и Барца (Венгрия), Штальберг и Штольц (Швеция), Пахман (Чехословакия), Глигорич и Матанович (Югославия), Унцикер (Западная Германия), Принс (Голландия), Голомбек (Англия) и Стейнер (США), Элисказес, Пильник, Болбочан (Аргентина), Вейд (Новая Зеландия), Вайтонис (Канада), Санчес (Колумбия).

Честь советского шахматного искусства защищает пятерка, которая в основном отбиралась по результатам XIX чемпионата СССР: гроссмейстеры Геллер и Котов, мастера Авербах, Петросян и Тайманов. Среди них только у гроссмейстера Котова первые седые волосы. Ни одному из других участников еще нет 30 лет. Петросяну всего 22 года. Геллер совсем еще недавно был кандидатом в мастера, а сегодня его имя известно всему шахматному миру. Автор этих строк помнит ребят с пионерскими галстуками, которые встречались с ним в сеансах одновременной игры: Юрий Авербах — в московском Дворце пионеров, Марк Тайманов — в ленинградском и Тигран Петросян — в тбилисском Дворце пионеров. А сегодня эти «ребята» уже стали обгонять гроссмейстеров.

Наша шахматная общественность приветствует, что вместе со «стареньким» Котовым на международную арену выходит наша талантливая молодежь.

Нашим представителям в Стокгольме предстоят встречи с сильными и опытными профессионалами Запада. Наиболее серьезными противниками, повидимому, будут гроссмейстеры Сабо, Штальберг, Глигорич, Элисказес, мастера Пахман, Болбочан, Унцикер.

Турнир потребует большого умственного и физического напряжения со стороны его участников и также с вашей стороны, товарищи «болельщики». Состязание продлится 40 дней!

ПЕРВЫЕ ТУРЫ

Итак, бои начались! Котов выиграл у опасного противника Штольца и нанес поражение гроссмейстеру труднопробиваемого калибра Элисказесу. В третьем туре Котов был свободен, а в четвертом он быстро одержал победу над Вайтонисом. Три очка из трех в таком ответственном турнире! Петросян и Геллер только что успели познакомиться с Вайтонисом и уже угостили его двумя нулями в турнирной таблице. Авербах разгромил Вейда, которого московские пионеры хорошо помнят по его сеансу в 1951 году, когда новозеландский мастер из 30 партий 20 проиграл, а остальные 10 свел вничью...

Чемпион Ленинграда Тайманов в свободное от шахмат время играет на пианино, а в свободное от музыки время играет в шахматы. Он первоклассный пианист. Участники турнира едва успели расположиться в своих номерах, как чемпион Ленинграда в первом туре вытащил из своего «чемодана с вариантами» эффектную новинку. Новый ход Тайманова в славянском гамбите не был известен ни в Европе, ни за океаном. Не удивительно, что противник Тайманова Стейнер надолго задумался, но так и не нашел хорошего рецепта против новинки. Король Стейнера застрял в центре, и уже после 22-го хода «концерт Тайманова» был окончен.

Хорошо начали турнир Штальберг и Сабо. Аргентинец Пильник только в последний момент был допущен в турнир. Накануне турнира он получил и звание гроссмейстера. Все это его, очевидно, взволновало, и начал он турнир с проигрыша Вейду. Поражения имеют уже и другие гроссмейстеры.

Сало ФЛОР,
международный
гроссмейстер

Памятник великому физиологу

Имя Ивана Михайловича Сеченова названо товарищем Сталиным среди прославленных имен, составляющих гордость русской нации. Труды великого физиолога оказали огромное влияние на развитие русской науки. Академик И. П. Павлов назвал И. М. Сеченова отцом русской физиологии.

В 1945 году по ходатайству трудящихся Тепло-Станского района, Горьковской области, село Теплый Стан, место, где родился и жил И. М. Сеченов, было переименовано в Сеченово, а район — в Сеченовский.

Недавно в центре села Сеченово был открыт памятник великому русскому ученому. На постаменте из красного мрамора установлен бюст из серого гранита работы народного художника СССР С. Д. Меркурова.

Фото П. Оппенгейма

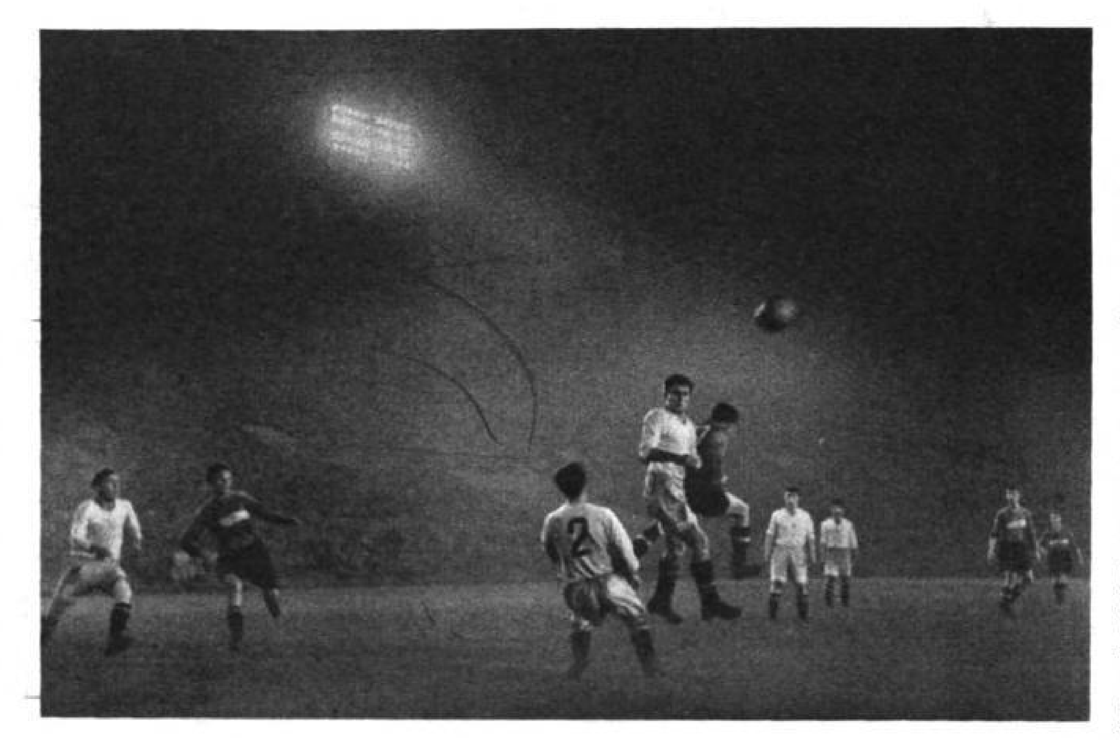
КУБАНСКИЕ АРБУЗЫ

Богатый урожай собран в нынешнем году на бахчах Кубани. Эшелоны с кубанскими арбузами направились в Москву и во все концы страны.

На снимке: погрузка арбузов на станции Ахтари.

Фото Ф. Котелевца

На московском стадионе «Динамо» футбольные состязания проводятся при электрическом освещении. На снимке: момент встречи «Спартака» с динамовцами Ленинграда.

Фото А. Бочинина

ГЛЯДЯ НА ТАБЛИЦУ

Заметки о футбольном чемпионате

Розыгрыш первенства страны по футболу подходит к концу. Значительное большинство игр уже проведено; они получили свое «протокольное оформление» и, выраженные цифрами, появились в турнирной таблице.

Обычно чемпионат проводился в два круга. Весенние оплошности исправлялись осенью, когда каждой команде давалось право вторично сразиться со своими соперниками.

Вспоминаются прошлогодние осенние реванши «Шахтера», «Даугавы», «Торпедо».

В нынешнем году турнир проводится в один круг. Команды потеряли право на реванш. Проигрыш записывается в пассив неизменным нулем, реванш за который можно получить лишь в будущем сезоне. Поэтому увеличилась ответственность за каждую игру.

Номера по порядку	Наименование команд	Число игр	Победы	Ничьи	Поражения	Соотношение мячей	Очки
1.	«Спартак» (Москва)	11	9	2	0	25 : 7	20
2.	«Динамо» (Киев)	12	6	3	3	23 : 14	15
3.	«Динамо» (Ленинград)	10	5	3	2	15 : 10	13
4.	г. Калинин	12	5	3	4	18 : 18	13
5.	«Динамо» (Москва)	8	5	2	1	15 : 7	12
6.	«Торпедо» (Москва)	12	3	6	3	11 : 14	12
7.	«Динамо» (Тбилиси)	9	4	3	2	15 : 9	11
8.	«Кр. Советов» (Куйб.)	12	4	3	5	15 : 14	11
9.	«Зенит» (Ленинград)	9	4	2	3	14 : 17	10
10.	«Шахтер» (Сталино)	11	1	5	5	13 : 22	7
11.	«Даугава» (Рига)	10	1	4	5	8 : 12	6
12.	«Локомотив» (Москва)	9	2	2	5	9 : 18	6
13.	ВВС (Москва)	9	0	5	4	5 : 9	5
14.	«Динамо» (Минск)	12	1	3	8	10 : 25	5

Таблица составлена по данным на 23 сентября.

Сейчас, когда определилась группа лидеров и группа аутсайдеров, встречи на футбольных полях обострились: одни команды оспаривают свои «исторические» права на призовые места, а другие, позабыв о футбольной истории, думают лишь о том, как бы не «вылететь» из класса «А».

Как и всегда, к концу турнира появляются так называемые неожиданные результаты, когда пробудившиеся к жизни аутсайдеры начинают побеждать успокоенных лидеров.

Так «неожиданно» обострилась встреча тбилисских динамовцев с «Локомотивом», причем зрители наблюдали странное превращение: темпераментные южане играли спокойно, а спокойные железнодорожники — темпераментно. В итоге победил «Локомотив».

Московские торпедовцы, как и в прошлом году, оказались камнем преткновения для столичной команды «Динамо», которая вновь им проиграла, и вновь со счетом 0 : 2.

В турнирной таблице на первом месте мы видим «Спартак». Все показатели говорят о том, что футболисты этой команды обретают свою спортивную форму. Но если мы отвлечемся от таблицы и взглянем на зеленое поле, то все же заметим и суетливость нападающих и рискованную игру защиты, которая не раз ставила ворота в тяжелое положение. Так, кстати, было и на состязании с калининскими футболистами, когда ошибка В. Белова и В. Чернышева лишила команду драгоценного очка.

«Спартаку» остались две встречи. Исход их окончательно решит распределение призовых мест.

Хорошие показатели имеет динамовская команда Москвы. Но бесконечные поиски состава мешают сыграться сильному коллективу. Нападающего С. Сальникова почему-то отодвинули в полузащиту, а атаки ведутся без лидера и часто носят случайный характер. Высокая техника В. Трофимова никак не согласуется с напористой, но еще несовершенной игрой В. Ильина и Е. Байкова.

Тбилисцы полузащитника В. Панюкова «продвинули» вперед, в линию нападения. Но все старания этого опытного футболиста возглавить наступательные действия не давали положительного итога. Да и можно ли было в течение двух недель освоить сложную роль центра нападения? В последних играх мы вновь на этом месте видим Ю. Вардимиади.

Команде города Калинина осталась одна игра. Если она и добьется победы, все же занять призовое место не сможет: слишком много очков потеряно в начале турнира.

Прошлогодний призер — донецкие футболисты общества «Шахтер»—набрал лишь 7 очков из 22 возможных. Естественно, им больше теперь приходится думать о том, чтобы подальше уйти от аутсайдеров, чем о былой своей славе. В команде все еще нет слаженности, которой она отличалась раньше.

В публикуемой таблице среди множества цифр видны два нуля. Они имеют разное значение: один из них говорит о том, что «Спартак» не проиграл ни одной встречи, а другой — о том, что команда ВВС не выиграла ни одного состязания. Летчики играют явно ниже своих возможностей. За девять соревнований они вбили 5 мячей: своеобразный «рекорд». Не удивительно, что они находятся в "угрожаемой зоне".

По законам железнодорожного движения, на последнем вагоне поезда прикрепляется красный сигнальный фонарь. Долгое время такой фонарь висел у железнодорожников команды «Локомотив», которая была последней в «футбольном поезде». Однако победы над тбилисцами и торпедовцами Москвы позволили ей уйти с последнего места, а сигнальный фонарь последнего вагона передать капитану минского «Динамо».

М. МЕРЖАНОВ

Новые чемпионы

В Ереване недавно закончился розыгрыш первенства страны по баскетболу. Экзамен «на зрелость» выдержали 6 команд, попавшие в финал. Среди них были коллективы «Жальгирис» (Каунас), динамовцы Москвы и Тбилиси, спортсмены Тартуского университета, ВВС (Москва) и Дома офицера (Киев).

Силы спортсменов оказались далеко не равными. Киевляне впервые участвовали в таком серьезном соревновании и, естественно, не могли решительно «вмешаться» в ход борьбы. А борьба была очень острой. После проигрыша «Жальгириса» студентам Тарту единственной непобежденной оставалась команда ВВС, но в предпоследний день первенства летчики проиграли баскетболистам Каунаса. Возможности ВВС и «Жальгириса» уравнялись. Появилась необходимость в дополнительной игре.

Вспомнилось первенство прошлого года. Тогда точно так же литовцы и москвичи пришли к финалу с одинаковым количеством побед. Каунасцы активно начали решающий поединок и вскоре усилиями молодого, никому не известного тогда Стонкуса повели 13 : 3. На этот раз Стонкус выступал уже как зрелый мастер, а команда, словно следуя традиции, построила всю игру на другом дебютанте — 20-летнем Лауритенасе, обладающем ростом 196 сантиметров. И не ошиблась. К 9-й минуте счет был 12 : 2 в пользу «Жальгириса». Но удачную игру в нападении чемпион не подкрепил надежной обороной и позволил соперникам сначала сократить просвет, а в последние минуты даже выйти вперед.

В играх женщин были неожиданности. Сильные и опытные команды московского «Локомотива» и киевского «Динамо» не попали в финал. У женщин также произошла смена чемпионов: золотые медали стали достоянием баскетболисток московского общества «Строитель». Свой путь к победе новый чемпион начал с... поражения. Баскетболистки «Строителя» проиграли растущей молодежной команде «Наука» (Тбилиси). Это "отрезвляюще" подействовало на москвичек. "Споткнувшись" на старте, они хорошо провели остальные встречи, одержали подряд семь побед и вышли на первое место.

Г. АКОПОВ

Ереван.

Момент игры между мужскими командами ВВС и киевского Дома офицера.

Фото В. Егорова

5 декабря—Конгресс народов в защиту мира

Во всех странах идет активная подготовка к Конгрессу народов в защиту мира. 8 сентября этого года в Бухаресте состоялось расширенное заседание Постоянного Комитета защиты мира Румынской Народной Республики. Комитет решил созвать 14—16 ноября съезд комитетов борьбы за мир республики для подготовки участия Румынии в предстоящем Конгрессе народов в защиту мира. На снимке: в зале заседания Постоянного Комитета защиты мира РНР. Выступает митрополит Себастьян Руссан.

Молодого английского парня Джека Брукса послали в Корею умирать во славу бизнесменов Сити и Уолл-стрита. Его определили в 1-й батальон Глостерского полка. Джек счастливо отделался: он попал в плен. Многие его товарищи убиты. Старый отец Джека, Артур Брукс, 63-летняя мать Элизабет и жена пришли из Истбурна в центр Лондона сказать членам парламента: «Возвратите нашего сына и мужа! Мы не хотим войны в Корее!» Бруксы пришли не одни. Сотни семей, лишенные кормильцев, вместе с ними решительно требовали от английского парламента: «Прекратите кровавую бойню в Корее!» Этот возглас все громче и громче звучит в Англии. Английский народ требует мира.

На снимке: семья Бруксов в Лондоне.

Недавно в одной из фешенебельных лондонских гостиниц, «Пиккадили хотэл», собрались акционеры каучуковой компании «Данлоп раббер компани». Это одна из тех монополий, которые выкачивают баснословные прибыли из Малайи. За обеспечение ее доходов английские солдаты ведут позорную войну в Малайе. Держателям акций не удалось спокойно обсудить свои финансовые дела. Десять бывших солдат английской армии проникли в зал заседаний. Прямо в лицо собравшимся они гневно заявили: «Вы получаете миллионные доходы от войны! Ваши деньги политы кровью англичан и малайцев! Прекратите войну в Малайе!» Леди и джентльмены из «Пиккадили хотэл» настолько опешили, что не успели задержать смельчаков.

«Из нашей крови вы не сделаете долларов!» — гласит надпись на заборе одной из венских улиц. Австрийские патриоты, написавшие эти слова, выразили чувство всего народа Австрии, не желающего служить пушечным мясом в войне, подготавливаемой американскими империалистами.

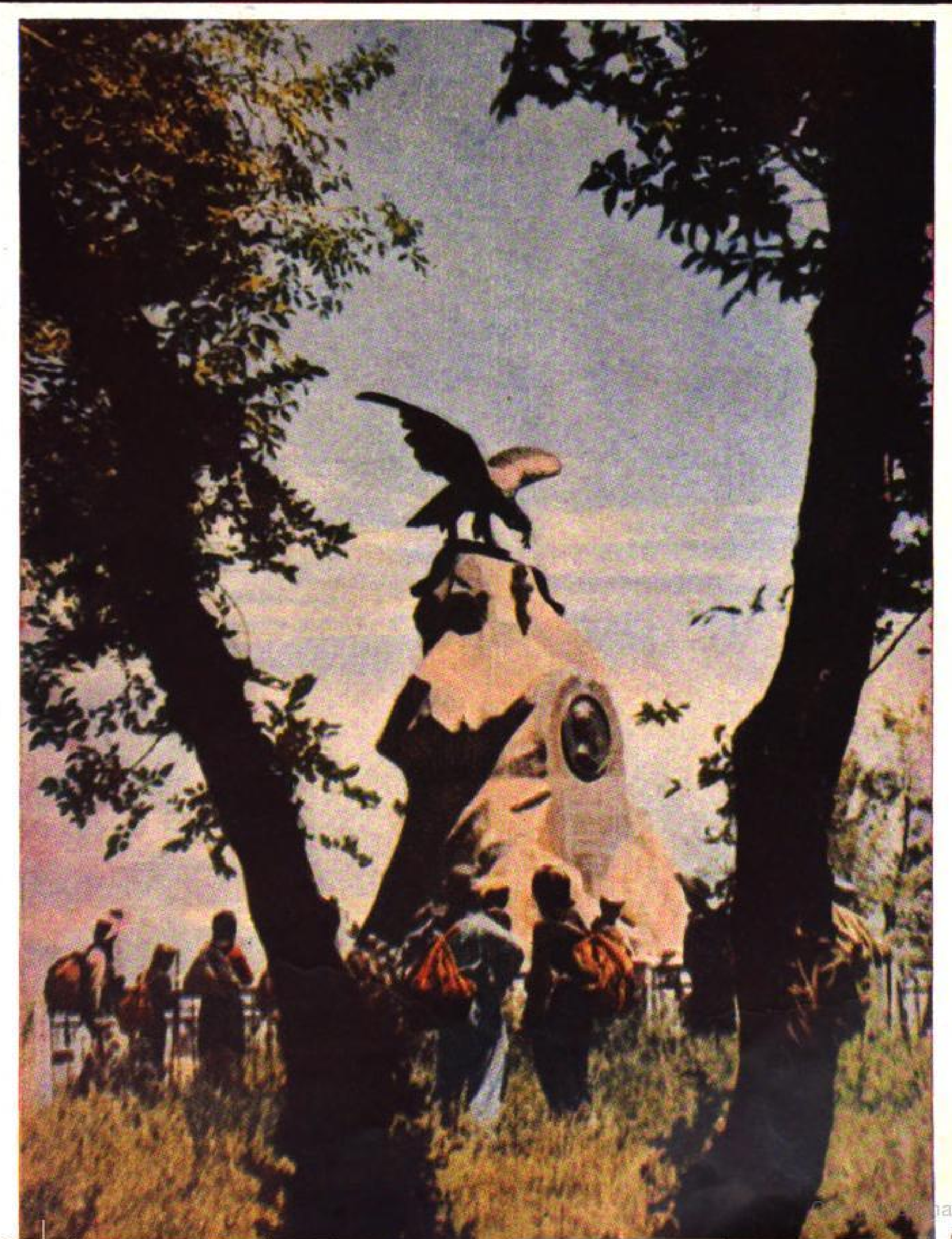
С 5 по 10 сентября этого года в Бухаресте проходила VI сессия Совета Международного союза студентов. На сессии присутствовали представители студенчества шестидесяти стран, выразившие свою решимость бороться за международное единство студентов, за мир и дружбу между народами.

На снимке справа: делегации студентов Вьетнама и Трансиордании в зале заседаний.

ИССЫК-КУЛЬ

В. СОЛОУХИН

Фото И. Тункеля

1

Иссык-Куль... Древнее, как эпос, синее, как высокогорное небо, раскинулось это озеро вдаль и вширь. Зимой, когда кругом белым-бело, особенно яркой кажется его синева. Озеро не замерзает, и потому называется оно горячим озером — Иссык-Кулем.

Как чашу, высоко к небу подняла его земля. В зеркало Иссык-Куля неисчислимые века смотрятся «края чаши» — зубчатые хребты Терскей Ала-Тау и Кунгей Ала-Тау. Дальше за Терскеем вскинуты в небо ледяные шапки Тянь-шаньских исполинов.

Не всегда спокоен Иссык-Куль. Иногда налетает «горняк», и, сталкиваясь одна с другой, круто вздымаются волны. Над семисотметровой глубиной кипит вода. Самые сильные ветры: западный — Улан и восточный — Санташ. Первый называется по имени ущелья, из которого со свистом вырывается этот ветер на просторы Иссык-Кульской котловины. Второй — по имени перевала Санташ — Считанный камень. Говорят, шел Тамерлан военным походом и приказал каждому воину положить здесь по камню. Возвращаясь в Самарканд, каждый воин взял по камню обратно. А гора все-таки осталась. Видно, возвращалось людей меньше, чем шло на войну.

2

В 1888 году великий русский географ Н. М. Пржевальский прибыл в Каракол, чтобы начать отсюда свое пятое путешествие. Но замысел этот ему осуществить не удалось. Еще по дороге в Каракол выпил он воды из реки Чу и заразился тифом. В Караколе он умер. Николай Михайлович завещал: «Похороните меня на берегу Иссык-Куля... Надпись просто: Путешественник Пржевальский».

Друзья Пржевальского, верные его последней воле, похоронили славного сына русского народа на берегу Иссык-Куля. Рядом со скромной могилой поставлен памятник. На гранитной скале расправил крылья орел. В лапах он держит карту Центральной Азии, в клюве — оливковую ветвь.

Бывший Каракол — теперь город Пржевальск, центр Иссык-Кульской области.

3

По склонам гор, окружающих Иссык-Кульскую котловину, растет на редкость красивое и ценное дерево — тянь-шаньская ель. Ее можно видеть уже на высоте в полторы тысячи метров над уровнем океана. Карабкаясь все выше и выше, добирается она почти до «белков» и лишь здесь уступает место зарослям арчи да альпийским лугам. Стройная, похожая на кипарис, тянь-шаньская ель достигает огромных размеров. Ботаники фиксировали экземпляры в шестьдесят метров высотой.

В Иссык-Кульской области ведется плановая разработка леса. С больших высот по бешеным горным рекам приходится сплавлять лес. Труд сплавщиков требует ловкости, смелости и сноровки. Стоит оступиться, и грохочущая вода разобьет о камни.

На снимке: сплав тянь-шаньской ели на реке Ак-Су в Пржевальском районе.

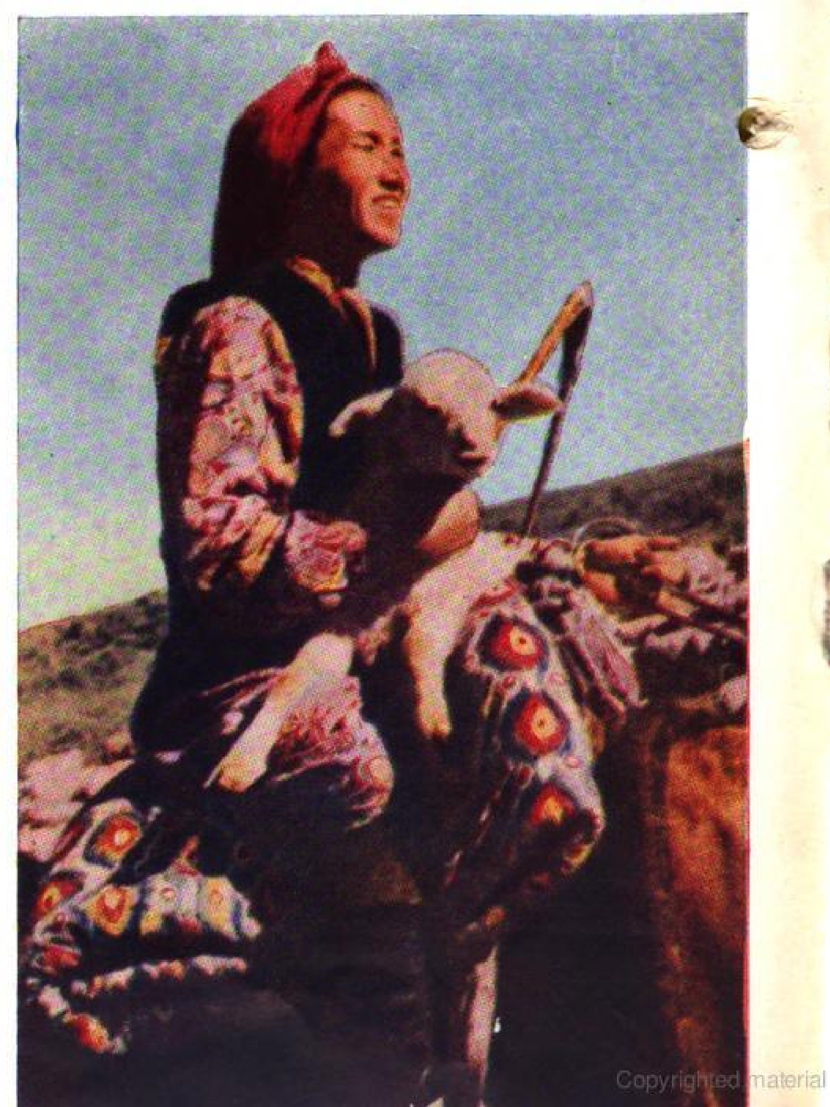
4

Иссык-Кульская котловина... Около двух миллионов гектаров пастбищной земли. На высокогорных пастбищах и в ущельях пасутся сотни тысяч голов скота. Нам запомнилось меткое выражение, слышанное во Фрунзе: «Киргизы были скотоводами, теперь они животноводы». Коровы и овцы новых пород выведены в Киргизии. На пастбищах ведутся научно-исследовательские изыскания. Особенно интересна разгадка так называемого кедженя — скоропостижного падежа овец.

Было так. Пройдет дождь, трава делается влажной. С жадностью поедают ее овцы. А вскоре раздается крик чабана: «Кеджень! Нож давай!» Самых упитанных овец губила непонятная болезнь. Специальная экспедиция во главе с директором ветеринарной лаборатории Министерства совхозов Киргизии С. Морозовым выехала на Иссык-Куль.

Удалось установить, что причиной падежа были ядовитые травы: иссык-кульский корень и ежовник. После дождя овцы не чувствуют особого запаха этих трав и жадно поедают их вместе с другими. Сейчас вредные травы усердно вытравляют. Это делает государство. А задачи чабанов — из года в год увеличивать поголовье.

На всю республику прославилась своим трудом чабан депутат Верховного Совета Киргизской ССР Зура Танаева из совхоза «Оргочор», Покровского района. На каждые сто маток она вырастила в этом году по сто пятнадцать ягнят.

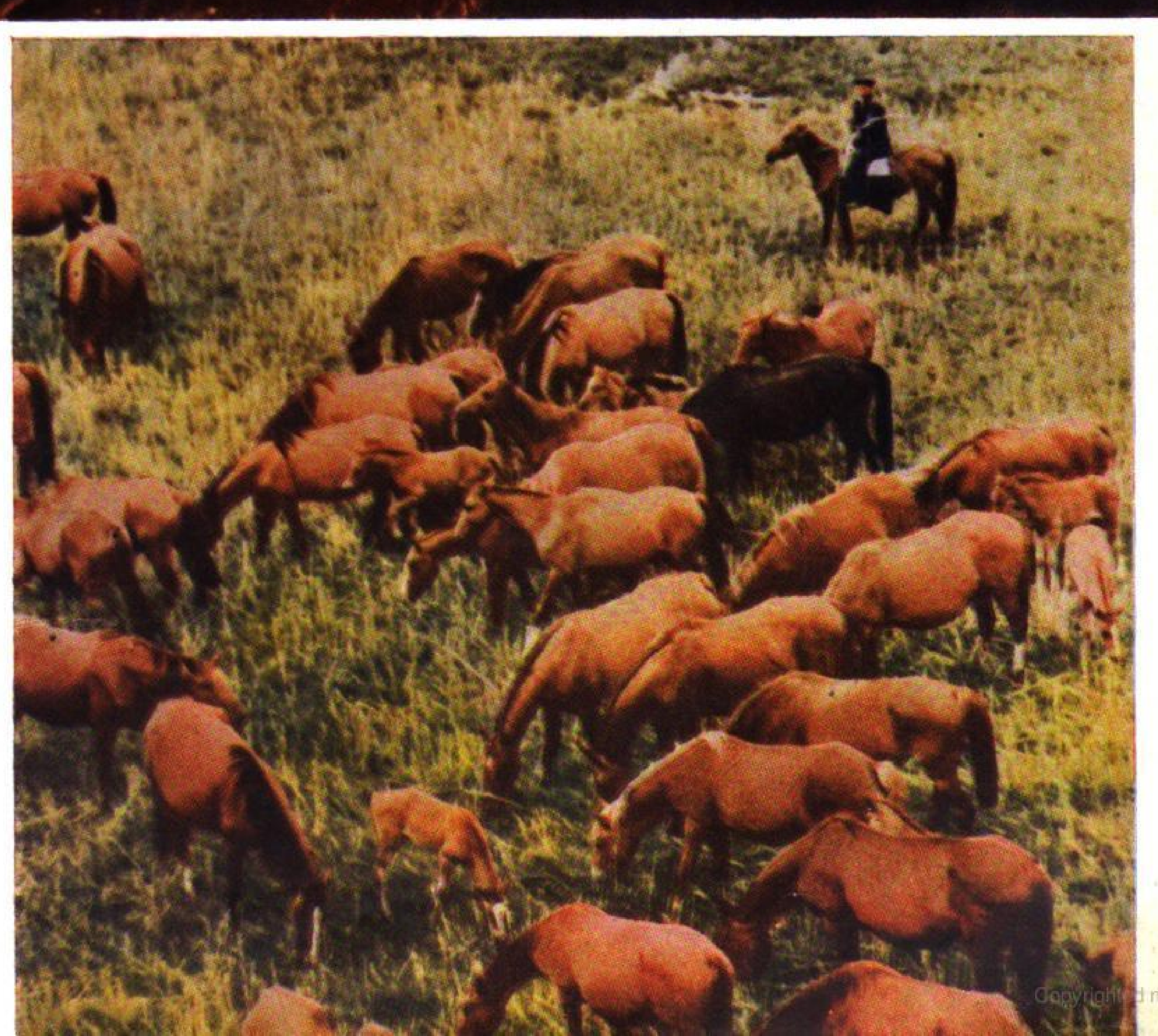
5

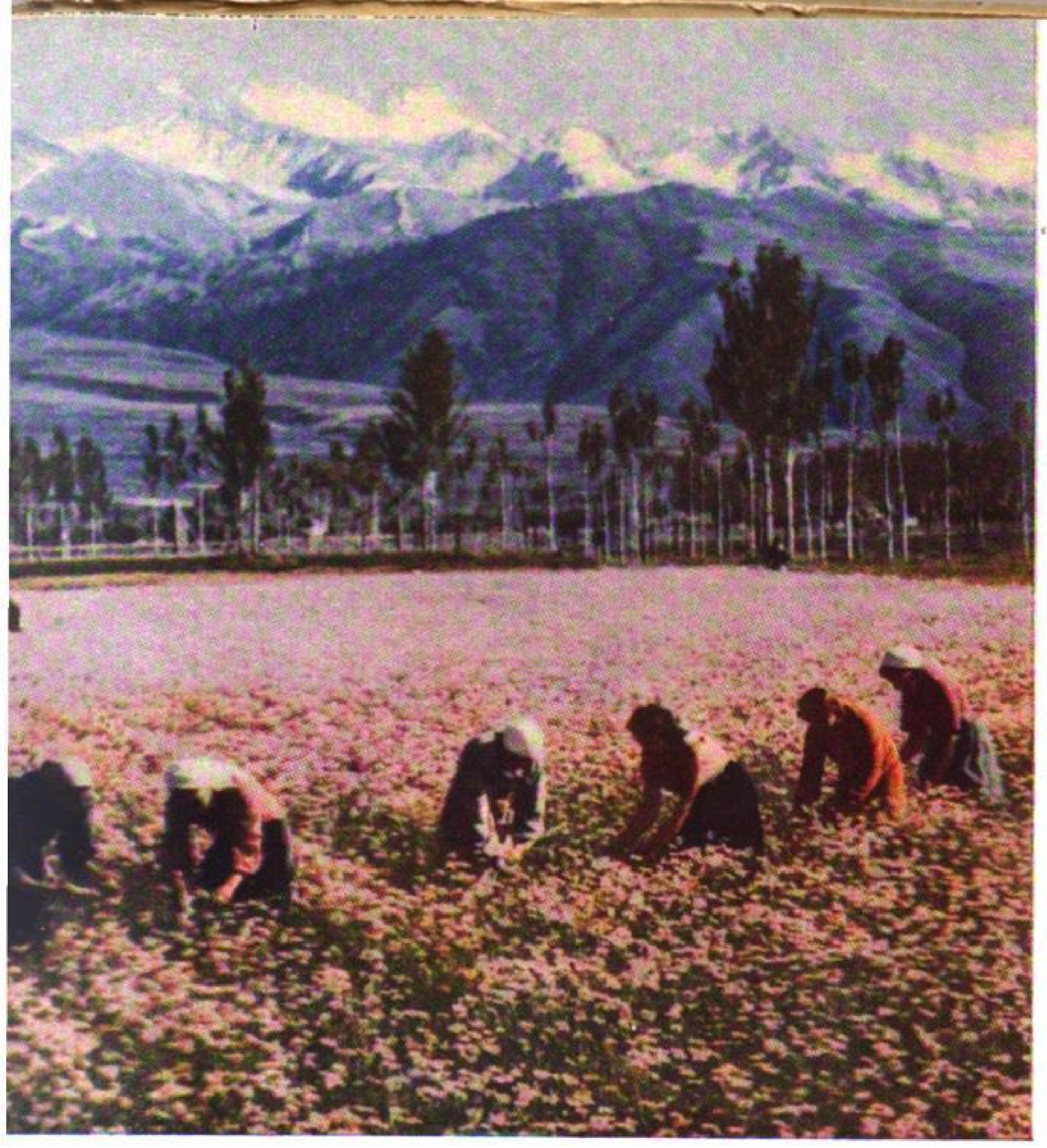
Озеро Иссык-Куль богато рыбой. Тут водятся жирный осман, нежная маринка, чебак. Некоторые виды этой рыбы встречаются только на Иссык-Куле. Ученые пустили в озеро икру севанской форели, и теперь форель все чаще попадается в сети рыбаков «Небесного моря».

6

Славится выносливостью киргизская лошадь. Многие километры может она скакать без отдыха. Но она малосильна и к тому же далеко уступает в резвости хотя бы таким породам, как орловская или донская. Колхозники Иссык-Куля заняты сейчас выведением улучшенных пород.

Однажды, спускаясь с гор, мы вышли на Кумысную поляну, что в ущелье Джеты-Огуз. На поляне пасутся косяки кобылиц. Тут подсобное хозяйство санатория «Койсары». Отсюда кумыс, приготовленный по всем правилам и запечатанный в бутылки, увозят в санаторий. Когда мастер кумыса Есинджан Джанабулов решил угостить нас целебным напитком и вышиб пробку, кумыс хлынул из горлышка, как шампанское...

7

«Смерть насекомым» — так зовут плантации далматской ромашки на зональной опытной станции Всесоюзного института лекарственных и ароматических растений. Решая проблему выращивания мака, зональная станция в Пржевальске не забывает и второстепенных культур. Далматская ромашка, из которой вырабатывают пиретрум, внедряется сейчас в колхозное производство.

8

Медленным шагом едет по долине всадник. На руке его восседает большая хищная птица — беркут. Вот зоркий глаз охотника заметил, как вдалеке мелькнула рыжая шкурка лисицы. Свист камчи, и конь несется во весь опор. На ходу охотник сдергивает с глаз беркута кожаный колпачок и кидает птицу высоко в воздух. Получив свободу, орел взмывает вверх и делает круг. «Где?» — как бы спрашивает он всем своим видом. Если хозяин бросил его в воздух, значит, внизу должна быть лисица. Долю секунды длится замешательство хищника. В следующее мгновенье он складывает крылья и пикирует вн[illegible] Одной лапой орел хватает л[illegible]сицу за спину, другой — за морду. Зверь в стальных когтях. Ему конец.

Покровский район на Иссык-Куле славится замечательными охотниками. Любят колхозники-киргизы охоту с беркутом.

Беркутчи Данапья Бокбаев добыл за сезон тридцать лисиц, сто тридцать два сурка и тысячу сусликов.

— Никак волк не попадается,— жаловался нам Бокбаев.— Если бы увидел, спустил бы на него своего красавца беркута.

9

На северном берегу Иссык-Куля расположен детский санаторий Чолпон-Ата. Веселый смех звенит здесь. Особенно любят дети часы купанья. Прозрачная, прохладная вода озера хорошо освежает, укрепляет здоровье.

Счастливые советские люди живут и трудятся на Иссык-Куле!

КУЗЯ

Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунки П. Караченцова

Была уже ночь, когда мы въехали по шоссе в белый, освещенный яркими огнями городок. В управлении нам сказали, что самолет уйдет завтра в полдень. Надо было подумать о ночлеге.

— Ничего,— сказал Котенко.— Заночуем у Кузи.

— У кого? — переспросила я.

— У Кузи. Хозяева будут очень рады. Там всегда кто-нибудь ночует, они уже привыкли.

— В столовую заедем? — спросил шофер и, не дожидаясь ответа, остановился возле затянутой полотняным тентом верандочки. Он сощурил глаза, напряженно вглядываясь, и вдруг сказал ликующим голосом: — Раки! Не сойти мне с этого места, раки с Дона... Мировая еда!

На веранде был занят только один столик. За ним сидел высоченный детина в замасленной майке, с татуировкой на левой руке. Татуировка изображала змею, кусающую собственный хвост. Перед детиной возвышалась громадная гора раковой шелухи. Ел он с пониманием дела: от каждого рака оставался только багровый панцырь да кончики клешней.

За стойкой толстая краснощекая женщина перетирала пивные кружки и напевала вполголоса:

Для кого я росла,
Для кого я цвела
До шестнадцати лет, как малина...

Завидев нас, женщина неодобрительно покачала головой.

— Раков больше нет,— сказала она сухо.— Пиво тоже кончилось. И вообще столовая закрывается в десять часов.

— Порядок... — пробормотал шофер упавшим голосом.

— Ничего! — сказал неунывающий Котенко.— Поужинаем у Кузи. Хозяева будут очень рады. Там всегда кто-нибудь ужинает. Для них это — первое удовольствие.

— Неудобно все же! — сказала я неуверенно.— Ввалятся ночью трое человек, надо кормить, укладывать спать... Чего ради?

— Как это «чего ради»?! — закричал Котенко.— Я ж вам сказал: они без гостей жить не могут. Поговорить с приезжим человеком — это для Кузи лучший отдых. Если у них три дня никого нет, они прямо больные делаются...

Пока мы пререкались, сидя в машине, шофер уже свернул с шоссе, и машина покатила по мягкой, пыльной дороге. Запахло укропом и помидорной ботвой. Было душно, ночь не приносила прохлады, и лишь слабый, летящий с канала ветерок веял чуть уловимой свежестью.

Не замедляя хода, машина въехала в широкие ворота и остановилась у домика с обвитой виноградом терраской. В окнах горел свет.

— Никто не спит,— сказал Котенко и с удовольствием закряхтел, разминая затекшие ноги.— Полный порядок, я ж вам говорил!

Мы вошли в белые сенички, блещущие санаторной чистотой. В большой комнате спиною к нам стояла высокая, осанистая старуха и мыла посуду.

— Марта Андреевна! — весело закричал Котенко с порога.— Привет! Давненько не видались...

— Здравствуйте,— сказала старуха, не поворачивая головы, и так стукнула тарелкой по столу, что дерево загудело.

— Анечка дома? — спросил Котенко, входя в комнату.

— Дома,— ответила старуха, не обращая на нас никакого внимания.

В соседней комнате на кровати полулежала молодая женщина, прикрытая простыней. Сонное, розовое лицо ее было недовольным. Она рассеянно посмотрела в нашу сторону и зевнула, приоткрыв нежный и маленький, как у кошки, рот.

— Здрасьте, Анечка! — сказал неунывающий Котенко.— Как живете, караси, ничего себе, мерси? Вставайте, гости приехали! А где Кузя?

— Сами ищите вашего Кузю,— сказала женщина и отвернулась.— Разве я знаю, где он? — Она помолчала.— Вчера был выходной, поехала с ним купаться на канал,— сказала она сердито.— Собрались наконец вместе, за все лето первый раз. Спустились на машине к самому берегу, только расположились, он вдруг глазами замигал и говорит: «Ты, Анечка, окунись, а я на минутку слетаю на участок, кое-что проверю. На одну минуточку!» Сел в машину и пропал! Я четыре часа сидела на солнце, как идиотка, чуть не сгорела, вся кожа болит. Солнце степное какое-то сумасшедшее: прямо сжигает человека. Разве привыкнешь к такому солнцу после нашего Рижского взморья?

Анечка села на постели и спустила босые ноги. Она была в ситцевом сарафане; полные, круглые ее плечики позолотил загар.

— Знакомьтесь! — Котенко сделал широкий жест.— Анна Ивановна, хозяйка дома сего.

Анечка сунула ноги в красные туфли и встала. Кожа на лице ее была светлая и тонкая, как у северянки; даже безжалостное степное солнце ничего не могло с ней поделать. Котенко прошел к телефону, стоящему на столике у постели, и снял трубку.

— Со вчерашнего дня не видала вашего Кузю,— пробормотала Анечка и посторонилась, чтобы Котенко было удобней говорить.— Ушел утром, я еще спала. Вместо завтрака одну простоквашу съел.— Она подняла руки и поправила легкие, рассыпающиеся волосы.— Надоела мне эта жизнь сумасшедшая, честное слово! — сказала она с сердцем.

— Дайте шестьдесят первый,— сказал Котенко, не слушая.— Что, Кузьмы Федоровича нет? Ага. Ну, я позвоню. Дайте Корнеева. Здравствуйте, Илья Севастьяныч, это инженер Котенко. Что, не у вас Кузьма Федорович? На участке? Ну, простите. Нет, завтра в Новосоленовск уезжаем, проверять оборудование. Зайду обязательно. Дайте пятый. Диспетчер? Вы не знаете, где Кузьма Федорович? Разыщите его, пожалуйста, будьте такой добренький! Пусть позвонит. Да, да, на квартиру...

— Встретила его в Майори на свою голову, теперь шестой год мучаюсь,— сказала Анечка горько и вышла из спальни.

Старуха в столовой перетерла посуду, поставила ее в шкаф и тоже куда-то ушла. Яркая лампочка под оранжевым абажуром освещала стол, покрытый клетчатой скатертью, белые, вымытые до глянца табуретки, заменяющие стулья, и в углу пружинный матрац на деревянных козелках, застланный вышитым покрывалом. Никому в доме не было до нас дела, никто не обращал на нас внимания. Я растерянно посмотрела на Котенко. Он не заметил моего взгляда.

— Иван Кондратьич! — закричал он шоферу, высунувшись в окно.— Закрывайте машину, идите в комнату.

— Я думаю, мы прекрасно можем переночевать в машине,— мрачно сказала я, но Котенко ничего не ответил.

Хозяева не возвращались. Было слышно, как шофер возится во дворе возле машины, мурлыча тихонько: «Поехал казак на чужбину далече на борзом своем, вороном он коне...» Котенко пошел во двор. Я побрела за ним.

Степная ночь была полна певучего гула. Вдалеке мерно ухала какая-то машина; испуганно, словно со сна, вскрикнул паровоз; где-то заворчал грузовик; послышался высокий, прерывистый свист, словно из котла выпускали пар, а за ним снова ровное вздыхающее уханье каких-то машин... И, заглушая все эти могучие, но далекие шумы, рядом в траве изо всех сил стрекотали кузнечики, словно радовались теплу ночи, красоте звездного неба, горьковатому, пыльному степному благоуханию.

— Вот комары проклятущие! — пробормотал

в темноте Котенко, почесываясь, и чиркнул спичкой.

Свет спички на секунду озарил влажный глянец созревших вишен. Они висели «сережками», пригибая своей тяжестью маленькие ветки. Молодое вишневое деревцо с девичьи-тонким стволом смутно виднелось в темноте.

— Смотри, пожалуйста! — удивился Котенко.— Как будто вчера этот садок насадили и — на тебе! — уже вишни... До чего же быстро время бежит, честное слово!

Я молча стояла у крыльца. В ведре, изредка вспыхивая, тлел бурьян: его жгли, чтобы отогнать комаров. Откуда-то из темноты появились Анечка и Марта Андреевна; не сказав нам ни слова, они прошли в дом. Над степью послышался басистый гудок парохода. Возле моего лица жалобно зазвенел комар. «Поехал казак на чужбину далече...» — запел под нос шофер и пошел в дом. Вслед за ним исчез и Котенко. Я села на скамейку возле тлеющего бурьяна. Глаза мои слипались, есть хотелось так, как, кажется, никогда в жизни.

— Вот тебе и Кузя! — пробормотала я.

— Идите сюда! — закричал из дома Котенко.— Вас комары до смерти заедят.

Ничего не ответив, я полезла в машину и свернулась калачиком на пахнущем пылью сиденье. Но Котенко не дал мне уснуть.

— Где же вы? — кричал он на весь двор, высунувшись в окно по пояс. Лампа освещала его круглое загорелое лицо, добрый курносый нос.— Здесь комары хуже собак, я ж вам говорю...

Тихонько ругаясь, я вылезла из машины и нехотя пошла в дом.

Клетчатая скатерть была снята, на светлой клеенке стояла громадная миска, полная раков, пурпурных, как пламя. Рядом возвышалось блюдо с помидорами, банка сметаны, видно, только что вынутая из погреба, и запотевшие бутылки пива.

— Раки с Дона...— умиленно пробормотал шофер, не сводя восторженных глаз с миски.— Мировая еда!

— Я, наверное, с ума сойду от этих комаров,— плачущим голосом сказала Анечка.— Нет, видно, никогда мне не привыкнуть к здешнему климату!

Марта Андреевна, сохраняя все то же равнодушное выражение лица, положила на стол небольшую, изрезанную жилками дыню. Дочь покосилась на нее, и старуха молча положила вторую дыню, покрупней.

На матраце в углу была уже приготовлена блещущая свежестью постель; рядом на столике лежало аккуратно свернутое чистое полотенце и кусочек мыла «Красная Москва». Это заботливо положенное мыло, с которого еще не была снята обертка, повергло меня в полное смущение. Я вспомнила, какими неприветливыми казались мне хозяева, когда я сидела в темноте у крыльца, и засмущалась еще больше.

— Вы будете спать здесь,— сказала мне Анечка все тем же недовольным тоном и показала на постель.— А Котенко с Иваном Кондратьичем как хотят: или на сеновале или у мамы в комнате, а она ляжет в сеничках.

— Не знаю...— Котенко сладко зевнул.— А на сеновале комаров нет?

— Ложитесь лучше у меня,— сказала старуха таким жестяным голосом, как будто кружка ударилась о кружку.— А я в сеничках себе раскладушку поставлю, как тот раз.

— Нет, пожалуй, мы на сеновале ляжем. Да, Иван Кондратьич? Я ж вам говорил, что они без гостей жить не могут! — Котенко подмигнул мне и засмеялся.

— Вчера ночевал инженер с Гидростроя,— сказала Марта Андреевна задумчиво.— Проездом. Ничего за ужином не ел, только дыньку попробовал. У него плывун оказался на участке. Какой у человека может быть аппетит при плывуне?

Анечка, подперев кулачком розовую щеку, рассеянно смотрела на свет лампы.

— Научная сотрудница из Москвы неделю у нас жила,— неожиданно сказала она и придвинула мне тарелку.— Ботаник по специальности. Очень милая, знаете! Изучала степную флору и ее изменения после постройки канала. Двое ребят у нее в Москве, Николушка и Петька. Так интересно о флоре рассказывала, прямо заслушаешься!

— Да, всякие люди приезжают,— вздохнула Марта Андреевна и тоже, как дочка, подперла рукой круглый, точно булка, подбородок.— На прошлой неделе женщина-врач из Сталинграда у нас две ночи ночевала. Знаменитый хирург. Можете себе представить, такие выражения у этого знаменитого хирурга!.. Хуже, чем у шоферов. «Я,— говорит,— люблю пользоваться русским языком во всем его многообразии». А по виду вполне серьезная женщина, в очках, даже волосы седые.

— Узнаю Раису Семеновну! — сказал Котенко, захохотав, и взял рака за хвост.

Каждый из нас уже съел добрый десяток раков, когда вдоль окон метнулся белый свет фар. С грохотом покатилось по ступенькам пустое ведро, кто-то негромко чертыхнулся, дверь распахнулась настежь.

— Приехал ваш Кузя,— пробормотала Анечка.— Радуйтесь!

В дверях стоял высокий человек в голубой рубашке с короткими рукавами и полотняных, изрядно измятых брюках. Лицо и руки его были почти черными от степного загара. Щеки, видимо, выбритые утром, сейчас уже покрылись густой щетинкой, под глазом вздулся волдырь от комариного укуса; наспех смазанный иодом, этот волдырь, похожий на синяк, придавал ему вид драчуна. Живые темные глаза в мохнатых ресницах весело блестели.

— Дивное зрелище! — закричал он с порога.— Гости есть, раки есть, пиво есть... Общее здрасьте, как говорят в Ростове! Немножко запоздал, извините.

— Где тебя носило, Кузя? — спросил Котенко, обсасывая рачью клешню.— Я ж просил диспетчера, чтоб ты позвонил.

— Не мог позвонить, брат,— виновато сказал хозяин и сел на табуретку.— Комиссия шлюз принимала.

Жена и теща, как по команде, перестали есть и обе уставились на Кузю.

— Ну, и что? — серьезно спросила Анечка.

— Все строительные работы приняли на «отлично»,— ответил Кузя, широко улыбаясь, и каждая складочка, каждая морщинка на его загорелом, заросшем щетиной лице залучились простодушной, почти ребяческой радостью.— Замечательно прошла приемка! Один член комиссии так и сказал: «Хочется поздравить весь ваш коллектив с такой работой. Просто,— говорит,— придраться не к чему: все в ажур сделано...»

— А на седьмом участке как? — быстро спросила жена.

Кузя прищурил левый глаз.

— Всыпали крепко. У них с отделкой не все слава богу, как говорится...

— Это у Селезнева, что ли? — спросил Котенко.

— Ага...— Хозяин потянулся и положил себе на тарелку помидоров. Теща молча положила ему раков. Я заметила, что старуха выбирала самые крупные.

— А как у тебя насчет красоты? — спросил Котенко.— Без красоты сейчас, брат, в люди не выйдешь. Мурадьян, говорят, у себя на шлюзе такой парк разбил, что не хуже Летнего сада в Ленинграде. А у тебя на площадке, когда я прошлый раз был, везде щепа, мусор, какие-то железяки ржавые...

— Железяки...— Кузя сощурился и с непередаваемым выражением упрека, лукавства и внутреннего превосходства посмотрел на гостя.— У меня, милый друг, сейчас такой шикарный цветник, какого в Москве не увидишь, ей богу! Всю весну цветы в парниках выращивали, а сейчас пересадили прямо с землей. Как в сказке, честное слово! — Он помолчал и добавил со вздохом: — Я чуть не поседел от этой сказки: так боялся, что цветы не примутся. Жуткое дело!

— Настурции посадили? — строго спросила теща.

— Посадили,— сказал Кузя.— И львиную пасть посадили, и астры, и эту, как ее... вербену, что ли. Я ведь в цветах ничего не понимаю, в общем. Но сквер, знаешь, какой получился? Мурадьян может закрыться со своим Летним садом.

— Скоро уезжать придется отсюда,— сказала Анечка печально, как будто не она только что жаловалась на здешний климат.— Вишневый сад как подрос, а ведь своими руками сажали! Липки зацвели первый год. Достанется в наследство кому-то. Да еще сберегут ли сад? — Она махнула рукой.

— А начальник назначение уже получил? — спросил Котенко.

— Есть слух, едет в Москву, в министерство.— Кузя потер бровь.— Золотая голова! — сказал он с уважением.— Многому он меня научил, ничего не скажешь.

— Слушай, Кузя, отчего ж у Селезнева на седьмом участке такой прокол получился? — спросил Котенко.— Все время шел впереди других, и вдруг комиссия у него работу не приняла! Что такое?

Кузя помолчал.

— Жила — этот Селезнев,— сказал он и отодвинул тарелку.— Сколько он мне крови испортил! Помнишь, как я без арматуры сидел? Мою ж арматуру тогда Селезнев перехватил.

— Как перехватил?

— Как? Закричал: «Сарынь на кичку!» — и все. И захапал всю арматуру. А потом с невинным видом извинялся: «Ошибочка с нарядом произошла. Простите великодушно, Кузьма Федорович, завтра придет наша арматура — мы ее прямо к вам на участок доставим...» А их арматура пришла через десять дней.

— Ну и орел! — ахнул Котенко.— А ты не будь таким добреньким. Почему ты молчал?

— Это я молчал? Я такой шум поднял, что от Дона до Волги было слышно! А он извинялся и время оттягивал. Пока мы отношения выясняли, уже арматуру на его участке установили. Вот тебе и все.

— Ты Селезнева, кажется, не первый год знаешь,— наставительно проговорил Котенко.— Мог за этот срок к нему приноровиться.

— Пятнадцать лет вместе на стройках работаем,— сказал Кузя возмущенно,— и все никак приноровиться не могу! Какие-то пиратские методы работы у него, чорт его знает!

— Не первый случай с Селезневым и не последний,— сказала Анечка и поджала губы.

— Нет уж, последний! — сердито крикнул Кузя.— Я, брат, серьезно подумываю: не пора ли мне осесть где-нибудь? Пятнадцать лет подряд со стройки на стройку, и каждый раз все начинай сначала — с палаток на голом месте. Хватит, пожалуй,— пора корни пускать.

Кузя остановился и вдруг, посмотрев на Котенко, торопливо спросил:

— Ты мне последний номер «Нового мира» привез?

— Привез...— Котенко, кряхтя, достал из-под табуретки портфель и вынул оттуда «Новый мир», лежащий между скомканным полотенцем и бритвенным прибором.

— Ну, молодец! А то, понимаешь, я в июльской книжке начало романа уже прочел. Вот осяду где-нибудь — времени будет побольше! — сказал Кузя весело.— Веришь ли, в машине на ходу читаю...

— Удивительная биография у твоего шлюза! — сказал Котенко в раздумье, и Кузя, перелистывающий журнал, поднял на него глаза.— У строек, видно, как у людей: у каждой своя судьба. Все время шум шел вокруг других шлюзов — там и башни, там и украшения, там и рекорды... А о твоем шлюзе все молчали. Даже в газетах, кажется, ни строчки не было. Грунт у тебя тяжелый, рабочей силы не хватало, с материалами перебои бывали — трудный, незавидный участок.— Котенко помолчал.— И все-таки закончил шлюз раньше всех! — сказал он с уважением.— И сдал на «отлично». И шлюз получился красивый, не хуже других.

— Самый красивый шлюз на канале! — решительно сказала Анечка и покраснела.

— А как у тебя с демонтажем? — спросил Котенко.

— Сейчас первый бетонный завод демонтируют. Помнишь, тот, на развилке...— И Кузя, положив на стол книжку, вдруг вздохнул.— Почему это грустно становится, когда смотришь на демонтаж? — сказал он с простодушным удивлением.— Вчера, когда проезжал мимо и увидел, что половины завода нет, веришь ли, в сердце заскребло! Вылез из машины, пошел на площадку, стою возле завода и вспоминаю, как мы сюда приехали, как в бараках жили, как этот завод строить начали. Дожди тогда хлестали с утра до ночи, глина раскисла... Жуткое дело! — Он покачал головой.— А вспомнить ту пору почему-то приятно! Очевидно, так человеку приятно юность собственную вспомнить.

— Дурачок,— сказала жена снисходительно и погладила его большую руку.

Кузя посмотрел на меня, и брови его округлились, словно он впервые меня увидел.

— Послушайте,— проговорил он смущенно,— ведь вы же, наверное, устали. Пошли, братцы, спать! — Он нерешительно пошевелился, но так и не встал с места. Все попрежнему сидели за столом.

— Ты завтра в Сталинград поедешь? — спросила жена.

Кузя ничего не ответил.

— Экскаваторы начали демонтировать, — произнес он задумчиво.— Трехкубовые еще стоят, шеи повытягивали, как жирафы. А большого уже нету. И весь пейзаж стал без него каким-то другим. Подошел поближе, вижу: лежит на земле, раскинулся, как спящий после работы богатырь. Зрелище, прямо сказать, неповторимое

— Ты в Сталинград завтра поедешь, Кузя? — обиженно повторила жена.

— Не знаю, не знаю...— пробормотал Кузя. Глаза его блеснули.— Знаешь, что мы придумали, Котенко? — сказал он оживленно.— Решили не убирать ту землю, что экскаватор вырыл возле водохранилища. Пусть у нас будут собственные волго-донские Жигули. Засеяли горы земли степными травами, и, можешь представить, там уже повилика завилась, пчелы откуда-то появились... Смотришь на эти горы, и, чорт его знает, гордость какая-то в душе! Реки соединили, шлюзы построили и еще собственные горные хребты в степи отхватили! А?

— Цари природы! — Котенко засмеялся и развел руками.

— Слушай, царь природы,— сказала Анечка,— а когда ты в отпуск пойдешь?

— Получу назначение — и возьму отпуск. Честное слово! Поедем с тобой в Сочи,— сказал Кузя мечтательно.— Или через Клухорский перевал махнем пешком в Сухуми. Да?

— Я про Клухорский перевал уже третий год слышу. И третий год ты отпуска не берешь,— сказала жена сухо.

— Ну, ладно, ладно...— пробормотал Кузя примирительно. Он сладко потянулся, сдерживая зевок; глаза его стали сонными и кроткими, как у ребенка.— В пять утра встал,— сказал он и потер глаза кулаком.

— Дыню попробуй, горе мое,— сказала жена, и Кузя послушно положил на тарелку кусок дыни.

— Интересно, как теперь Селезнев выкрутится? — неожиданно проговорил он, жуя дыню.— Срок ему дали ничтожный, половину рабочих давно забрали на другие участки, а труд предстоит серьезный. Тут криком да пиратскими штучками не возьмешь! Отделочные работы требуют, брат, кропотливой тщательности.— Он подумал и сказал не без злорадства: — У него, по-моему, и мастеров сейчас для таких работ нет. Повертится, рыжий чорт!

— Так ему и надо! — вдруг строго произнесла теща и принялась собирать со стола посуду.

— Что, пошли спать? — вздохнул Кузя. Глаза его слипались, но по всему было видно, что ему до смерти хочется еще посидеть за столом.— Время детское! — проворчал он и, неохотно поднявшись, выпрямился во весь свой могучий рост.

— Спокойной ночи! — решительно сказала Анечка и пошла в спальню.

Кузя лениво побрел за ней.

— Абсолютно не хочется спать! — прогудел он оттуда, и тотчас же раздался страшный треск и скрип, словно на постель сел слон.

Котенко с шофером ушли на сеновал; Марта Андреевна, собрав посуду, прошествовала в свою комнату. В доме наступила тишина.

— Кузя...— услыхала я тихий голос Анечки. Мне почудилось в нем что-то детское и робкое.— Кузя, на какую стройку мы отсюда поедем?

— Куда весь коллектив поедет, туда и мы,— сонно ответил муж.— Спи, кутька.

— А может, лучше поехать с Ильей Севастьянычем в Москву? Он же предлагал тебе хорошую работу. А, Кузя? Пятнадцать лет со стройки на стройку!

— Ехать надо не с начальником, как бы хорош он ни был, а с коллективом, с которым все годы работал,— спокойно и твердо сказал Кузя.— Поняла? А теперь спи.

Кровать заскрипела, и вдруг я услыхала шаги босых ног.

— Ты куда? — испуганно спросил голос Анечки.

— Отнесу Котенко одеяло на сеновал. На рассвете будет свежо, продрогнет...

Дверь открылась, и хозяин, задрапированный в простыню, как бедуин, прошел на цыпочках через столовую. Я услыхала, как в маленькой комнате заворочалась и громко вздохнула Марта Андреевна.

— Анечка,— спросила она через стенку басом и откашлялась,— куда ж мы все-таки отсюда поедем? Ты не знаешь?

— Куда весь народ поедет, туда и мы. Спите, мама, пожалуйста.

— Поехали бы с Ильей Севастьянычем в Москву,— проговорила старуха сокрушенно — Пожили бы в столице. А то, как уехали из Риги, все мотаемся по степям. Пора осесть где-нибудь.

— Ах, мама, как вы не понимаете! — сказала дочка с досадой.—Старый человек, кажется,— должны соображать. Ехать надо не с начальником, а с коллективом. Ясно? Спите, завтра вам рано вставать.

Наступила тишина. Я хотела дождаться, когда вернется Кузя, но по нечаянности закрыла глаза и тут же уснула.

Проснулась я от негромкого стука в окно.

Подняв край занавески, я увидела на улице высоченного человека, который, присев, заглядывал в комнату. Бритая голова его, освещенная бледным светом зари, блестела. Он поднял руку и снова осторожно стукнул, словно поскребся в окошко. На мускулистой руке я увидела татуировку: змею, кусающую собственный хвост.

— Чего вы хотите? — спросила я шопотом.

Человек растерянно смотрел на меня.

— Извиняюсь! — сказал он.— Я думал, тут Кузьма Федорович спят. А где они?

Я услыхала стук раскрывшегося в спальне окна.

— Ты что, Пилипчук? — спросил свежий, спокойный голос Кузи.

— Кузьма Федорович, куда первую бригаду ставить? — спросил человек, торопливо переходя к другому окну.

Кузьма Федорович помолчал.

— Поставишь на седьмой участок, к Селезневу,— негромко сказал он.

— Куда?! — удивленно переспросил Пилипчук.

Тополя зашумели под ветром, и я не услышала, что ответил Кузя. Потом в неожиданно наступившей тишине он сказал:

— Передай, чтобы за мной сейчас прислали машину. Если шофера еще нет, пусть пригонят попутный самосвал.

Окно захлопнулось. Что-то сонно и жалобно пробормотала Анечка, ей ответил успокаивающий, ласковый басок. В столовую вышел Кузьма Федорович, на плече у него висело мохнатое полотенце. Лицо его после сна было припухлым, но глаза блестели живым и чистым блеском, точно он уже умылся ключевой водой.

Осторожно ступая, Кузя прошел через комнату и распахнул дверь в сад.

И тотчас же молодое солнце обдало его струящимся щедрым золотом первых лучей, из степи потянуло крепкими запахами трав, и тополь стукнул о стекло крутой прохладной веткой.

Новый сорт

Игорь КОБЗЕВ

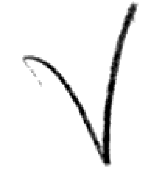
Под ветвями, за столом тесовым
Заседает опытный совет, —
Судьи сорт оценивают новый:
Сладость ягод, аромат и цвет.

Садовод янтарную черешню
Высыпает на газетный лист,
Тихо приговаривает: «Ешьте, —
Этот сорт особенно душист».

С видом деловитым и ученым
Люди молча ягоды едят.
А над ними, точно струны, пчелы
Глухо и завистливо гудят...

Поглядишь — и скажешь: «Не иначе,
Просто, мол, счастливая семья
Собралась позавтракать на даче,
Угощают — лакомьтесь, друзья!»

Нет, они не те, кто любит сласти.
Важный труд — черешню оценить!
Правда, этот труд похож на счастье,
Но ведь он таким и должен быть.

Путешествие по Закарпатью

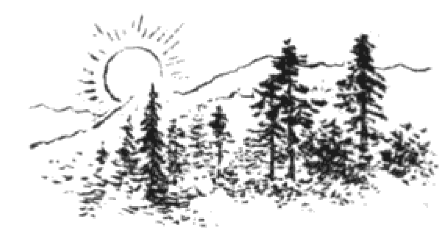
Максим РЫЛЬСКИЙ

Рисунки О. Верейского

1. ИЗ ЛЬВОВА В УЖГОРОД

Карпаты... Мглистая видна
При этом слове старина.
Она лежит лесным туманом,
А новый день встает румяным,
И никнет перед ним она.

Карпаты... Темными лесами
Вы опоясаны. Над вами
Орлы взмывают и парят.
Здесь шел веков железный ряд
Бесповоротными путями.

Карпаты... Здесь, в глуши лесной,
Где ветвью кажутся родной
Рога оленя меж ветвями —
Трофей, ценившийся панами;
Где глухариный ток весной,—

Роняет иглы ель, садится
К ней на вершину голубица,
И, кладов золотых ценней,
Звенит легенда давних дней
О Довбуше и Кобылице.

Поток извечно молодой
С высот стремится. Под водой
Форели стайками резвятся.
И рыбаки тут веселятся,
Сойдясь на краткий отдых свой.

Благословен ты, край зеленый,
Твой воздух, светом напоенный,
Флояры и трембиты[1] звук...
Но сколько вынес тяжких мук
Твой люд, в столетьях угнетенный!

Народ, чей благородный пыл
В поту на пашнях не остыл,
Что нес лишенья и утраты,—
Секли немецкие магнаты,
Мадьярский феодал давил;

Народ, что шляхта запрягала,
Что шляхта быдлом называла,—
В нем сердце горного орла...
Хоть пуля Довбуша взяла,
Но месть и Дзвинку[2] отыскала!

Народ страдал, не уступал,
Права людские добывал
Он с польским тружеником вместе;
Недаром письма — дружбы вести —
Хмельницкий Костке[3] посылал!

Читай: история кровава,
Горька земли окрестной слава...
Но воли ждали, как зари,
И коломыйцы-плугари
И люд рабочий Борислава.

Носилась в воздухе гроза,
И пихты гнулись, как лоза...
Но снова казни усмирений,

[1] Народные инструменты.
[2] Любовница Довбуша, по преданию, изменнически выдала его.
[3] Есть сведения, что Богдан Хмельницкий переписывался с вождем восставших польских крестьян Косткой Наперским с целью совместных действий.

И смех кровавого Бадени,[4]
И Франца-палача слеза![5].

Паны — а что же там с панами! —
Паны с чужими именами
«Своих» не лучше с давних пор...
Встав на меже, кулак топор
Сжимал свирепыми руками.

Шло время... Грянул бойни срок.
Как окровавленный поток,
Война ревела. В полдень хмурый
Пята кровавая Петлюры
Ступила тяжко на порог.

Забыть ли сиротам и вдовам,
Как землю именем христовым
Шептицкий, злобствуя, давил,
Как прав остатки заменил
Усач Пилсудский гнетом новым!!

Но на восток глядел народ,
Где друг родной, где братский род,
Где свет идет с кремлевских башен...
Пора пришла, и был отважен
Освободительный поход!

Заржали кони по-над Збручем,
Мечом возмездья неминучим
Блеснул рабочий человек.
И слились воды горных рек
С потоком Родины могучим.

Но снова жребий стал суров
Франко, Стефаника сынов,
И беды возвратились снова,
Когда след Гитлера тупого
Тебя сквернил, земля отцов.

Вновь на восток смотрели люди
И твердо знали: утро будет!
В надежде знали: Сталин там!
Не даст погибнуть он сынам,
Об их несчастье не забудет!

Народ! Народ стоял, как дуб.
Нефтяник, пахарь, лесоруб,
Пастух с нагорной луговины,—
Все знали, в помыслах едины,
Кто ненавистен им, кто люб!

И людям, непокорным сроду,
В час добрый принесли свободу
Стальная мощь большевика,
Народа братского рука,
Отвага русского народа!

Карпаты... Светлая видна
При этом слове новизна.
Заря весны лучом багровым
Зажглась над Ужгородом, Львовом,
И мы навек семья одна!

2. ВСЕ РЕЧКИ

Все речки к Тиссе льнут на грудь
С высоких круч пускаясь в путь,
Весною мутны и бурливы,
Потом ясны, неторопливы...
Пойми, куда и делась муть!

[4] Королевский наместник в Галиции, при котором происходили так называемые кровавые выборы.
[5] Автрийские монархические круги уверяли, будто бы Франц-Иосиф, подписывая смертные приговоры украинцам, плакал.

И Тисса ласковым приветом
Встречает их весной и летом,
Как мать любимых дочерей.
А солнце — нет его добрей —
Над нею льется щедрым светом.

И в этом благостном краю,
Где силу юную свою
Земля отдать извечно рада
Зеленым лозам винограда,
Терпели рабских пут змею!

Веками в ней копилась злоба;
Вкруг пастуха и хлебороба
Она коварно обвилась
Так, что не радовали глаз
Ни луг, ни поле, ни дуброва.

И непроглядной темнотой,
Как ночь осенняя, густой,
Насилье окружить хотело
Народ, его терзая тело,
Лишить надежды золотой.

С псарями графы да бароны
Топтали гор лесистых склоны,
Охотой тешились в борах;
И навевали людям страх
Казармы, церкви да иконы.

Развеян этот черный дым!
Тысячелетний, молодым
Восстал народ, как бы водою
Умылся сказочной, живою,
И счастье расцвело над ним.

И винодел и пахарь в поле
Панов не поминают боле,
И труд здесь землю веселит,
А замок в Ужгороде спит,
Как мрачный памятник неволи.

Как бы зеленый водопад,
Со взгорий льется виноград.
Без сна заботливое око
Следит за ним. Растет высоко
Советский край — краса Карпат.

Напитком чистым и искристым
Вино в подвале дремлет мглистом,
Как будто солнце в нем само
Златится. Ведь не зря его
Назвали радостно — Лучистым.

Цветы склоняются на тын,
Среди задумчивых долин
Бежит веселая дуброва,
Стоит Дом имени Хрущева
Меж елей, стройных их вершин.

Вот где приволье для поэта!
Как в синем небе много света!
Как ясен в будущее взгляд!
Студенты пчелами гудят
Здесь, в стенах университета[6].

Горды и вдохновенны, тут
Ученые, певцы растут,

[6] Ужгородский университет, открытый после воссоединения Закарпатья с советской Украиной.

Соединив по-братски руки...
Апостол правды и науки
Благословляет их на труд![7].

3. ЛЕСОРУБЫ

Кто слышал, как с высот текла
Река, бурлива и светла,
Запомнит звук ее паденья
Навек, и птиц знакомых пенье,
Запомнит вольный крик орла.

Рассвет в серебряные трубы
Трубит. Проснулись лесорубы.
Они своим Донбасс зовут,
О новых днях они поют,
О днях, когда трудиться любо.

Трудиться любо оттого,
Что для народа своего
Они по речкам лес сплавляют,
В потоки быстрые бросают,
Сперва связав в плоты его.

«Отчизне — больше леса! — ныне
Несется клич по Верховине.—
Он стройкам сталинским пойдет!»
И Котова рекорды бьет
Наш Михайлюк[8] на Раховщине.

То спор друзей! И не поймет
Заокеанский жадный сброд,
Что нас зовет на труд упорный,
Какою силой животворной
Весна советская цветет!

С головорезами в эскорте
Бандит в автомобиле, Хорти,
Сюда не сможет заглянуть,
Не осквернит он светлый путь,—
Там быть ему, где чорт на чорте!

Звучала песнь из тьмы веков:
Брат снимет с брата гнет оков,—
И явью песня эта стала,
Страна Советская собрала
Единой матери сынов.

В бегах венгерские магнаты,
Но улыбаются Карпаты
Тем венграм, что росли в труде,
Тонули в общей злой беде:
Друзья трудиться рядом рады.

Права обрел, идет вперед
Чехословакии народ;

[7] Имеются в виду известные строки из стихотворения Тараса Шевченко — «І день іде, і ніч іде...»
[8] Тракторист Михайлюк (лесоразработки на Раховщине) соревновался с трактористом Карело-Финской ССР Котовым.

И, ласковым теплом согрета,
Волна — то нам слова привета
Шлет Прага, Братислава шлет.

Вошло под небо Украины,
В Союз, как сердца кровь,
единый,
Ты, Закарпатье, и ясней,
Чем эти, ты не знало дней
За твоего житья годины.

Родные запахи травы,
Плывите и струитесь вы
С окрестных гор до улиц
Львова,
До склонов Киева родного,
До звезд сияющих Москвы!

...Там, где шуметь листве
и травам,
Под буком, темным и кудрявым,
Собрались люди разных лет —
Внук стройный
и плечистый дед,—
Наделены высоким правом.

Пусть топоры звенят сильней!
Во имя мирных, светлых дней,
Дней дружбы и соревнованья,
Подписывается воззванье
Стокгольмское в тени ветвей.

Народы, дружной став семьею,
Растут, цветут, как сад весною...
Привет краям, где родились
Шопен, и Сметана, и Лист,
Всем, кто за мир встает стеною!

Народ — земли хозяин всей —
Посадит новый сад на ней
На месте срубленного леса.
Светла грядущего завеса,
Так открывай ее смелей!

Взгляни на горы и долины,
Чью даль
взгляд Сталина орлиный,
Как взгляд отцовский, охватил...
Все, кому дорог труд и мил,
Вставайте дружно
в строй единый!

Взгляд зоркий
устремлен вперед.
Как буйно вся земля цветет!
Какие суждены нам взлеты!
Рука, что знает пыл работы,
Нам благодатный мир несет!

4. ДРУГ

Мы вместе к Тиссе шли.
Вначале,
В дороге встретившись,
молчали.
Потом он начал разговор:
«Родная речь с недавних пор
Свободной стала.
Что мы знали!!

Не стоит вспоминать.
Вкруг школ
Был для холопов частокол.
Чужое слово залетало
В речь нашу, пылью оседало;
Холоп и темен был и гол.

Вот сын мой —
в украинской школе.
Мадьяры тож не в худшей
доле —
У нас есть школа и для них.
Все разум черпают из книг
В соседстве дружеском,
на воле!

Нам всем речь русская мила,
Она чужой и не слыла;
Как жить на свете без нее нам!
Ведь слово правды миллионам
Она несет и принесла.

А это все теперь пошло.
Теперь и город и село
Жить стали радостью одною.
А кто пугает нас войною,
Сломает черное крыло!

Стар, но такое примечаю,
Что в нашем Закарпатском крае
Во сне мы видеть не могли...
Смотри, вон девушки прошли —
Сбирать пошли лист свежий чая!

Комбайнер наш —
племянник мой —
Вернулся из Москвы самой
С наградой высшей, при медали.
Ну как бы люди угадали,
Что будет наш Матвей Герой!!»

Мы закурили. По-над лугом,
Блестя крылами, полукругом
Прошел и скрылся самолет.
Сердечно, словно дружим год,
Мы с новым распрощались
другом.

5. ХЛЕБ И СОЛЬ

Сверкают залы, и какие!
Серебряные, голубые,
Из розового хрусталя...
«То не чертоги ль короля!» —
Ты спросишь, в них войдя
впервые.

«Какого короля!! — в ответ
Смеются.— Королей тут нет!
А залы — не заметил что ли! —
Ведь не из хрусталя — из соли.
Дивится, как малыш, а сед!»

Здесь всё своим давно считают
Те люди, что в трудах дерзают.
Дано им многое свершить.
Их цель — природу покорить,
Что не всегда щедра бывает.

Звенит железо. Шум машин
Не молкнет, как поток с вершин.
Могуч, дробящий скалы ныне
И сад сажающий в пустыне,
Земли родной советской сын!

Предела силе он не знает:
В горах он реки укрощает,
Как табуны лихих коней.
И видишь: заводских огней
Все больше возле рек сияет!

Мы едем дальше. А кругом,
Как бы в безбрежии морском,
Волнами катится пшеница,
И зеленеет кендерица [1],
Веселая под ветерком.

Хмель вьется. Яблони с плодами
Стоят нестройными рядами
Вокруг домов и улиц вдоль...
Воистину и хлеб и соль
Ты, Закарпатье, делишь с нами!

[1] Кукуруза.

6. В КОЛХОЗНОЙ СЕМЬЕ

В том доме, где мы побывали,
Куда любезно приглашали,
Где встретили радушно нас,
Был радостный, счастливый час:
Рожденье сына отмечали.

Еще утомлена, бледна,
Сидела мать. Но и она
Все ж улыбалася порою.
Узнали мы: труда Героя —
И сам хозяин и жена.

За сына чарку поднимает
Отец. На люльку он кивает,
Где крепко спит его дитя,
И говорит гостям, шутя:
«Герой и третий подрастает!»

А дед свой голос подает,
Рассказа кружево плетет,
О днях минувших вспоминая.
И жизнь былая, жизнь иная
В рассказе явственно встает.

«Что вспомнил, дед!
Уж эти деды!
Былые дни, былые беды!»
«Куда ж от памяти уйдешь!
Ее и в новый путь берешь,
Оставить негде, хоть и седы.

Да ведь и к лучшему: она
Бывает каждому нужна,
Чтобы в пути мы не плутали,
Чтобы всегда дорогу знали —
На то она нам и дана.

Вот взять, к примеру,
коллективы.
Не сразу я домыслил, сивый,
Как позабыть: м о е, т в о е...
Знал горькое житье-бытье
И вижу новый день, счастливый.

Стар, бородат. А вот воскрес!
Не золотым дождем с небес,
Нет, а руками золотыми
Красна земля — одними ими.
И слово ж просто: эмтээс!

Вот граф, скажу...»
Тут за столами
Свои запели в лад с гостями,
И не обидевшийся дед
Сам подпевать пустился вслед
За молодыми голосами.

И думалось: стена Карпат
Сильнее крепостных преград
Веками нас разъединяла,
А песням все ж не помешала
Перелетать туда, где брат.

Я эти песни с детства знаю.
Так, видно, край родному краю
В столетьях голос подает.
Ту, что застолица поет,
Я тоже песню вспоминаю!

На склоны гор густая мгла
Покровом ласковым легла.
Как мать, она их укрывала,
От бурь холодных защищала
И от грозы их берегла.

Зажглись огни поры вечерней,
Мелькая в темноте безмерной,
На склонах дремлющих высот.
Друзья, пусть счастье
к вам идет
В заботах мирных,
в дружбе верной!

Перевел с украинского
А. ЧИВИЛИХИН

Через три моря в Баку

Моряки и портовики Баку тепло встретили экипаж большого морского судна «Урал», завершившего плавание из Черного моря в Каспийское.

Экипаж теплохода «Урал» под командованием капитана Р. Беридзе начал плавание через три моря — Черное, Азовское и Каспийское — в Херсонском порту. Здесь для Красноводска моряки приняли груз — несколько полных комплектов портовых перегрузочных механизмов. После короткой стоянки в Одессе судно продолжило рейс. Оставив за кормой черноморские воды, Керченский пролив и Азовское море, «Урал» поднялся вверх по Дону, прошел через Цимлянское море и Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина и вышел на великую русскую реку Волгу. Затем капитан проложил курс на Астрахань.

Теплоход «Урал», пройдя дельту Волги и миновав Астраханский морской рейд, очутился в просторах Каспия. Путь корабля пролегал к берегам Туркмении, в Красноводский порт. Как сообщил в Москву по радио капитан Р. Беридзе, в открытом море «Урал» был застигнут штормом. Временами сила ветра доходила до семи баллов. Моряки хорошо несли вахту. Несмотря на штормовую погоду, переход из Астрахани в Красноводск был завершен на 11 часов раньше срока. Судно ошвартовалось в гавани. Закончив выгрузку доставленных сюда механизмов, теплоход вышел в море, направился в Баку — в свой порт приписки.

Экипаж теплохода «Урал» первым открыл плавание крупных морских судов по новой водной трассе, связавшей теперь пять морей.

Б. ГЕОРГИЕВ

Хирург санитарной авиации

— Сегодня у меня полет,— говорит Викторин Семенович Демин дома.

Но он не летчик, хотя и налетал более трех тысяч часов. Десять лет В. С. Демин работает борт-врачом Свердловской областной станции санитарной авиации. За это время он побывал почти во всех районах области и сделал 3 500 операций.

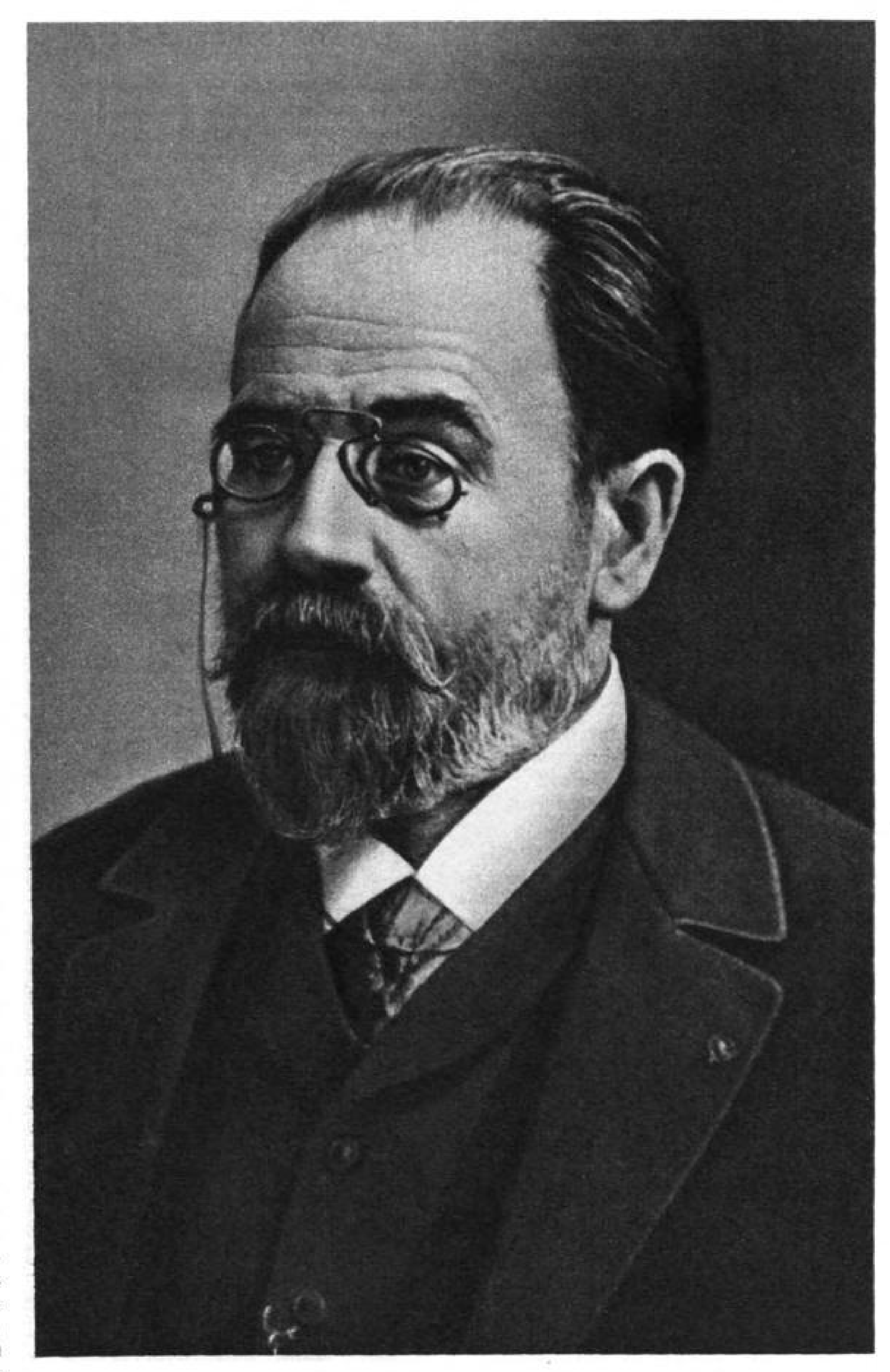
За свой многолетний и безупречный труд врач-хирург награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В Свердловской области сейчас имеются еще две станции санитарной авиации — Серовская и Красноуфимская.

Н. РОЗИНА

Хирург В. С. Демин и пилот Н. А. Паутов перед вылетом в очередной рейс.
Фото Ю. Добронравова

ЗОЛЯ

(К пятидесятилетию со дня смерти)

«Ненависть священна. Она рождается в сердцах сильных и мужественных... Ненавидеть — значит любить». Слова эти Золя написал, когда ему было 26 лет и когда он только вступал на литературное поприще. Они могли бы служить эпиграфом ко всему его творчеству, в котором выразилась глубокая ненависть писателя к буржуазному обществу, ненависть во имя любви к простому человеку, во имя идеалов свободы, справедливости и демократии.

Уже первые произведения Золя (сборник «Сказки Нинон», романы «Исповедь Клода», «Завет умершей», «Марсельские тайны», «Тереза Ракен», «Мадлена Фера», сборники публицистических статей), еще не свободные от романтических влияний, свидетельствуют о страстном интересе писателя к современности, об его искреннем демократизме.

Но подлинным творческим подвигом Золя является его двадцатитомная социальная эпопея «Ругон-Маккары», над которой он работал в течение двадцати пяти лет. Следуя заветам своего великого предшественника Оноре Бальзака, Золя создал произведение, в котором запечатлены быт и нравы французского общества второй половины XIX века, исторические судьбы целой нации. Хотя внешние рамки «Ругон-Маккаров» ограничены во времени годами так называемой Второй империи Наполеона III (1851—1870), Золя распространил свои наблюдения и на значительную часть последующего периода Третьей республики, в пору которой создавалась его эпопея. Таким образом, произведение Золя охватывало целую эпоху в жизни буржуазного общества.

Поль Лафарг в своих воспоминаниях писал, что, по мнению Маркса, «Бальзак был не только бытописателем своего времени, но также творцом тех прообразов-типов, которые при Людовике-Филиппе находились еще в зародышевом состоянии, а достигли развития уже впоследствии при Наполеоне III». Золя продолжал в этом смысле дело Бальзака и сам оказывался творцом прообразов типов, возникавших на почве буржуазных отношений в конце XIX и начале XX века. Ему тем легче было переходить в своих зарисовках и оценках от недавнего прошлого к современности, что выросшая на кровавом подавлении восстания парижских коммунаров буржуазная Третья республика мало чем отличалась по своему духу и по своим делам от ненавистной Золя империи Луи Бонапарта. То была республика, в которой судьбы французского народа вершились руками яростных реакционеров; «республика без республиканцев», по меткому выражению Салтыкова-Щедрина.

Замысел большой социальной эпопеи возник у Золя в 1868 году, и через год он мог уже представить издателю Лакруа первоначальный план своего многотомного произведения. Наиболее существенным в этом плане было стремление художника всесторонне изучить жизнь французского общества. Золя писал: «Изучить всю Вторую империю, начиная от государственного переворота до наших дней. Воплотить в типах современное общество, подлецов и героев. Изобразить, таким образом, целую эпоху в фактах и показать эту эпоху в тысячах подробностей нравов и событий».

Нужно было обладать большим мужеством и гениальной зоркостью писателя-реалиста, чтобы в момент, когда империя Наполеона III казалась еще прочной и сильной, начать подведение итогов ее бесславному существованию. После военной катастрофы под Седаном Золя мог с удовлетворением сказать: «...падение Бонапарта, которое мне нужно было как художнику... дало мне жестокую и необходимую развязку». К этому времени первый роман серии, «Карьера Ругонов», был уже почти полностью напечатан.

Осуществляя свой замысел, Золя пристально изучал окружающую его действительность. Это изучение убеждало его в преступности буржуазного общественного строя, возбуждало в нем все большую ненависть к правящим классам Франции и любовь к трудовому народу. Вместе с тем Золя рос и закалялся как художник-реалист, освобождаясь от усвоенных им в юности ложных теорий, в частности позитивизма. В то время как буржуазная критика хотела в нем видеть прежде всего творца теории «экспериментального романа», главу школы натурализма, Золя настойчиво требовал, чтобы о нем судили как о художнике, создавшем крупные реалистические произведения. «...Я ничего не придумал, даже слово натурализм есть у Монтеня с тем же смыслом, какой мы приписываем ему и теперь. В России его употребляют уже тридцать лет (Золя имеет в виду термин «натуральная школа», который применялся в середине XIX века к произведениям русской реалистической литературы)... у меня тридцать шесть предшественников перед Дидро, и после Дидро я могу насчитать много знаменитых учителей... Теперь нападайте на мои романы, если они вас шокируют. Они отвратительны, гнусны, ужасны: тем хуже для меня! Натурализм тут не при чем... Я пишу то, что нахожу нужным писать».

Чтобы оценить по достоинству огромный вклад, сделанный Золя в сокровищницу реалистической литературы, следует помнить, что ему приходилось творить в пору, когда буржуазная культура клонилась к упадку, когда сотни писателей и художников, приспособляясь ко вкусам буржуазной публики, растрачивали свои силы на создание пустых, безидейных произведений, когда мутная волна декадентской литературы стремилась захлестнуть все живое и значительное в искусстве. Золя защищал традиции Бальзака и великих французских реалистов. Он говорил о создателе «Человеческой комедии»: «Бальзак выше нас всех...» Он написал, продолжал Золя, «ряд самых революционных произведений, в которых на развалинах разлагающегося буржуазного общества демократия почерпнет новые силы и уверенность».

Защищая реалистические принципы в искусстве, Золя разоблачал тех писателей и художников, которые уводили читателя от насущных проблем современности, похвалялись ложной оригинальностью и, всячески кривляясь, искали успеха в формалистических ухищрениях. Золя говорил о своей антипатии к Теофилю Готье — глашатаю теории «искусства для искусства»: «Я вижу у него описание для описания без всякого отношения к человеку». В статье «Отшельник» он заклеймил главу школы символистов Поля Верлена: «В какой безобразный лепет он впадал. Как чувствовалось, что он умер еще до своей действительной смерти». Когда декадентствующая буржуазная молодежь обрушилась на Золя за его статью о Верлене, он зло и остроумно высмеял ее жалкие потуги расправиться с реализмом: «Вы уже впали в мистицизм, в сатанизм, в оккультизм, в религию, питающуюся дьяволом, в любовь, не производящую детей. Народы мрут, когда им наскучила жизнь, когда они бродят в потемках, вопия о смерти, охваченные безумием таинственного». В молодости Золя поддержал художников-импрессионистов. В ту пору они еще были близки к реализму и могли нравиться своим задором и стремлением открыть новые художественные приемы изображения жизни. Но к концу века, когда импрессионизм стал официально признанной школой, когда выставки заполнила бессмысленная мазня декадентов от живописи, Золя писал: «Теперь в салоне только и видишь что пятна: портрет — пятно, человеческие лица — пятна, деревья, дома, моря, материки — все пятна, здесь белое, там черное. У одного художника пять — шесть картин пятно на пятне, все белые, у другого — то же самое, только пятна черные. Черное на черном, белое на белом, вот так оригинальность... Прямо втупик становишься перед этими разноцветными женщинами, фиолетовыми пейзажами и желтыми лошадьми, которых нам теперь преподносят».

Характеристики Золя упадочного буржуазного искусства и поныне не потеряли своего значения, они и сейчас метко разят представителей американизированного буржуазного искусства.

Ублюдочным, худосочным произведениям декадентской литературы Золя противопоставил реалистическое творчество. «Моя слабость, — иронически замечал он, — заключается в том, что меня не клонит к городам, витающим в заоблачных мечтаниях, к призрачному населению, блуждающему в тумане, ко всему тому, что приносится и уносится игрою воображения... Да, мелкие люди, улицы, народ, фабрики и хутора, буржуа, борющиеся за сохранение власти, наемный работник, требующий более справедливого распределения благ, все современное человечество,— вот благородное поприще для моих усилий».

Первоначально Золя предполагал ограничить свою социальную эпопею десятью романами, однако грандиозность замысла потребовала значительного расширения программы. К 1875 году Золя говорит уже о двадцати произведениях, которые должны составить «Ругон-Маккаров». Неуклонно идя к цели, Золя полностью выполнил свой грандиозный план.

Хотя каждый роман серии представляет собой вполне самостоятельное и законченное произведение, судить о Золя-реалисте можно, лишь представив себе весь его замысел в целом. От «Карьеры Ругонов» до «Разгрома», от государственного переворота 1851 года до седанской катастрофы, от нерешительных и разрозненных выступлений рабочих до Парижской Коммуны — таковы рамки эпопеи. Как настоящий эпический поэт, Золя стремится показать читателю целое, возвысить его над частностями, внушить ему предчувствие неизбежной развязки. Уже в первом романе, «Карьера Ругонов», написанном до падения Луи Бонапарта, мы видим, как легкая победа буржуазии омрачена восстаниями рабочих. Золя показывает пути возникновения авантюристической империи, беспринципный блок буржуазии и разных темных личностей.

За «Карьерой Ругонов» последовала группа романов, в которых показано торжество «победителей», набросившихся на доставшуюся им добычу. Сначала перед нами возникает страшная фигура хищника Саккара, спекулирующего на разрушении старых кварталов Парижа («Добыча»), затем мы видим опору монархии — «пухнущую на солнышке» мелкую буржуазию. Хозяева рыбных и колбасных рядов парижского рынка наслаждаются предоставленной им возможностью преуспевать в торговле («Чрево Парижа»). На добычу слетелись все темные силы империи, и перед нами вырисовывается хищник в образе аббата Фожа́, тоже наметивший себе жертву — городок Плассан («Завоевание Плассана»). Объектом алчного дележа оказались депутатские места и министерские посты. Среди столпов общества, поддерживающих империю и заправляющих государственными делами, мы видим политического авантюриста Эжена Ругона («Его превосходительство Эжен Ругон»).

В следующей группе романов Золя показал, как внешне преуспевающая империя подтачивается неразрешимыми социальными противоречиями: роман о рабочих, в котором показана изнанка буржуазного общества — мрачные картины бесправия и безработицы («Западня»); буржуазный Париж, распростершийся у ног куртизанки Нана,— роман об изнанке буржуазной морали («Нана»); роман о чудовищном лицемерии буржуа («Накипь»).

Наконец, следует группа романов, в которых все свидетельствует о приближающейся катастрофе: роман о восставших рабочих («Жерминаль»); роман о крушении крупного финансового предприятия «Универсального банка» («Деньги»). И самые события здесь приобретают все больший масштаб.

Эпопея завершается «Разгромом» — романом о крахе Второй империи, чей государственный строй не выдержал испытания войной.

Золя смело шел навстречу самым острым, самым насущным вопросам современной ему действительности. В его гигантском произведении фигурирует около тысячи двухсот персонажей, представлены все классы буржуазного общества. Действие его романов происходит в Париже, в маленьких провинциальных городках, во французской деревне, в дни мира и в дни войны. Он пытается решить проблемы, которые даже не ставили перед собой лучшие французские романисты. Все это требовало от Золя не только колоссальной наблюдательности и огромных знаний, но и умения проникнуть в тайны социальных законов, управляющих судьбами людей. Золя не был марксистом, и потому многие его выводы ошибочны и наивны, но общая картина нарисованного им буржуазного общества, безусловно, верна и правдива.

Все лучшие произведения Золя одухотворены благородным пафосом ненависти к капитализму. «Говорить о буржуазии — значит бросить французскому обществу самое тяжкое обвинение, которое только можно высказать» (тезисы плана к роману «Накипь»). Как обвинительный приговор звучат те страницы книг Золя, в которых он изображает нравы, поступки, психологию буржуа. Стремление к стяжательству, безграничный эгоизм, попрание всех человеческих святынь во имя осуществления корыстной цели характеризуют мелких и крупных хищников буржуазного общества. Как ни различно положение супругов Кеню — обладателей колбасной лавки — и финансиста Саккара, обитателей буржуазного дома в романе «Накипь» и министра Ругона, все они во власти самых грубых, самых отвратительных инстинктов. Добиваясь наследства, госпожа Коррер из романа «Его превосходительство Эжен Ругон» хладнокровно осуществляет убийство брата; «добропорядочные» супруги Кеню не могут скрыть своей радости, когда полиция арестовывает их родственника республиканца Флорана; на совести Саккара убийство жены; грязными интригами и преступлениями запятнали себя завсегдатаи «желтой» гостиной Ругонов. Беды семьи Лозара в романе «Радость жизни» фатально связаны с наследством, принесенным в их дом Полиной Кеню. В романе «Творчество» художник Фажероль завидует ремеслу своей соседки — куртизанки Ирмы Декко, у которой «не дом, а настоящий собор». «Ничего не поделаешь,— говорит этот представитель буржуазного искусства,— ведь я торгую только картинами».

Как и в «Человеческой комедии» Бальзака, деньги в романах Золя являются тем безликим «героем», той скрытой пружиной буржуазного общества, которая толкает людей на любые гнусные сделки, на любые преступления. Но Золя живет в эпоху, когда капитализм вступает в свою последнюю стадию. Все разительнее становятся социальные контрасты, все отвратительней выглядит буржуазная мораль, самые события приобретают более грандиозный и более трагический характер. В романе «Деньги» Золя изобразил новые формы спекуляции, новые формы капиталистической наживы; он показал, как банки и промышленность, буржуазная политика и буржуазная пресса неразрывно связаны между собой в едином стремлении одурачить народ, ограбить легковерных. После крушения «Универсального банка» тысячи людей, оставшись без средств к существованию, обречены на голод и смерть.

Ярким художественным обобщением политических нравов Второй империи и Третьей республики является роман Золя «Его превосходительство Эжен Ругон». Упрямый в достижении власти, неразборчивый в средствах борьбы с конкурентами, беспринципный в своих политических выступлениях, но всегда ненавидящий народ — таков Эжен Ругон, прямой предшественник французских реакционеров, удерживающихся у власти с помощью американских империалистов.

«...Буржуазия,— писал Золя,— закончила свою роль... она перешла к реакции, чтобы сохранить свою власть и свои богатства... Вся надежда в энергии народа». Народ в творчестве Золя всегда противостоит буржуа. В какие бы отчаянно тяжелые условия ни ставила буржуазия миллионные массы трудящихся, именно здесь, в гуще народа, сохранились настоящие человеческие чувства, бескорыстное участие к человеческому страданию. «Я с мучительным интересом,— писал Золя,— наблюдаю демократию, изнывающую над разрешением страшной проблемы закона труда, народную массу, где столько горя и мужества, жалости и сострадания к человеку, что великий художник может без конца изображать ее, не исчерпав ни сердца своего, ни ума».

В романе «Карьера Ругонов» Золя с восхищением изобразил народ, вставший с оружием в руках на защиту республики. В 1877 году он опубликовал роман «Западня», целиком посвященный жизни народа — парижским ремесленникам и рабочим. В этой суровой книге писатель сказал правду о нечеловеческих условиях существования социальных низов. Как справедливо писал Барбюс, книга Золя показала «дуракам и лицемерам своего времени низы такими, каковы они есть, а не такими, какими привыкли их воображать себе невежество, глупость или сознание этих глупцов и лицемеров». Роман Золя явился подлинно новаторским произведением, крупным вкладом в реалистическую литературу XIX века. Но особенно значителен второй его роман о рабочих, «Жерминаль». Золя придавал большое значение этому своему произведению. Он писал: «Роман — возмущение рабочих. Обществу нанесен удар, от которого оно трещит; словом, борьба труда и капитала. В этом — все значение книги; она предсказывает будущее, выдвигает вопрос, который станет наиболее важным в XX веке».

Изобразив борьбу французских шахтеров против своих угнетателей, Золя впервые в истории западной литературы сказал правду о пролетариате, о силе солидарности рабочего класса.

Золя закончил работу над «Ругон-Маккарами» в 1893 году. Свой грандиозный замысел он осуществлял в условиях постоянных нападок на него со стороны буржуазной критики, и только исключительное мужество и упорство дали ему возможность выстоять в этой борьбе. С чувством величайшего достоинства и веры в правоту своего дела отвечал Золя многочисленным врагам: «Никогда не читал я ни одной из этих желчных и злобных статей по поводу какого-либо моего произведения без того, чтобы не проникнуться глубоким чувством сострадания к их бедняге-автору. Вот, думал я, еще один человек, желающий лежать подлецом под каменной плитой, в то время, когда мы уже оба будем в могиле, а я буду безмятежно спать, в своей, уверенный в том, что я совершил свой долг как честный труженик».

В тяжелые для Золя годы борьбы и труда к нему на помощь пришли русские писатели. И. С. Тургенев помог автору «Ругон-Маккаров» печататься в русском журнале «Вестник Европы». Предполагалось, но не осуществилось участие Золя в журнале «Отечественные записки». Передовой русский читатель проявлял неизменный интерес к творчеству крупнейшего французского писателя. Критикуя Золя за натуралистические излишества, за отдельные срывы, передовая общественная мысль России высоко ценила творчество социального романиста. Выдающийся украинский писатель Иван Франко писал в те годы: «Не случайно, что Золя, еще недавно совсем не признанный на родине, да и сейчас заслоненный такими писателями, как Дюма-сын, нашел восторженную критику, невиданную популярность и симпатию в России, где после критики Белинского и Добролюбова, Писарева — наша публика, больше чем французы, дозрела до той пищи, которую подает Золя».

Золя всегда живо интересовался Россией, ее историей, ее литературой. Под влиянием романа Чернышевского «Что делать?» создавался роман «Дамское счастье». Образ Суварина в романе «Жерминаль» возник в результате бесед Золя с русскими революционерами. Глубоко симпатизируя великому русскому народу, Золя с чувством большой признательности благодарил его за бескорыстную помощь и внимание: «Да будет мне позволено публично выразить всю мою благодарность великой нации, которая согласилась приютить и усыновить меня в момент, когда ни одна газета в Париже не желала дать место моим писаниям, не прощая мне моей литературной борьбы.

Россия в один год страшных для меня часов безысходности вернула мне уверенность и силы, ибо дала мне трибуну и самого просвещенного, страстного читателя в мире.

Так в области критики она сделала меня тем, чем я являюсь теперь. Я не могу говорить об этом без волнения и сохраняю к ней вечную благодарность».

В последние десять лет своей жизни Золя создает серии романов «Три города» («Лурд», «Рим», «Париж») и «Четыре евангелия» («Плодовитость», «Труд», «Истина», «Справедливость» — последний роман остался неоконченным). Уступая по своим художественным достоинствам «Ругон-Маккарам», новые произведения Золя свидетельствовали, тем не менее, о дальнейшем усилении интереса писателя к насущным вопросам общественной жизни. Особенно значительны те сцены романов серии «Три города», в которых Золя разоблачает католическую реакцию, интриги, плетущиеся папской курией в Ватикане. Во времена Золя, как и сейчас, Ватикан поддерживал все реакционные элементы в Европе, спекулируя на темноте и невежестве масс. Своими романами «Три города» Золя бросал вызов реакционерам и мракобесам, пытающимся задержать прогресс человечества. На эти выступления Золя Ватикан ответил злобной клеветой на писателя и включил роман «Лурд» в список запрещенных книг.

В 1898 году имя Золя прозвучало на весь мир как имя поборника истины и справедливости. В письме президенту Французской республики Феликсу Фору он обвинял французскую военщину, французский суд в тяжелых преступлениях. Смысл выступления Золя был значительно шире, чем только защита капитана французской армии Дрейфуса, несправедливо осужденного военным судом. Золя разоблачил стоящих у власти махровых реакционеров и нанес сокрушительный удар врагам демократии. «Я совершаю сейчас революционный акт, направленный к тому, чтобы приблизить торжество правды и справедливости»,— писал Золя в письме к президенту. Мужественный поступок Золя вдохновлял и продолжает вдохновлять всех честных, прогрессивных интеллигентов капиталистического Запада, боровшихся и борющихся против сил реакции.

Французский народ и все передовое человечество чтут в лице Золя пламенного патриота, замечательного писателя-реалиста, страстного поборника мира и социальной справедливости.

Защищая права человека, попранные буржуазией, отстаивая дело мира между народами, Золя писал более полувека тому назад: «Нужны законы, которые не допускали бы избиения людей, которые обеспечивали бы их дневное пропитание, которые соединили бы их широкими узами всемирного союза для защиты от самих себя, дабы на земле, наконец, воцарился мир».

«Эта великая тень должна находиться не позади нас, а перед нами, ее следует повернуть не к XIX веку, а к XX и будущим векам»,— этими словами Анри Барбюс чудесно выразил отношение всего передового человечества к славному французскому писателю Эмилю Золя.

А. ПУЗИКОВ

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

«Волжские рассказы»

Так называется новая, недавно вышедшая в Саратове книга Григория Боровикова. В книге показано немало хороших людей. Это настоящие волгари, судьба которых неразрывно связана с Волгой. Их жизненные пути широки, как и сама великая река, горизонты светлы, как бывает светел волжский воздух в летние ранние утра...

Волга меняется. Меняется жизнь на Волге. И старый бакенщик едет на курсы, потому что преображенной гигантскими сооружениями реке нужны будут люди с большими знаниями («На отдыхе»). Надолго запомнится и старый Евстигней Павлович, преследующий браконьера («Августовской ночью»). Хорошо переданы новые люди и их дела в рассказе «В родных местах».

Удаются Григорию Боровикову волжские пейзажи. Он хорошо видит и точно рисует их. Вот два примера: «Над Волгой, над стеклянным блеском воды дымчатое марево, сквозь которое смутно вырисовываются горы правобережья с извилинами оврагов. Издалека горы кажутся голубыми, а овраги сиреневыми» («На песчаной косе»). «Дальше, по низине, желтела остропахучая купальница, а луговина у самого озера так густо заросла незабудками, что казалось, это голубая роса мелкими каплями окропила зеленую траву» («Раздумье»).

Автор рассказов умеет зорко подметить живописные детали: «Сухие, запекшиеся губы обхватили мокрый край ковша, а вода дрожала вся в солнечных зайчиках, и зайчики перескакивали из ковша на лоб, на темные брови, широкие и густые у переносья» («Черемшанские вечера»).

Г. Боровиков не строит свои рассказы на острых сюжетах. Однако это не значит, что можно пренебрегать формой. Общим и главным недостатком большинства рассказов сборника является рыхлость. Рассказ должен быть целенаправленным. А вот в рассказе «Черемшанские вечера» на протяжении полусотни страниц автор рассказывает о многих людях, перебрасывает нас с одного места действия на другое, причем появление нового героя или изображение еще одного события далеко не всегда можно признать художественно мотивированным.

Г. Боровикову следует также более продуманно выписывать характеры своих персонажей. Вот что он говорит о положительном, казалось бы, герое — Иване Петровиче из рассказа «В межень»: «Если случалось какое недоразумение, то Иван Петрович улаживал все с необычайной легкостью и таким образом, что все были довольны. Затевалась игра в домино — Иван Петрович принимал в ней участие с юношеским пылом, громче всех стучал костяшками, хохотал или сердился, смотря по результатам игры. В самодеятельных концертах он исполнял обязанности конферансье и читал главы из «Василия Теркина». Удивительное дело! Несмотря на современные атрибуты (концерт самодеятельности, «Василий Теркин»), в этом отрывке герой напоминает нам... Павла Ивановича Чичикова с его умением быть «всем приятным», а точнее — угодливым. Виной этому впечатлению — бездумное, может быть, даже неосознанное, копирование чужой речевой манеры.

Хочется надеяться, что Григорий Боровиков задумается над недостатками своего творчества и серьезно возьмется за их исправление.

Георгий ГУЛИА

Григорий Боровиков. Волжские рассказы. 179 стр. Саратовский облгосиздат. 1952.

Тяжелой дорогой

В трудной и сложной обстановке живет и борется за свои права народ Японии. И всякое свидетельство, правдивый рассказ о Японии вызывают пристальное внимание советского читателя.

Роман «Тихие горы» японского писателя-коммуниста Сунао Токунага во многом может удовлетворить этот интерес. С. Токунага пишет на темы, органически ему близкие, рассказывая о людях — будь то рабочие или крестьяне,— как о своих боевых товарищах, с которыми он прошел бок о бок долгий и нелегкий путь борца-коммуниста.

Коммунистическая партия Японии недавно отмечала свое тридцатилетие. Из 30 лет 23 года (до 1945 г.) нелегальных. Во время второй мировой войны в Японии были уничтожены все рабочие организации. Американская оккупация установила колониальный режим в Японии. В начале 1947 года коммунистическая партия насчитывала всего лишь 30 тысяч членов, а к концу 1949 года в рядах партии состояло уже более 200 тысяч рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции.

Тихие горы — это провинциальный район Японии, где расположен эвакуированный завод одного из электроконцернов. Здесь, в этом глухом уголке, идет та же жизнь, что и во всей стране. Может быть, несколько медленнее развертываются события, «с опозданием» против крупных промышленных центров разрешаются те или иные насущные вопросы, но от этого они не менее остры.

Август 1945 года. Голод, разруха, мертвые заводы... С. Токунага скупо, сдержанно — на первый взгляд, как бы сухо — рассказывает о полупустых деревнях, где на арендованных клочках земли копошатся старики и женщины, о разрушенных заводах без рабочих, о притаившихся помещиках, выжидающих результатов капитуляции, о японских земгусарах — завтрашних холуях оккупантов, о делах и людях двух непримиримых лагерей — трудового народа и эксплуататоров.

Автор неторопливо знакомит читателя со своими героями, группой рабочих и служащих завода «Токио-Электро». Среди них и старые борцы за освобождение рабочего класса и люди, которые еще только ищут верный путь; молодые работницы, связанные чисто феодальными пережитками не только в быту, но во всем своем отношении к жизни, к работе, к людям,— все они в борьбе за кусок хлеба, за право быть сытыми приходят к пониманию своих человеческих прав. И, осознав себя не как подъяремный скот феодала, а как рабочий класс, объединяются в профсоюзную организацию, сколачивают комсомольскую группу, закономерно вступают в ряды коммунистической партии. Каждый шаг на этом пути завоевывается с боем.

Рабочий парень Фурукава Дзиро, ушедший на войну почти подростком и вернувшийся оттуда измученным, изломанным морально и физически, начинает понемногу, еще почти ощупью разбираться в соотношении сил и становится на путь борьбы за свои права. Два года он провел на Филиппинах, по существу, как каторжник, а не как солдат; мать Фурукавы погибла при бомбежке. Завод, товарищи — вот единственное место, где он не чужой. Но быть просто рядом, отдышаться, отогреться — это еще не значит жить. Фурукава, измученный и обездоленный, но горячий и активный по натуре человек, ожесточенно защищает обрывки той идеологии, которую ему вколачивали в армии. Святость императора — для него аксиома. Фурукава молод. Товарищи по заводу жалеют его, осторожно направляют на верный путь. Он не пьяница, но в армии привык пить. Он не развратник, но на войне потерял образ и подобие человеческое. Способный парень, Фурукава хватается за книги — это учебники по математике. Однако математика не выводит Фурукаву из тупика. Очень трудно начать жить сызнова, и особенно трудно, когда не знаешь, в чем причина твоей гибели. Жизнь Фурукавы — жизнь рядового рабочего Японии — не оставляет ему времени для бесплодных рассуждений: надо или погибать или драться за свои права. И когда Фурукава логикой событий вовлекается в активную борьбу, каждый его шаг, удача или неудача заставляют глубоко волноваться, сочувствовать ему потому, что здесь решается вопрос жизни и смерти человека и даже больше — класса, судьбы страны.

Фурукава — уже активный борец рабочего движения. Но вот как-то он покупает номер газеты «Акахата», органа японской компартии, где видит карикатуру на императора Хирохито. Связь между войной и капиталистами он уже постиг, но император... Фурукава поражен в самое сердце. Как решит для себя Фурукава Дзиро этот вопрос, как поймет он, что такое император? Нелегко, не сразу, но решает: «...император — он главарь всей этой офицерской шайки!»

Помещик, директор завода, ряд его пособников очерчены в романе хотя и верно, но несколько эскизно. В центре внимания автора рабочие завода. И здесь он умеет ярко, живо, а главное, жизненно убедительно рисовать психологические портреты людей, наделять каждого своей собственной индивидуальностью, манерой вести себя, относиться к событиям и действовать.

Вот к таким людям, как герои книги С. Токунага, которым еще предстоит трудный путь в борьбе за демократическую Японию, и обращался товарищ Сталин в своем новогоднем послании, желая им «...оживления и подъема экономической жизни страны, расцвета национальной культуры, науки, искусства и успеха в борьбе за сохранение мира».

В. СИДОРОВА

С. Токунага. Тихие горы. Роман. 343 стр. Перевод с японского И. Львовой. Издательство иностранной литературы. М. 1952.

А. И. Стрелковский. КРЕСТЬЯНКА С ОВОЩАМИ.

П. П. Соколов (1821—1899). РОДИНЫ В ПОЛЕ.

В СТАРОЙ РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

«Крестьянка с овощами» — правдивое изображение молодой девушки русской деревни — принадлежит кисти Алексея Ивановича Стрелковского, известного акварелиста XIX века. А. И. Стрелковский занимался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В 1858 году он получил звание академика портретной акварельной живописи. На соискание этого звания было представлено им шесть работ, в том числе отличный автопортрет. Из произведений А. И. Стрелковского в свое время пользовались популярностью «Сельская школа», «Отдых после сенокоса», «Рыболов» — живые бытовые сцены. Художник мастерски владел акварельной техникой, и в этом смысле изучение его наследства представляет несомненный интерес.

Петр Петрович Соколов много странствовал по России. Он внимательно изучал быт русской деревни, русской провинции, что позволило ему создать свой бессмертный шедевр — иллюстрации к гоголевским «Мертвым душам» — и навеяло много самостоятельных жанровых произведений, в числе которых и публикуемая нами акварель «Родины в поле». Эта работа как бы перекликается с некрасовскими стихами:

«...Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...»

Некрасов был любимым поэтом художника-демократа Петра Соколова. Среди акварелей Соколова много работ на некрасовские темы, некоторые из них получили одобрение самого поэта.

ТВОРЧЕСТВО ВРАЧА

Костыли не нужны! В. Дрозденко и старшая сестра хирургического отделения А. Г. Погромская.

В истории болезни осмотрщика вагонов К. Н. Соловьева приведены лаконичные сведения о диагнозе, операции и дальнейшем состоянии. Язык врача скуп. Но за немногословной медицинской записью встает картина борьбы за человеческую жизнь. И эта картина поистине величественна!

Соловьев попал в Харьковскую железнодорожную психоневрологическую больницу почти в безнадежном состоянии. Диагноз, поставленный врачами, звучал как приговор: опухоль мозга. У Соловьева отнялись левая рука и нога, гасло зрение. Сумеречным казался даже яркий, солнечный день. Реальный мир, мир ясных и простых вещей, все дальше отходил от этого человека, бывшего черноморского матроса.

Врачи всех специальностей — глазники, рентгенологи, терапевты — по изменениям в организме Соловьева старались определить, какие участки его головного мозга подавлены опухолью. К предстоящей операции надо было четко наметить ее границы.

С первых же дней возле кровати Соловьева появилась Н. Д. Лукьянова, ведущий хирург. Больной вскоре научился ее узнавать по спокойному, негромкому голосу и легкому прикосновению руки. После осмотра, присев рядом, Лукьянова подолгу рассказывала, что ожидает его в операционной комнате, и всячески успокаивала.

Постепенно уверенность врача в благополучном исходе лечения передалась и ему. Терпеливый труд сестер и санитарок, беседы врача, даже сонную, успокаивающую тишину больничной палаты — все, что на деловитом медицинском языке обозначено двумя словами: «охранительный режим»,— Соловьев ощущал как заботу о себе всего персонала хирургического отделения. Он не знал только одного: в борьбу за его жизнь вовлечены и другие отделения и лаборатории больницы.

Самое замечательное в сложнейшей операции, которую провела Лукьянова, было то, что она прошла безболезненно и даже почти бескровно: при одном лишь прикосновении хирургического инструмента — двуполярных электродов — закрылись кровеносные сосуды.

Этот новый хирургический инструмент изобретен тут же, в больнице, заведующим биофизической лабораторией, врачом-физиотерапевтом С. М. Шамраевским. Он поставил своей целью создать такие инструменты, которые можно было бы применять для самых сложных операций в головном мозге.

Широко известный в медицине однополярный метод хирургии, при котором электрический ток проходит через все тело больного, не подходил для мозговых операций: он мог привести к серьезным ожогам. В инструменте Шамраевского противоположные электроды расположены рядом. На вид это обыкновенный хирургический нож; только лезвие его состоит из небольших острых пластинок — электродов, между которыми проходит ток, распространяясь не по всему телу, а лишь на протяжении надреза.

И когда в тишине и сонном забытье миновал тяжелый послеоперационный период, Соловьев почувствовал, что у него действует левая рука. А еще через некоторое время к нему зашла Н. Д. Лукьянова. Он впервые отчетливо разглядел врача. К нему вернулось зрение!

И вот последняя отметка в истории болезни: «Назначается на выписку».

Человек возвращается к жизни, к труду и радости. Он уносит с собой благодарственное воспоминание о скромных советских людях в белых халатах, соединивших свои усилия, чтобы вырвать его из лап слепоты, инвалидности, смерти. Главное, что характерно в работе врачей-новаторов, можно определить одним словом: творчество.

Нередко врача из хирургического, терапевтического отделений можно встретить в физической, химической или физиологической лаборатории. Проблема, возникшая при лечении, немедленно подхватывается лабораторией, разрабатывается кропотливо и тщательно и возвращается в клиническое отделение в виде нового медикамента, аппарата или лечебной методики. Так возникли электроды Шамраевского — их идею подсказала практика хирургического отделения. Так возникли электрод-пояс, с помощью которого можно проследить работу сердечной мышцы, и другие аппараты, позволяющие быстро и точно устанавливать диагнозы многих заболеваний.

...Основа научной работы — эксперимент. Можно производить опыты над металлом, над почвой, над животными. Но никому не позволено экспериментировать над человеком, подвергать его жизнь опасности. Поэтому деятельность медицинских учреждений как бы разделилась. Научная работа всегда была достоянием исследовательских институтов, а лечение — уделом больниц и поликлиник. Требовалось довольно продолжительное время, чтобы научное открытие дошло до постели больного. А времени у практического врача мало. Перед ним больной, страдающий человек. Нередко болезнь его сложна, а не всегда наука имеет достаточно эффективное средство борьбы.

Гениальный физиолог И. П. Павлов предложил сблизить лабораторию и клинику, поднять практическую больницу до уровня научно-исследовательского института, значительно сократить расстояние, которое проходит новое лечебное средство от лаборатории до больного. Не ждать научных открытий, учил И. П. Павлов, а искать их, находить в повседневной лечебной работе. Врачи Харьковской больницы пошли именно по такому пути.

В акушерском отделении создан психопрофилактический метод обезболивания родов. В рентгенотерапевтическом отделении врачи М. Г. Доценко и Н. А. Глазко применяют новый способ лечения тяжелого нервно-сосудистого заболевания. Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности человека стало руководящим началом советской медицины. Основное в ней — великая любовь к человеку.

В отделении лечебной физкультуры два месяца находилась Валя Дрозденко, работница станции Помощная Одесской железной дороги. Глядя на ее веселое, румяное лицо, не верилось, что долгих два года на нем не появлялась улыбка, а между тем это было именно так.

Валя стала жертвой несчастного случая на улице: ее сшиб трамвай. Девушка перенесла несколько месяцев нестерпимой боли и два года совсем не могла двигаться. У Вали был сломан позвоночник, наступил так называемый «вялый паралич» нижних конечностей.

Дрозденко лечили долго, но неудачно. У девушки все меньше оставалось надежды на выздоровление.

Убедившись, что все известные методы лечения не дают результата, врачи кабинета лечебной физкультуры М. Н. Бржезинская и П. Н. Гершкович предложили смелый, принципиально новый метод, основанный на гипнотическом внушении.

Надо сказать, что гипноз долгое время находился в руках шарлатанов, окруживших его туманом таинственности и идеалистической чепухи. И. П. Павлов доказал, что гипноз, как естественное явление, в руках врача может и должен стать могучим лечебным средством.

Этим и воспользовались врачи-физкультурники. Они понимали, что в организме Вали Дрозденко в результате травмы позвоночника была прервана часть нервных путей, соединявших нижние конечности с головным мозгом. Клеткам головного мозга, которые руководили движениями ног, стало нечем руководить. Посылаемые ими импульсы не доходили до цели. Постепенно клетки затормозились, утратили свою двигательную функцию, в них образовались так называемые застойные очаги.

Однако часть нервных путей все же сохранилась. И врачи решили заставить их восполнить деятельность поврежденных нервов. С помощью гипнотического внушения врачи снова возбудили заторможенные центры в коре головного мозга, и она начала посылать двигательные импульсы обходным путем. Гипноз сочетался с постоянными физическими упражнениями, чтобы всю нервную силу больного устремить на восстановление деятельности пораженных конечностей.

Прежде чем применить эту методику на практике, врачи тщательно разработали ее в физиологической лаборатории. Затем начались занятия.

Два месяца продолжались тренировки. И вот Валя уходит из больницы. Уходит сама, без посторонней помощи.

Благодетельная тишина царит в отделениях. Больничные лаборатории похожи на лаборатории научно-исследовательского института. Кинозал, спортивная площадка и небольшой сад с веселым фонтаном и клумбами пестрых цветов напоминают санаторий.

Такова эта больница — больница нового, павловского типа, где соединены все отрасли медицины, где большая наука стоит у постели больного человека, как надежный страж его здоровья и жизни.

Дм. ПОЛЯНОВСКИЙ

г. Харьков.

После операции. Хирург Н. Д. Лукьянова у постели больного К. Н. Соловьева.

Молодые ваятели

М. Г. МАНИЗЕР,
вице-президент Академии художеств СССР

В начале 1918 года В. И. Лениным и И. В. Сталиным был выдвинут план монументальной пропаганды. Владимир Ильич вызвал к себе наркома просвещения, чтобы предложить меры, могущие двинуть вперед искусство как агитационное средство. В. И. Ленин подчеркивал огромное воспитательное значение искусства. Было намечено взяться за украшение площадей Москвы, Ленинграда и других городов статуями и памятниками, изображающими виднейших революционеров.

14 апреля 1918 года был опубликован подписанный В. И. Лениным и И. В. Сталиным декрет Совнаркома о снятии с площадей и улиц памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и организации широкого конкурса на проекты памятников Великой Октябрьской социалистической революции. Этим историческим декретом, наметившим конкретные мероприятия, началось осуществление плана монументальной пропаганды.

Скульптор в Советской стране был призван стать в ряды участников строительства социализма. Статуи, монументы, архитектурно-скульптурные ансамбли воспитывали и воспитывают у молодежи чувство патриотизма, законную гордость за великие дела великих людей.

С каждым годом растет у нас роль и значение монументальной скульптуры — существеннейшей части ленинско-сталинского плана монументальной пропаганды. Огромный размах градостроительства, не самостийного, а продуманного и планового, влечет за собою создание целых ансамблей архитектурных сооружений. Заранее планируются площади, органически увязанные с архитектурой. На этих площадях устанавливаются монументы.

Новые каналы, величественные гидроэлектростанции — первенцы коммунизма — немыслимы без архитектурно-скульптурного оформления, помогающего выражению идейной задачи грандиозного строительства — одного из великих, героических дел советского народа.

Сама жизнь поэтому требует постоянного расширения круга ваятелей-монументалистов. С каждым годом входят в их ряды новые, молодые силы. За последнее время выдвинулась группа талантливых молодых скульпторов: А. Кибальников, В. Соколов, Л. Кербель, В. Цигаль, Ф. Абдурахманов и другие. На последней всесоюзной выставке удачно дебютировали украинцы, и среди них П. Мовчун, Н. Рябинин, В. Сколоздра и другие.

Но этого крайне мало. Значительно больше внимания следует отдать выращиванию скульпторов в стенах наших художественных институтов; скульптурные факультеты до сих пор привлекали много меньше молодежи, чем живописные.

Нынешний выпуск скульпторов, сравнительно большой и интересный, заслуженно привлек внимание общественности. В залах Академии художеств СССР, где представлены лучшие работы дипломантов художественных вузов Москвы, Ленинграда, Харькова, Тбилиси, Еревана, Риги, Таллина и Вильнюса, радуют многие произведения.

Старейшая художественная школа страны — Ленинградский институт имени Репина представлен несколькими значительными произведениями. Выполненные в форме станковой скульптуры, то есть в размерах, могущих рассматриваться в музейных условиях на близком расстоянии, произведения молодых ленинградцев говорят об их отличной профессиональной подготовленности, овладении методом социалистического реализма, умении создавать глубокие психологические образы.

«И. В. Сталин и маршал А. М. Василевский» — так называется композиция Б. Едунова. Иосиф Виссарионович изображен в годы Великой Отечественной войны в момент разработки стратегического плана. Держа в руках карту, товарищ Сталин сидит в кресле. Лицо гениального полководца сосредоточено, полно мысли. Маршал Василевский стоит рядом. Автору скульптуры удалось передать в облике маршала уверенность в близости победы, страстное ожидание сталинского решающего слова. Двухфигурная композиция удачно скомпонована, выполнена в хорошей реалистической манере.

Б. Едунов — ученик старейшего ленинградского скульптора В. В. Лишева. У Лишева за-

Г. Бадалян. КОРЕЯНКА С ДЕВОЧКОЙ.

Э. Танилоо. БАСКЕТБОЛИСТКА.

А. Колодин. В. Г. БЕЛИНСКИЙ.

И. Рукавишников. Проект памятника матросам броненосца «Потемкин».

нимался и А. Портянко. Группа «В. И. Ленин, И. В. Сталин и Я. М. Свердлов за разработкой плана наступления на фронте гражданской войны» выполнена дипломантом А. Портянко убедительно, с большим тактом. Автору удалось передать напряженность исторического момента; скульптура создает у зрителя ощущение значительности события.

Из других произведений ленинградцев следует отметить фигуры Белинского, выполненную А. Колодиным[1], и «Школьницы» М. Меньшикова.

Несколько скромнее выступают на выставке москвичи. Нельзя не сказать, кстати, об отсутствии приспособленных мастерских у учащихся скульптурного факультета Института имени Сурикова. Лишь две работы из представленных москвичами могут встать в ряд с произведениями, названными ранее. Это проект памятника восставшим в 1905 году матросам броненосца «Потемкин», выполненный учеником Н. В. Томского И. Рукавишниковым.

Автор проделал большую подготовительную работу, выезжал в Одессу, знакомился с историческими материалами. В статуе матроса Рукавишников воплотил героический пафос первой русской революции. Статуя романтична. Весь облик матроса волевой, жесты его выразительны, хотя, пожалуй, несколько велика по размерам поднятая вверх его правая рука. Вторая работа — это фигура великого русского ученого Д. И. Менделеева работы дипломанта С. Круглова. Интересно и выразительно задуманная, она проигрывает от недоработанности и некоторой грубости лепки.

Истинное удовлетворение вызывает знакомство с произведениями выпускников Ереванского института, руководимого членом-корреспондентом Академии художеств СССР А. М. Саркисяном.

Проект памятника Суворову работы ереванского дипломанта Р. Екмаляна представляет собой фигуру всадника на лошади. В позе Суворова, в выражении его лица чувствуется напряжение боя. О том, каким видит автор облик Суворова, можно судить по отдельно экспонированному бюсту: он убедителен.

Сложную и интересную со стороны пластики задачу поставил перед собой С. Багдасарян, вылепивший фигуру негра, подымающегося на борьбу с угнетателями. Обнаженное тело борца за свободу вылеплено с большим знанием анатомии, с умением передать форму, ощутить ее красоту. Фигура темпераментна и динамична. Нельзя не упрекнуть, однако, автора в пренебрежении исторической конкретностью: его негр мало современен.

Отличную двухфигурную композицию «Кореянка с девочкой» показал Г. Бадалян. Лицо кореянки согрето внутренним светом, в нем много мужества, силы и, главное, веры в победу.

Работы ереванцев убеждают в том, что скульптурное искусство Армении стоит на правильном пути. Это путь создания глубоко идейных произведений, выполняемых в традициях подлинного реализма.

Много слабее оказались работы молодых грузинских ваятелей, еще не изживших в полной мере формалистические и натуралистические влияния. Скульпторы слабо владеют формой, их произведения не создают впечатления законченных. Духовное богатство человека в этих изваяниях зачастую подменяется внешней аффектацией.

М. Кипиани, выполнивший статую ученого-ботаника, всемерно стремился работать реалистически, но это ему, к сожалению, не удалось. Не имея достаточной подготовки, он вместо реалистического, то есть глубоко жизненного, произведения, создал мертвую, статичную фигуру. Совершенно неудовлетворителен и «Молодой конструктор» — скульптура Л. Попхадзе. Это, увы, традиционное изображение пионера, какие мы встречаем в крымских парках и которые конфетной красивостью портят южный пейзаж. Глядя на работы молодых ваятелей, нельзя не задуматься об их руководителях, о самом методе воспитания молодежи в грузинской художественной школе.

О серьезных сдвигах в искусстве Прибалтики говорят работы, прибывшие из Эстонии. Э. Бергман в «Слаломистке» показал умение правдиво вылепить фигуру спортсменки. Однако он взял слишком большой размер, и это увеличение оказалось неоправданным. Выбор момента неудачен: всматриваешься, и начинает казаться, что девушка падает, вместо того, чтобы стремительно нестись вниз.

Ваятель должен и может передавать резкое движение, но надо выбирать наиболее характерный момент. В этом смысле хорошим образцом может служить работа Э. Танилоо из города Тарту «Баскетболистка». Здесь спортсменка также дана в движении, в момент начала броска. Лицо ее живое, выразительное. Отлично вылеплено тело. Главным для художника был образ, и поэтому наградой ему была удача.

Несколько стандартно решена, но в целом все-таки выразительна группа молодых геодезистов работы Ю. Паберита. Приятно видеть, что эстонские ваятели ищут и находят в окружающей действительности интересные темы.

В кратком очерке не перечислишь всего ценного, но и названные лучшие произведения свидетельствуют о рождении нового поколения советских художников, вооруженных глубоко идейным, зрелым, реалистическим мастерством.

Пожелаем им плодотворной работы!

Р. Екмалян. Проект памятника генералиссимусу Суворову.

[1] Эта скульптура не попала на выставку из-за незавершенной формовки.

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

Фото Я. Берлинера и И. Фетисова

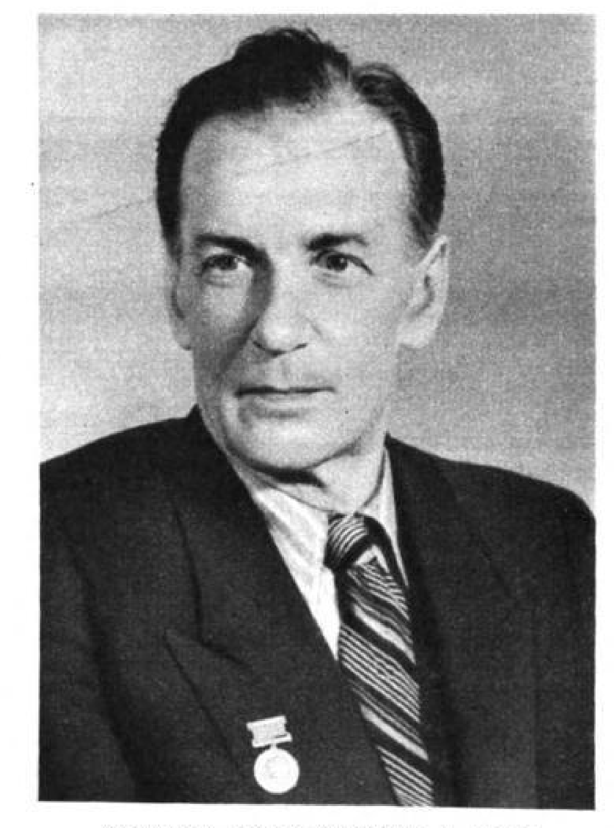
Осенью 1946 года в садах под городом Мичуринском среди многочисленных экскурсантов появился среднего роста мужчина лет пятидесяти. Он ходил среди деревьев и кустов внимательный, сосредоточенный. Ему объясняли, как производятся искусственное опыление, подрезка больных ветвей деревьев, прививка яблони. Он и сам брался за пинцет для опыления и садовый нож.

В облике приезжего было что-то от сельского жителя — учителя или агронома, а фигурой и сухощавым лицом он напоминал того, чье имя носил город. Это сразу же подметили старые работники мичуринских питомников. А вскоре стало известно, что приезжий не педагог и не практик сельского хозяйства, а артист Ярославского драматического театра имени Волкова Григорий Акинфович Белов, который готовился воплотить в кино образ великого преобразователя природы.

«Каждому художнику,— вспоминает Белов о своей работе над ролью Мичурина,— знакомо одно и то же чувство: как будто уже ясно, что тебе нужно сыграть, все продумано и обговорено, и все же чего-то не хватает, чтобы схватить живую душу образа. Так было в этот раз и у меня. Только когда я в питомниках бывшего города Козлова воочию увидел изумительные результаты трудов Мичурина, тут-то все накопленное ранее слилось воедино. Слова роли стали моими словами, а великая мысль Мичурина — не ждать от природы милостей, а взять их — стала для меня не умозрительным понятием, а полным конкретного содержания, близким мне делом».

Все, кто видел фильм «Мичурин», надолго запомнили великого естествоиспытателя именно таким, каким показал его талантливый артист Григорий Белов: во всей сложности и богатстве неповторимого характера, с глубоким проникновением во внутренний его мир.

Роль Мичурина была первой крупной работой Белова в кино. Но в кино он пришел, имея за плечами богатый опыт артиста драматического театра. Еще будучи студентом Петроградского политехнического института, Белов в

Народный артист РСФСР Г. А. Белов.

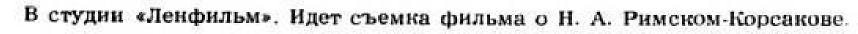
1915 году поступил в драматическую студию, которой руководил Ю. М. Юрьев. Заниматься под руководством выдающегося режиссера Белову пришлось всего несколько месяцев: юноша был мобилизован в армию. Школу актерского мастерства Белов проходил позднее — уже в театре, учась у товарищей по сцене, у таких мастеров, как народные артисты Н. Н. Синельников, И. А. Ростовцев.

Впервые перед зрителями Белов появился в роли машиниста Нила из пьесы М. Горького «Мещане». С тех пор, в каких бы театрах ни работал артист — в Ярославле или Казани, в Архангельске или Петрозаводске, Ленинграде или городах Донбасса,— всегда в списке его ролей были образы горьковских героев — Влас из «Дачников», Петр из «Последних», Васька Пепел — «На дне». На очереди роль Сомова из пьесы «Сомов и другие».

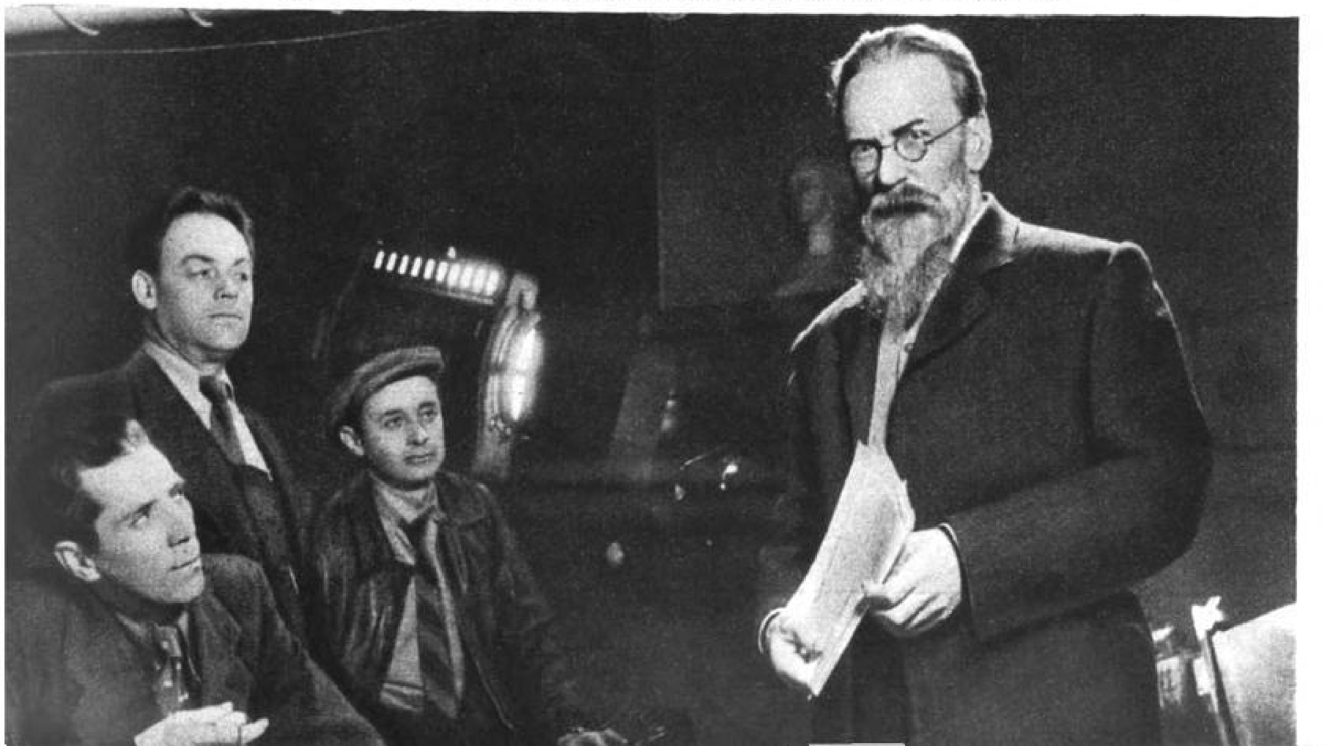
Уже одно простое перечисление горьковских ролей, в которых выступал Григорий Акинфович, говорит о широких творческих его возможностях. Как непохожи друг на друга сознательный пролетарий, революционный боец машинист Нил и забулдыга и бесшабашный босяк Васька Пепел или представитель демократической интеллигенции задорный и смелый Влас и искалеченный мещанской средой Петр! Но для каждого из них артист находит свои, свежие краски, каждый характер стремится показать в его индивидуальных особенностях.

На съемках фильма «Мичурин». Сидит Г. Белов (Мичурин), стоят постановщик фильма А. Довженко и Н. Шамин (Терентий).

В студии «Ленфильм». Идет съемка фильма о Н. А. Римском-Корсакове.

Разнообразны и роли, сыгранные Беловым в пьесах советских драматургов: сибирского крестьянина, партизанского вожака Вершинина («Бронепоезд 14-69» В. Иванова), легендарного полководца гражданской войны Чапаева, стремительного, как ветер, находчивого и бесстрашного Шванди («Любовь Яровая» К. Тренева). В послевоенные годы репертуар Белова пополнился такими ролями, как старый шахтер Макар Дубрава и писатель Батура из широко известных пьес А. Корнейчука, полковник Воропаев из инсценировки романа П. Павленко «Счастье», секретарь райкома Тимошин из пьесы В. Овечкина «Настя Колосова».

Недавно в Ярославском драматическом театре имени Волкова, где Белов работает последние шесть лет, он принял участие в создании спектакля «Незабываемый 1919-й». Артисту выпало на долю работать над воплощением образа величайшего человека современности, любимого вождя и учителя И. В. Сталина.

Созданию каждого образа у Белова предшествует длительный период исканий, проб. Получив новую роль, Белов тщательно изучает литературный материал, а затем уже в жизни, у живых людей ищет и находит черты своего героя.

Миллионы советских людей полюбили старого врача Арсения Ивановича Арсеньева — одного из героев кинокартины «Сельский

врач». Играя эту роль с той простотой, которая является свидетельством зрелого мастерства, Белов сумел показать в рядовом незаурядное, в будничном — прекрасное. Арсеньев с его умным, проницательным взглядом, строгим, даже несколько суровым видом и с его золотым сердцем советского человека, готового отдать все свои силы любимому делу, обрисован артистом так правдиво, что зрители глубоко верят в жизненность всего, что показано на экране. Им уже нетрудно вообразить себе и прошлое Арсеньева, проработавшего на селе более полувека. Нетрудно представить себе, как этот скромный труженик смело и гневно воевал с царскими чиновниками, как он самоотверженно помогал страдавшим от бесправия, нищеты и болезней крестьянам.

Богатый и многообразный опыт вложен артистом в создание образа Арсеньева. Для Белова в этом образе слились черты многих людей. Работая над ролью, он вспоминал своего отца — передового сельского учителя, лишенного права преподавать. Вспоминал и многих других бескорыстных тружеников из числа демократической интеллигенции, работавших до революции в деревне. Запас впечатлений прошлого был у Белова большой. Но ему надо было ясно представить себе, как живут и работают тысячи Арсеньевых в наше время. И он целыми днями пропадает в клиниках, встречается со старейшим врачом одной из районных больниц Чкаловской области, который по праву мог быть живым прототипом Арсеньева...

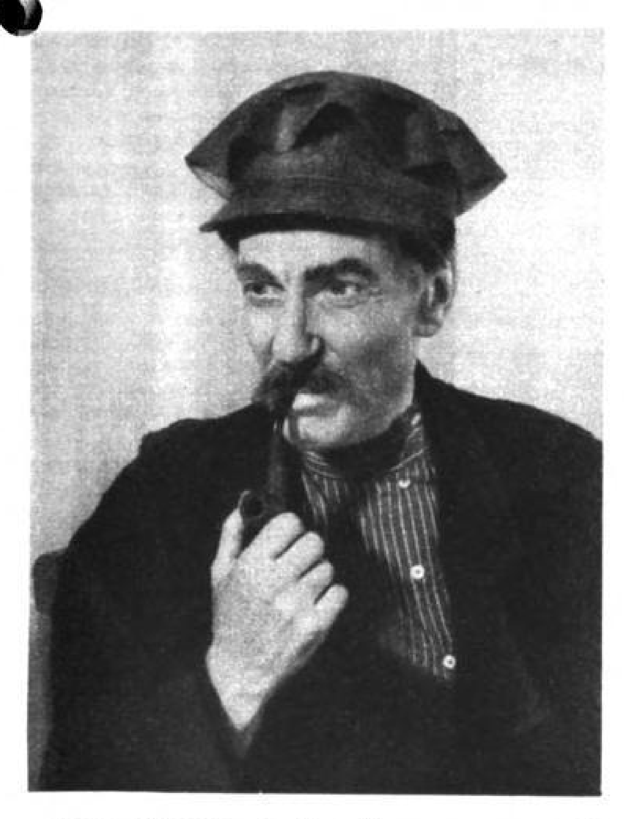
Роль сыграна. Фильм показан на экранах страны. И вот на улице Ярославля, где Белова как артиста и общественного деятеля знает каждый житель, к нему подходит незнакомая женщина и смущенно спрашивает: жив ли сейчас Арсеньев и что он делает? Такой вопрос — высшая похвала артисту.

Сейчас Григорий Акинфович снимается в роли Н. А. Римского-Корсакова в новом фильме. На столе Белова стопки книг о великом русском композиторе, его письма. Надо раскрыть истоки подлинно народного, глубоко патриотического творчества замечательного музыканта. Надо показать его и в разгаре страстной полемики с противниками — декадентами и снобами из буржуазных салонов, и в минуты творчества, и за дирижерским пультом.

«Создать образ выдающегося человека в кинофильме...— писал кинорежиссер А. Довженко, постановщик фильма «Мичурин»,— может не простой лицедей, а артист-гражданин, подлинный художник, обладающий незаурядной индивидуальностью и тонким душевным складом».

Именно таким художником и является Григорий Акинфович Белов, народный артист республики.

Г. КАПРАЛОВ

«Макар Дубрава» А. Корнейчука в постановке Ярославского драматического театра имени Волкова. Макар Дубрава — народный артист РСФСР Г. А. Белов.

И. Захаров. «В БУРЮ».

Художники-МОРЯКИ

А. ЯР-КРАВЧЕНКО

Открывшуюся в Москве выставку самодеятельных художников Советских Военно-Морских Сил выгодно отличает одно важное обстоятельство: они любят свое морское дело, знают его и в своих произведениях идут от жизненных наблюдений.

Работы самодеятельных художников — матросов и старшин Военно-Морских Сил Союза ССР — экспонировались в одном из павильонов Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького. Здесь собрано свыше двухсот произведений; они поступили с Тихого океана, с Черного и Белого морей, с Балтики. Это картины, рисунки, скульптура, вырезанные из дерева модели военных судов — искусство, традиционное для русских моряков.

Конечно, больше всего на выставке моря: и гневное, в бурю, и в штиль, и залитое лунным светом, и нежащееся в розовых лучах утреннего солнца.

Мичман И. Захаров не удовлетворяется этюдами: он пишет картины «На страже моей Родины», «В бурю». У Захарова острый глаз. Он умеет схватить и передать движение воды, увидеть цвет волны. Ему, правда, еще недостает умения гармонически объединить цветовую гамму в общей тональности — недостаток, свойственный живописи и других его товарищей.

Незаурядны способности другого участника выставки, Г. Горшкова. Это явный романтик. Его волнует море в преддверии грозы, он пишет закат и тревожные красные отсветы на дрожащей волне. Он пишет залп «Авроры» и убедительно передает напряженность исторического момента.

Заслуженное внимание зрителей привлекает серия зарисовок старшего матроса З. Мелентьева «О службе морской...» Тут все правдиво, предельно просто, особенно живые сценки «За чисткой орудия», «Расчет в боевой готовности». Удачна забавная композиция «Раздача соленых огурцов во время шторма». Молодые матросы расхватывают спасительные огурцы, а рядом старый моряк спокойно, как ни в чем не бывало, покуривает трубочку. Штормы ему нипочем. Он их видал и перевидал...

Один из рисунков Мелентьева изображает матроса за стиркой. По тому, как верно передана поза стирающего, как точно наблюдено движение рук, ясно — из Мелентьева, если он будет продолжать работать с натуры, выработается хороший рисовальщик.

С этими произведениями перекликаются работы дальневосточника В. Чеботарева. Его «Корабельная редколлегия» — неплохой жанровый рисунок. Чеботарев стремится к психологическим характеристикам изображаемых им людей. С этой стороны особенно интересны его иллюстрации к роману «Порт-Артур» А. Степанова.

Л. Успенский, В. Голодовский, матрос А. Вощинин... На выставке немало интересных, своеобразных авторов. Инженер-лейтенант Ю. Химич создал серию акварелей «Возрожденный Севастополь». У Химича хорошее чувство колорита. А главное, он умеет передать кипучую жизнь севастопольских улиц.

Есть на выставке несколько пейзажных этюдов юного ленинградца В. Суворова. Они поражают своей поэтичностью и написаны в традиции В. В. Мешкова. «У берега», «Родные места», «Серый день», «Стог сена» — эти этюды можно экспонировать на любой профессиональной выставке.

Сейчас по примеру студии военных художников имени Грекова создается в Ленинграде первая в стране студия художников Военно-Морских Сил. И это правильный путь, ибо среди самодеятельных художников немало ярких дарований.

Выставка имела большой и заслуженный успех. Жаль, что на ней были представлены и копии с картин русской и советской классики,— по существу, учебные работы. Надо ориентировать молодых художников не на создание копий, а на самостоятельное творчество. Материал у художников огромный и интереснейший — жизнь советских моряков

В. Чеботарев. Из иллюстраций к роману «Порт-Артур» А. Степанова.

З. Мелентьев. «РАЗДАЧА СОЛЕНЫХ ОГУРЦОВ ВО ВРЕМЯ ШТОРМА».

ЯХТЫ ВЫХОДЯТ В МОРЕ

Фото Е. Умнова

Швертбот готовится к соревнованию. Антс Рауд (второй справа) показывает, как нужно шпаклевать дно.

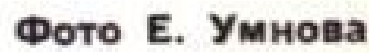
В Таллинской бухте норд-вест. За дымом заводских труб, за зеленой косой, за грядой островов раскинулась гладь Финского залива. Где-то за горизонтом рождаются белые барашки, торопливыми стайками бегут к берегу и тают в чистых прибрежных водах.

С гребней волн, словно крылья больших птиц, взметнулись в небо наполненные ветром паруса яхт.

Здесь, в краю северных и западных ветров, на морских путях ходят под парусами яхтсмены — загорелые, крепкие, закаленные морем и ветром рабочие таллинских заводов и фабрик, школьники, студенты, рыбаки Пярну и Хаапсалу — те, чьи предки с давних времен были известны как добрые мореходы.

Более ста яхт бороздят сейчас воды Финского, Пярнуского и Хаапсальского заливов. В яхт-клубах и секциях парусного спорта учатся и ходят в море 1 500 яхтсменов.

Еще недавно у этих вод были другие хозяева. Их имена преданы забвению эстонским народом. Справочники Таллинского яхт-клуба за 1938—1939 годы пестрят снимками толстых владельцев яхт.

Они позировали фотографу на яхте у пирса, в шезлонге на пляже или на веранде яхт-клуба. Членами его были фабриканты, владельцы магазинов и ресторанов, банкиры.

Воскресное утро... Море играет всеми северными красками — от стального до яркоизумрудного. В зеленых аллеях набережной вереница автобусов, автомобилей, велосипедов: таллинцы выезжают на песчаный морской пляж, на зеленые берега речки Пириты. Здесь можно полюбоваться чудесным зрелищем гуляющих в море яхт...

При впадении Пириты в Таллинскую бухту расположены оба яхт-клуба: «Калев» и «Спартак».

На причале суета: яхтсмены вооружают свой флот. Одно за другим отрываются легкие суда от причалов, звучит команда: «Поднять паруса!»

Яхты выходят на морской простор.

Вот мчатся под парусами Вайке Лауфер и Елена Архангельская. Они подруги, а сейчас между ними идет напряженное соревнование. Кто победит?

А вот мастер спорта Антс Рауд ведет швертбот «Ильмарине» курсом галфвинд. Швертбот ложится в крен, почти касаясь парусом волны. Рауд учит свою команду ходить при сильном ветре, под тугими парусами.

А давно ли он в первый раз, чуть побаиваясь вспененных волн, вышел в море! Ведь мастер спорта совсем молод: ему всего 23 года.

Это было в первые дни работы на Таллинской ювелирной фабрике, куда он поступил гравером по-

Чемпионка Эстонии Вайке Лауфер (в центре) ведет яхту. Слева — яхтсменка Мара Хинт справа — Линда Сэпп.

сле окончания ремесленного училища. Председатель парусной секции фабрики пригласил его идти в море на яхте.

Вернувшись из первого рейса, Антс вспомнил, что даже мать удивлялась его терпению: он мог, не поднимая головы, сидеть над гравированием матриц целые дни, и каждый, видевший его в это время, понимал: человек влюблен в свою работу. Он подумал, что между медленной, кропотливой работой гравера и стремительной ходьбой под парусами есть общее: для того, чтобы овладеть тем и другим, нужны терпение и выносливость.

Прямо с работы спешил Антс на пирс, на яхту. Уже в море он вспоминал, что забыл пообедать, наспех проглатывал бутерброды, положенные заботливой рукой в его чемоданчик, и уходил далеко в море.

Рабочий Таллинской ювелирной фабрики Антс Рауд ведет большую общественную работу: он член правления яхт-клуба «Калев», член Совета тренеров, заместитель председателя физкультурного коллектива на своей фабрике.

Яхт-клуб «Калев» работает уже 4 года, в нем 900 членов, подавляющее большинство их — рабочие таллинских заводов «Ильмарине», «Пунане РЭТ», «Пунане Койт», электростанции, хлебокомбината.

При клубе работает школа молодых яхтсменов. Клуб имеет хорошо оборудованный учебный класс, в котором идут теоретические занятия по навигации.

Здесь, у пирса «Калева», проводят свои испытания юные моделисты, таллинские школьники Михаил Губанов, Виталий Васиченко, Борис Синявский и их друзья, воспитывается юное поколение яхтсменов.

Яхт-клуб «Спартак» моложе «Калева»: он работает всего второй год. Члены яхт-клуба «Спартак» сами оборудовали свой учебный класс: Каарел Сепп, Олев Ээнсалу, Арнольд Трукс, Николай Аласоо готовили диаграммы, чертежи, делали модели яхт и кораблей.

На морских просторах яхтсмены «Спартака» стойко выдерживают соревнование с яхтсменами других клубов.

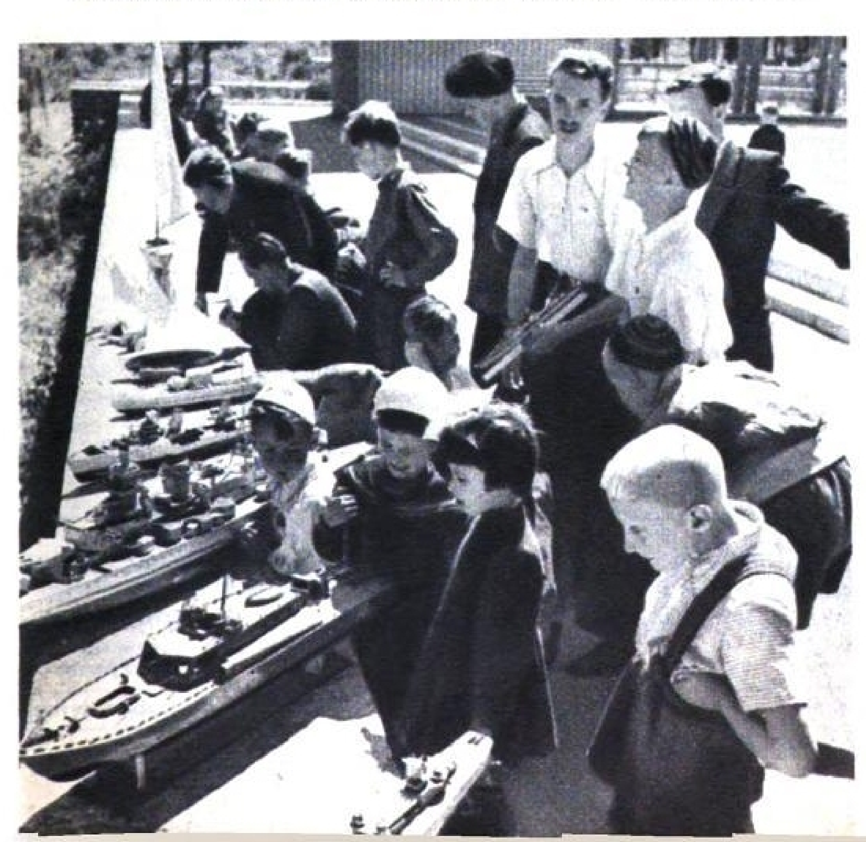
Каждый день после окончания рабочих часов на взморье выезжают сотни таллинских яхтсменов. До заката солнца в бухте мелькают белые паруса.

Н. ХРАБРОВА

В устье реки Пириты стоят яхты «Калева» и «Спартака».

На выставке работ юных моделистов морского клуба ДОСААФ.

В. Берзина проходит последний барьер.

Начало пути

— Участницам женской эстафеты четыре по сто метров приготовиться к выходу на этапы,— объявил диктор.

Девушки волновались.

Валя Берзина успокаивала их. Она была в команде за старшую. Рекордсменка города, участница всесоюзных соревнований, она как более опытная спортсменка руководила тренировками. Валя знала, что другие команды не уступают в силе, каждая их спортсменка умеет так же быстро бегать стометровку. Значит, нужно выиграть время за счет более четкой передачи эстафеты. И девушки с особой тщательностью тренировали передачу.

Команды разошлись по этапам. С беспокойством следит Валя за подругами. Сегодня она держит экзамен не только как спортсменка, а впервые в жизни и как тренер. Как-то покажут себя девочки? Ведь они еще совсем неопытны. А Валя знает, как волнуются сейчас подруги.

То же самое было с ней четыре года назад. Валя училась тогда в харьковском ремесленном училище № 5. В группе она выделялась среди сверстниц сноровкой и быстротой. Поэтому ее решили включить в состав легкоатлетической команды училища. В состязаниях Валя должна была бежать в эстафете. На старте в первый раз испытала она прекрасное чувство волнения. Эстафета закончилась успешно.

— Из тебя выйдет хорошая спортсменка,— сказал Вале тренер «Трудовых резервов» Николай Терентьевич Богодуховский.— Приходи заниматься к нам, в центральную секцию.

С тех пор начались регулярные тренировки. С каждым днем спорт все больше входил в жизнь Вали. Вскоре пришли первые успехи. В 1949 году Валя стала чемпионкой общества «Трудовые резервы», а в следующем сезоне — рекордсменкой общества среди девушек.

Осенью прошлого года она поступила учиться в Харьковский техникум физической культуры.

...Не задерживаясь ни на мгновение, серебристая палочка переходит из рук в руки. Разгорается упорная спортивная борьба. Лида Луценко получает эстафету почти одновременно со своей соперницей. Резким рывком она выходит вперед. Идущей на последнем этапе Вале Берзиной остается только закрепить успех своей команды.

Победа!

Девушки вызываются к судейскому столу за получением маек чемпиона техникума.

В этих состязаниях Валя участвовала не только в эстафете. Она вновь показала себя разносторонней легкоатлеткой: установила новый рекорд техникума в прыжках в высоту и повторила свой городской рекорд в барьерном беге на 80 метров.

...Состязания на первенство техникума по легкой атлетике продолжались. Один за другим брали старты юноши и девушки. Каждый из них упорно боролся за победу.

В. ФРОЛОВ

В. Берзина заканчивает дистанцию.
Фото А. Бурдукова

Гоголь-ботаник

Чем пристальнее изучаются жизнь и творчество Н. В. Гоголя, тем шире раздвигается перед нами круг интересов великого писателя. В той или иной степени — в разное время — он работал в области критики, театра, живописи, истории, географии, фольклора, лексикографии древних и новых языков.

В аттестате об окончании Нежинской гимназии высших наук успеваемость Гоголя в естественной истории признана превосходной, и это не случайно: он особо любил один из разделов этой науки — ботанику. Любовь к ней Гоголь сохранил до конца жизни: изучал растения, русскую и иностранную ботаническую литературу, народную ботанику, а когда позволяла обстановка, работал в саду.

Приобретенные с течением времени познания его в этой науке были основательны. Вот что, например, пишет его современник Л. И. Арнольди о своей поездке с Гоголем в Калужскую губернию летом 1849 года: «...он беспрестанно останавливал кучера, выскакивал из тарантаса, бежал через дорогу в поле и срывал какой-нибудь цветок; потом садился, рассказывал мне довольно подробно, какого он класса, рода, какое его лечебное свойство, как называется он по-латыни и как называют его наши крестьяне».

Знание флоры и умение художника пользоваться этим знанием дали ему возможность создать прекрасные картины природы и среди них знаменитые описания степей в «Тарасе Бульбе» и сада Плюшкина в «Мертвых душах». Интересно отметить, что в таком сравнительно небольшом произведении, как «Старосветские помещики», Гоголь, не уделяя особого внимания пейзажу, по ходу повествования называет около тридцати видов разных растений.

Однако их изучение служило Гоголю не только для художественных целей. Быть может, еще в большей степени его привлекала практическая сторона ботаники. В последние годы своей жизни Гоголь проектировал составить широко задуманную народную ботанику, в которую наряду с другими материалами предполагал включить сравнительный словарь народных названий растений. Много таких названий занесено Гоголем в записные книжки и выписано особо. В отделе рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина в Москве хранится так называемый «Лекарственный Арзамаский травник» — принадлежавшая Гоголю тетрадь, которая содержит его выписки из травников и разных календарей. Среди них описание лечебных свойств растений, употребление их в быту, а также «Цветочный барометр», в котором указаны растения — предвестники погоды.

Во втором томе «Мертвых душ» есть замечательные строки, посвященные лесу:

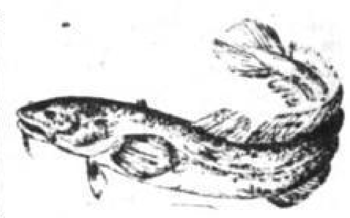
«...через все поле сеянный лес — ровные, как стрелки, дерева; за ними другой, повыше, тоже молодняк; за ними старый лесняк, и все один выше другого. Потом опять полоса поля, покрытая густым лесом, и снова таким же образом молодой лес, и опять старый. И три раза проехали, как сквозь ворота стен, сквозь леса... Мало, что он (Костанжогло.— Б. А.) почву знает, как знает, какое соседство для кого нужно, возле какого хлеба какие дерева... Лес у него, кроме того, что для леса, нужен затем, чтобы в таком-то месте на столько-то влаги прибавить полям, на столько-то унавозить падающим листом, на столько-то дать тени... Когда вокруг засуха, у него нет засухи; когда вокруг неурожай, у него нет неурожая».

Из этого отрывка видно, какое значение сам Гоголь придавал насаждению лесов. Широко охватывая предмет, он указывал даже способ разведения молодого леса под защитой старого и взаимную связь между почвой, злаками и деревьями.

Гоголь не принадлежал к тем ботаникам, для которых растения существуют только в гербарных папках. Критик и литературовед П. В. Анненков, рассказывая о своем свидании с писателем незадолго до смерти последнего, отмечает, что тот взял с него честное слово беречь рощи и леса в деревне. Зеленое золото было для Гоголя действительно золотом, не только прекрасным, но и полезным в жизни природы и человека.

Б. АЛЕКСЕЕВ

МЕЧЕНЫЙ

...По совести сказать, он доставил нам немало хлопот за те два года, в которые мы посещали этот «левитановский» омут на приветливой речушке, в глубине старых муромских лесов.

Он отличался постоянством, облюбовав себе под жилье большую корягу, засосанную длинными ветвистыми лапами в плотный песок отмели. Мы часто наблюдали в прозрачной осенней воде, как этот толстый коричневый налим со странным белым пятном около хвоста деловито выплывал из своего недоступного убежища и затем, не спеша, снова скрывался в глубине омута... Рыболовы прозвали его «Меченый».

Иногда, осматривая поставленные на ночь жерлицы, мы находили на крючках мертвых лягушат с очень деликатно обглоданными лапами. Конечно, это были проделки Меченого! Однажды удалось почти наполовину вытянуть Меченого на берег, несмотря на его отчаянное сопротивление. Как все-таки успел налим выплюнуть лягушонка на добротном, зацепистом крючке, уму непостижимо.

После этой неприятности Меченый перестал интересоваться нашими насадками. В конце концов и мы махнули на него рукой: есть же предел терпению! Кстати, скоро ударили морозы, и пришло новое увлечение: подледный лов щук ниже по реке, километров за восемь от обиталища Меченого.

Щук, как и полагается, ловили «на живца». На гнутых березовых санках привозили из дальнего колхозного пруда обледенелые, укутанные тряпками ведра с черными, как будто воронеными карасиками. На месте перекладывали карасей в большую плетеную корзину с крышкой. Положив в этот живорыбный садок камень, опускали его на веревке под лед. Корзина была ветхой, и ее регулярно чинили, накладывая на сомнительные места заплаты из толстой мешковины.

Последнюю партию карасей удалось доставить с особым трудом. В ранние январские сумерки опустили садок в прорубь. А на рассвете, быстро прочистив лунки, запечатанные темным хрусталем льда, подготовили жерлицы и направились к проруби за живцами.

Садок оказался необычно тяжелым. Вытащив его на поверхность льда, мы увидели большую дыру, зиявшую темным пятном на крышке. Прутья под одной из заплат настолько прогнили, что, видно, струи подводного течения смыли ее, как бумажную наклейку.

Печально мы смотрели друг на друга: вот тебе и живцы! Вдруг в корзине что-то зашевелилось... Приятель откинул крышку садка, заглянул в него и неожиданно захохотал:

— Вот это называется спрятался!.. Нашел уютный уголок!

В садке был... Меченый! Среди тысячи его собратьев мы отличили бы безошибочно это белое пятно около хвоста — причудливое изменение пигмента на коричневом мраморе кожи налима. Как попал он сюда, за восемь километров от своей родимой коряги? Как нашел укромное помещение опустевшего садка? Или это он сам сильной плоской головой протаранил ветхую посудину, полную юрких, заманчивых карасей?

С триумфом мы несли домой Меченого, свернувшегося большой толстой колбасой в нашем рюкзаке. Дома из печени налима, с трудом уложившейся в большое, глубокое блюдо, хозяйка приготовила превосходный паштет. Вечером, пригласив друзей, мы на славу «помянули» Меченого.

Михаил ЗАБОРСКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Стая. 4. Рыба. 7. Город в Австралии. 8. Узкая дорожка. 12. Группа всадников на прогулке. 13. Аппарат для регулирования и пуска электродвигателей. 15. Путь сообщения. 16. Русский писатель-революционер. 17. Озеро в Сибири. 18. Вид опоры, на которой вращается вал машины. 21. Плата за перевозку груза. 22. Минерал. 26. Народная артистка СССР. 31. Планета. 32. Советский певец. 33. Посетитель, покупатель, заказчик. 34. Насаждение деревьев и кустарников. 36. Совокупность упражнений для физического развития организма. 38. Коренной житель. 39. Общественное здание в античности. 40. Цветок. 41. Каменный утес.

По вертикали:

1. Краска. 2. Прибор для печатания. 3. Часть механизма огнестрельного оружия. 4. Морское животное. 5. Деятельность правительства по осуществлению внешней политики. 6. Столкновение, разногласие. 7. Род попугая. 9. Название месяца. 10. Система мероприятий по поддержанию общественной гигиены и санитарии. 11. Возраст. 14. Птица из семейства уток. 19. Буква латинского алфавита. 20. Место косьбы. 23. Музыкант. 24. Курорт на Черном море. 25. Наука о законах движения снарядов. 27. Продольные нити в ткани. 28. Насекомое. 29. Группа наук. 30. Государство. 35. Имя дочери Стахова в романе И. С. Тургенева «Накануне». 37. Оттенок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали:

7. Реформа. 8. «Воробей». 13. «Отрочество». 14. Аккредитив. 15. Седых. 16. Успенский. 18. Носов. 21. Монисто. 24. Статика. 25. Волопас. 26. Балл. 27. Утро. 28. Актив. 29. Канск. 30. Ринг. 33. Тема. 36. Суффикс. 38. Мелинит. 39. Критика. 42. Гелий. 43. Спектакль. 46. Ампир. 49. Гистология. 50. Фотометрия. 51. Квадрат. 52. Диалект.

По вертикали:

1. Белорыбица. 2. Борец. 3. Аметист. 4. Москвин. 5. Корея. 6. Геликоптер. 9. Отрезок. 10. Фойе. 11. Барс. 12. Сирокко. 17. Нырок. 19. Сталагмит. 20. Структура. 22. Косинус. 23. Загадка. 31. Инициатива. 32. Офорт. 34. Математика. 35. Телегин. 37. Акрихин. 40. Эпиграф. 41. Плотник. 44. Кряж. 45. Арфа. 47. Слюда. 48. Смола.

ШАШКИ

Решение этюда А. Рокитницкого (Минск)

Белые: дамка f2, простые — a3, g3; **черные:** b6, c5, d4, h8.

Выигрыш. 1. g3—f4 b6—a5 (если 1. ...d4—e3, то 2. f2—e1 c5—b4. 3. a3—a7 c3—b2 4. e1—c3 b2 : d4 5. f4—e5 d4—f6 6. a7—b8 и выигрывают). 2. f2—e1 h8—g7 3.. e1—d2! d4—e3 4. d2—b4!! и выигрывают.

В этом номере помещены две страницы рисунков китайских художников Хуан Цзюна и Чжан Фань-фу, две страницы акварелей Стрелковского и Соколова и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

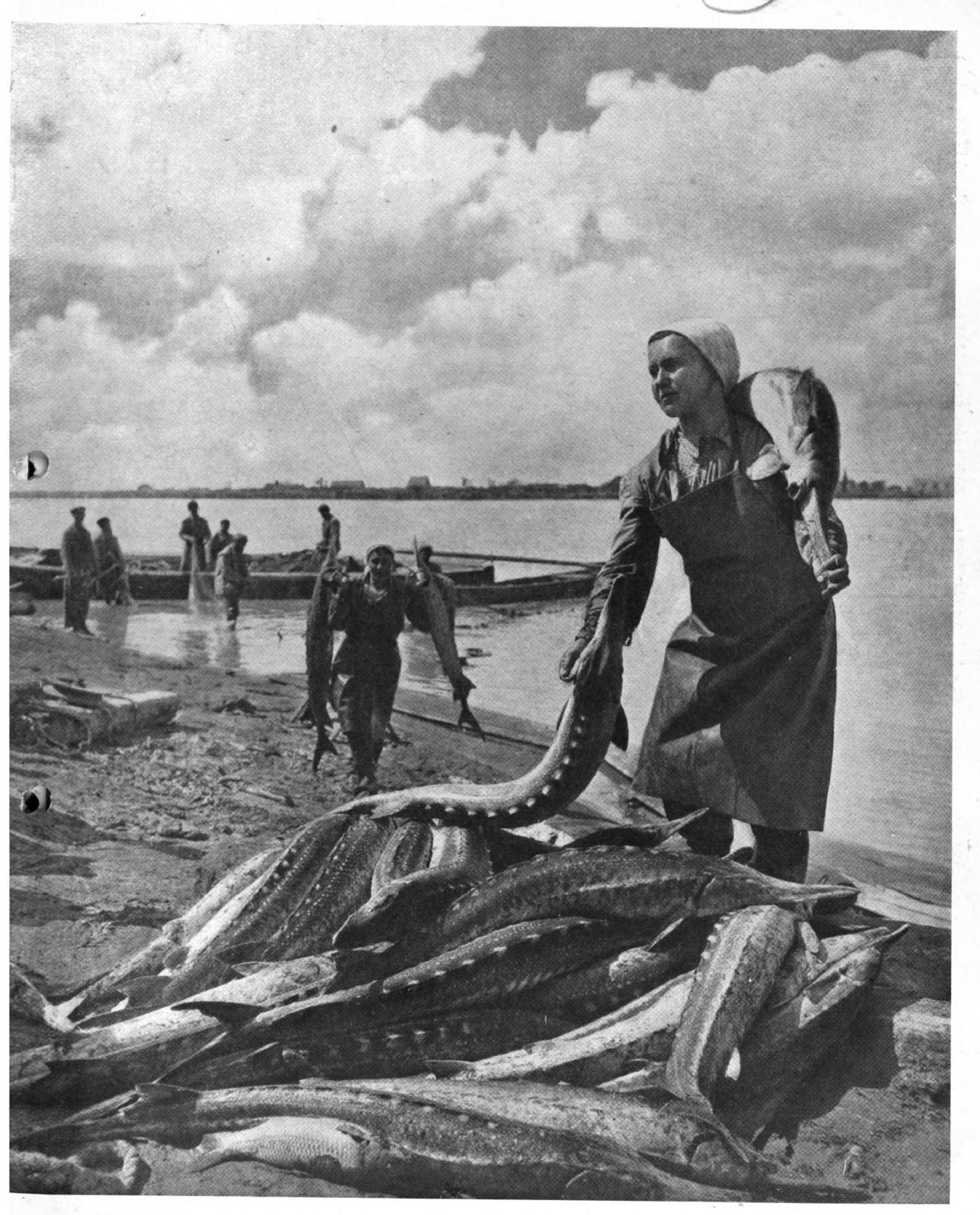
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 05838. Подп. к печ. 23/IX 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 758. Заказ 2117. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

На Первомайском стане Банковского рыбного комбината в устье Куры (Азербайджанская ССР). Справа: лучшая рыбачка стана Софья Асадова.
Фото Н. Максимова
Из снимков, поступивших на конкурс «Огонька»

Цена 3 руб.